ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Председательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ II

годъ шестой

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12
1896

Печатано по распоряженію Императорскаго Спб. Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Грихья-сутры, какъ источникъ для исторіи индоевропейской бытовой культуры.

Сравнительное языкознаніе со своими неопровержимыми выводами о родствѣ индоевропейскихъ языковъ, вызвало къ жизни новую науку, которая имѣетъ цѣлью возстановить первоначальную жизнь праиндоевропейскаго народа. Если путемъ сравненія словъ индоевропейскихъ языковъ можно возстановить слова праязыка, изъ которыхъ развились слова сравниваемыхъ языковъ, то совершенно естественно является вопросъ: не свидѣтельствуютъ-ли эти слова о томъ, что праиндоевропейскій народъ зналъ предметы, называемые ими? Отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно невозможно. А отсюда очень легко сдѣлать выводъ (мы не касаемся при этомъ вопроса, насколько справедливъ такой выводъ), что путемъ сопоставленія словъ мы можемъ дойти и до возстановленія всей обстановки жизни нашихъ индоевропейскихъ предковъ: окружавшей ихъ природы, ихъ утвари, образа жизни, занятій, обычаевъ, религіи и проч. Такія мысли и вызвали довольно рано попытки нарисовать по возможности полную картину жизни праиндоевропейскаго народа. Здѣсь мы не будемъ входить въ критику добытыхъ такимъ путемъ свѣдѣній, а укажемъ только на одну слабую сторону этихъ изслѣдованій. Уже съ самыхъ первыхъ шаговъ нашей науки стала сказываться неполнота добытыхъ свѣдѣній. Добываемые съ большимъ трудомъ остатки обще-индоевропейской культуры оказывались настолько бѣдны, что изъ нихъ нельзя было склеить и плохой мозаичной картины. Если эта картина все-таки получалась, то только благодаря болѣе или менѣе живой фантазіи ея творцовъ. Однако такое положеніе не могло долго просуществовать, такъ какъ фантазіи очень скоро разрушались при малѣйшемъ прикосновеніи критики. Поэтому самые серьезные представители новой науки рѣшили ограничиваться пока добываніемъ новыхъ

данныхъ для будущей картины или возстановлять ее при помощи другихъ болѣе надежныхъ средствъ, чѣмъ собственная фантазія. Такъ, напр., во второмъ изданіи своей книги «Sprachvergleichung und Urgeschichte» Шрадеръ сопоставляетъ данныя, добытыя лингвистическимъ путемъ, съ остатками швейцарскихъ свайныхъ построекъ и высказываетъ предположеніе, что это и есть остатки культуры общихъ предковъ европейской группы индоевропейскихъ народовъ. Онъ же пользуется еще и сравнительнымъ изученіемъ обычаевъ этихъ народовъ. Однако, какъ мнѣ кажется, о значеніи этого подспорья при возстановленіи картины первоначальной общей жизни индоевропейцевъ у нашихъ изслѣдователей нѣтъ опредѣленнаго, точнаго представленія. Мнѣ кажется даже, что сравнительное изученіе обычаевъ оказывало ученымъ услугу помимо ихъ собственнаго сознанія: сопоставленія извѣстныхъ сходныхъ обычаевъ существуютъ уже, и изслѣдователь, сопоставляя слова, вкладываетъ въ нихъ содержаніе, извѣстное уже ему изъ сопоставленія обычаевъ. Такимъ образомъ выводъ, къ которому приходитъ ученый, до извѣстной мѣры уже существовалъ въ сравниваемыхъ обычаяхъ. Поэтому мнѣ кажется необходимымъ остановиться на этомъ вопросѣ, и онъ прямо приведетъ насъ къ нашей темѣ.

Какъ странно было-бы въ настоящее время сказать, что цѣль сравнительнаго языкознанія заключается въ возстановленіи языка, которымъ говорили наши общіе предки. Центръ тяжести науки въ настоящее время перешелъ на сравнительное изученіе фактовъ отдѣльныхъ языковъ. Если при этомъ мы приходимъ къ тому заключенію, что въ праязыкѣ существовала такая-то система звуковъ, такія-то формы словъ и такія-то синтаксическія сочетанія, то это есть результатъ нашего изслѣдованія, результатъ очень важный, но почему мы стали-бы придавать ему значеніе цѣли всего изслѣдованія? Неужели только потому, что это древнѣйшая доступная намъ ступень въ историческомъ развитіи индоевропейскихъ языковъ? Этого, конечно, еще очень мало. Въ настоящее время никто не станетъ спорить противъ того, что возстановленіе праязычныхъ формъ находится въ полной зависимости отъ точности изслѣдованій отдѣльныхъ языковъ. Поэтому сравнительный языковѣдъ обыкновенно восходитъ къ древности отъ фактовъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ. Совершенно тоже самое можно сказать и о сравнительномъ изученіи обычаевъ индоевропейскихъ народовъ. Нельзя сказать, чтобы возстановленіе картины жизни индоевропейцевъ составляло цѣль этого изученія. Это— самая трудная задача его, къ рѣшенію которой мы можемъ прійти только путемъ тщательнаго сравнительно историческаго изслѣдованія обычаевъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ народовъ. И это совершенно понятно. Картина жизни индоевропейцевъ должна быть возстановлена; ея не существуетъ на са-

момъ дѣлѣ. Всякое возстановленіе зависитъ отъ точности нашихъ знаній въ тѣхъ областяхъ, которыя даютъ матеріалъ для возстановленія этой картины. Словомъ сказать, нельзя называть цѣлью науки возстановленіе картины жизни индоевропейцевъ уже потому, что въ этой картинѣ не будетъ и не можетъ быть ничего новаго для насъ. Въ ней будетъ только то, что мы съумѣли добыть изъ изученія обычаевъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ и не индоевропейскихъ народовъ. Однимъ словомъ изученіе должно быть направлено не на тѣ отдѣльныя стороны обычаевъ, которыя даютъ поводъ къ сопоставленіямъ, а на изученіе обычаевъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ народовъ,—изученіе по возможности всестороннее, т. е. въ связи со всѣми окружающими обычай условіями жизни даннаго народа. Я потому обращаю особенное вниманіе на это послѣднее требованіе, что возведеніе какого-нибудь обычая въ достоинство индоевропейскаго обычая ни на іоту не двигаетъ впередъ нашего знанія. Это только фигуральное выраженіе того факта, что данный обычай мы находимъ у многихъ индоевропейскихъ народовъ. Наше пониманіе обычая остается все на той же примитивной ступени, на которой было и раньше. А изслѣдованіе обычая въ его исторической обстановкѣ и сравненіе аналогичныхъ обычаевъ (тоже предварительно обслѣдованныхъ) другихъ индоевропейскихъ народовъ, дастъ намъ не только выводы относительно принадлежности обычая къ праиндоевропейской старинѣ, но и прочныя историческія точки опоры для объясненія возникновенія и развитія этого обычая. Наконецъ задача наша усложняется еще и тѣмъ, что мы должны здѣсь болѣе, чѣмъ въ сравнительномъ языкознаніи, считаться съ возможностью заимствованія обычая у другого народа. Здѣсь не лишнимъ будетъ обратить вниманіе на существенную разницу между результатами, добытыми сравнительнымъ языкознаніемъ и результатами изслѣдованія индоевропейской культуры. При помощи сравнительнаго языкознанія мы научились возстановлять праязычныя формы, совершенно отличныя отъ исторически засвидѣтельствованныхъ формъ отдѣльныхъ языковъ. Между тѣмъ мы не имѣемъ до сихъ поръ ничего въ области изслѣдованій индоевропейской культуры, что̀ можно было-бы сравнить съ вышеупомянутыми выводами языкознанія. Мы просто переносимъ на индоевропейцевъ нѣкоторыя историческія черты,—ступень, на которой находилось и языкознаніе. Этотъ фактъ по моему сильнѣе всего свидѣтельствуетъ о недостаточности сравнительно-исторической разработки обычаевъ индоевропейскихъ народовъ. Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ признать, что въ настоящее время мы пожалуй не можемъ и мечтать о рисовавшейся прежде нашему воображенію картинѣ, а должны всѣ свои силы направить на изученіе обычаевъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ народовъ. Это положеніе не ново. Его высказалъ напр. Шра-

деръ, въ упомянутой уже книгѣ. Но высказывается это тамъ нѣсколько иначе и при томъ такъ, что по моему мнѣнію все значеніе этого положенія теряется. На стр. 351 Шрадеръ говоритъ: «Мы будемъ... исходить изъ результатовъ сравнительнаго языкознанія... Но такимъ образомъ мы исполнили только половину нашей задачи. Прежде всего вопросъ будетъ заключаться въ томъ, чтобы въ историческомъ преданіи индоевропейцевъ найти остатки первобытной жизни, на которые указываютъ факты языка. Къ сравнительному языкознанію при изслѣдованіи праиндоевропейской исторіи должно присоединиться сравнительное изученіе старины» (vergleicheude Alterthumskunde). Здѣсь, слѣдовательно, за языкознаніемъ признается руководящая роль, которой оно по моему никогда не можетъ имѣть. Это, конечно, не лишаетъ его того значенія, которое оно должно имѣть въ ряду другихъ фактовъ, но мы не можемъ предпочитать факты языкознанія другимъ прямымъ свидѣтельствамъ.

Я сдѣлалъ это небольшое введеніе для того, чтобы выяснить ту точку зрѣнія, съ которой долженъ оцѣнивать изслѣдователь индоевропейской культуры памятники отдѣльныхъ народовъ, служащіе источниками нашихъ свѣдѣній объ индоевропейской культурѣ. Съ этой именно точки зрѣнія мы и будемъ оцѣнивать одинъ изъ важныхъ источниковъ древне-индійской культуры, именно грихья-сутры, т. е. правила домашняго ритуала. Совершенно понятно, что мы должны прежде всего обратить вниманіе на условія, среди которыхъ сложился этотъ разрядъ памятниковъ. Грихья-сутры относятся къ тому періоду древне-индійской жизни, который обыкновенно называется періодомъ сутръ. Онъ характеризуется появленіемъ сборниковъ краткихъ правилъ (sutram и значитъ «нить, правило»), касающихся всѣхъ сторонъ индійской частной религіозной и общественной жизни. Сборники эти представляютъ своды по возможности всего того, что было выработано предшествующей культурой. Составлены были они учеными по тому времени брахманами. Это обстоятельство оказало довольно сильное вліяніе на наши памятники. Въ этой кастѣ жрецовъ сосредоточивалась вся тогдашняя наука, въ ней же развилась довольно рано религіозная философія, философія жертвы. Эта философія оказывала сильное вліяніе на религію индусовъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ. Мы конечно не можемъ сомнѣваться, что существовали кромѣ того и другія религіозныя теченія, живѣе сохранившія старыя преданія, но вообще вліяніе брахманства несомнѣнно. Само оно дѣлилось на множество различныхъ толковъ, но это дѣленіе не основывалось на какихъ-нибудь коренныхъ различіяхъ, а ограничивалось только разницей въ мелочахъ обрядовой стороны религіи. Однимъ

словомъ брахманство очевидно перерабатывало старинные предметы религіи по своимъ философско-религіознымъ воззрѣніямъ. Примитивная брахманская философія конечно не могла достигнуть полной независимости отъ старинпаго преданія, которое и давало матеріалъ для ихъ размышленій. Такимъ образомъ она старается разъяснить преданіе, придать тотъ или другой смыслъ обряду. Конечно о систематическомъ объясненіи всѣхъ обрядовъ не можетъ быть и рѣчи; но несомнѣнно, мнѣ кажется, работа мысли сказывалась также и въ томъ, что нѣкоторые обряды отвергались, если казались несоотвѣтствующими, противорѣчащими какому-нибудь положенію. Попытки эти вообще рѣдки и робки, въ особенности въ самый древній періодъ, но такіе факты, какъ появленіе буддизма, джайнизма и другихъ противныхъ брахманству сектъ, дошедшихъ до отрицанія древнихъ божествъ свидѣтельствуютъ о развитіи этого духа критики и отрицанія. Таково направленіе дѣятельности брахмановъ въ философско-религіозной области. Въ области жизни общественной вліяніе ихъ сказывалось въ дружномъ отстаиваніи своего первенства между всѣми другими кастами и въ неустанномъ и беззастѣнчивомъ выставленіи себя на первый планъ, требованіи себѣ всевозможныхъ даровъ и приношеній. Во всемъ видны слѣды той мирной борьбы, которую вели брахманы противъ другихъ кастъ. Они сознательно стремились къ захвату въ свои руки всей религіозной области, которая тогда сплеталась многочисленными нитями со всѣми другими сферами жизни. Брахманы проповѣдовали, что они нужны вездѣ, что безъ нихъ не можетъ обойтись никто, такъ какъ они одни—хранители всѣхъ знаній вообще, и въ особенности знанія, какъ нужно приносить жертву, безъ которой не обходился ни одинъ даже самый обыденный случай жизни. Такимъ образомъ главный пунктъ, на который направлялась ихъ аттака, была жертва: завоевавши этотъ пунктъ легко можно было управлять и главенствовать во всѣхъ другихъ сферахъ. О сознательности такихъ завоевательныхъ стремленій свидѣтельствуетъ напр. тотъ фактъ, что брахманы дѣйствовали дружно, и если одинъ брахманъ почему-либо отказывался совершить жертвоприношеніе для индуса, то ни одинъ другой брахманъ уже не соглашался совершать для него жертвоприношенія. Конечно не честолюбіе было главнымъ двигателемъ этихъ завоевательныхъ стремленій: мы имѣемъ множество неопровержимыхъ доказательствъ того, что такимъ двигателемъ было корыстолюбіе. Уже въ Ригъ-ведѣ мы находимъ насмѣшки надъ брахманами, которые подобно плотникамъ, ищущимъ, не прогнилъ-ли гдѣ-нибудь домъ, высматриваютъ, не найдется-ли кто, кому нужно было-бы совершить торжественное жертвоприношеніе. И во всѣхъ дошедшихъ до насъ памятникахъ мы находимъ прославленіе особенно щедрыхъ къ брахманамъ лицъ, а

описанія жертвенныхъ ритуаловъ никогда не забываютъ прибавить, что̀ долженъ получить за такую то жертву брахманъ, при чемъ обыкновенно предупредительно разрѣшается давать и больше. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, очевидно имѣющихъ въ виду менѣе богатыхъ жертвователей, разрѣшается давать и меньше, но давать все-таки необходимо. Я остановился на этой характерной чертѣ брахманства потому, что она особенно рѣзко сказывается въ грихья-сутрахъ, и имѣетъ для насъ значенье при критикѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя мы получаемъ изъ этого памятника. Первое, что подпало подъ власть брахманства, были наиболѣе торжественныя жертвоприношенія, а именно жертвоприношеніе сомою, которое такъ прославлено въ Ригъ-ведѣ. Завоеванія свои брахманы распространяли захватывая въ свои руки прежде всего руководительство въ подобныхъ торжествахъ. Изъ случаевъ частной жизни отдѣльнаго человѣка, какъ кажется, прежде всего стали соединяться съ жертвоприношеніемъ сомою—свадьба и погребеніе (см. Oldenberg, Sacred Books of the East. vol. XXX introd. стр. X). Такимъ образомъ брахманы уже проникли въ частную жизнь. При дальнѣйшихъ ихъ захватахъ труднѣе всего давалась имъ въ руки повседневная жизнь человѣка. Здѣсь они болѣе всего были связаны преданіями, переходившими по наслѣдству отъ родителей къ дѣтямъ. Бороться съ ними имъ было не подъ силу, и они ограничивались только тѣмъ, что стремились, и иногда съ успѣхомъ, присвоить себѣ то или другое мѣсто въ этомъ домашнемъ ритуалѣ. Въ грихья-сутрахъ мы часто встрѣчаемъ заявленія, что для такого-то обряда долженъ быть приглашенъ брахманъ, но ему предписывается только слѣдить за правильностью совершенія обряда и получить за это подарокъ. Въ такихъ случаяхъ совершенно ясно, что мы имѣемъ дѣло съ насильственнымъ захватомъ брахманами того мѣста, которое прежде принадлежало главѣ семьи; это тѣмъ болѣе ясно, что сами брахманы признавали существованіе различій между обычаями различныхъ рѳдовъ, слѣдовательно ихъ руководительство есть только довольно прозрачная придирка къ случаю. Грихья-сутры, обыкновенно предписываютъ угощеніе брахмановъ, смотря по средствамъ домохозяина, послѣ всякаго обряда домашняго культа (Gobh. I, 1, 6); между тѣмъ мы знаемъ, что большинство домашнихъ обрядовъ совершалъ хозяинъ дома самъ. Такое же вторженіе брахмановъ мы видимъ въ слѣдующемъ предписаніи грихья-сутры, приписываемой ученому Āpastamb'ѣ: «Женихъ долженъ послать нѣсколькихъ друзей (для сватовства), знающихъ веды», т. е., конечно, брахмановъ. Комментаторы этого правила прибавляютъ, что за неимѣніемъ брахмановъ, можно посылать и другихъ друзей—не брахмановъ (см. Āp. 4, 1, и Winternitz Das Altindische Hochzeitsrituell S. 21, 39). Вообще для насъ огромную важ-

ность имѣютъ такія уступки, какъ напримѣръ только что упомянутая. Какое значеніе имѣетъ въ такомъ случаѣ предписаніе сутры, если разрѣшается въ концѣ концовъ поступать, какъ хочешь? Это опять таки одинъ изъ обыкновенныхъ пріемовъ брать подъ свое покровительство совершеніе обряда. И такъ во всемъ: на все брахманъ хочетъ наложить свою руку. Но домашній ритуалъ оказываетъ имъ довольно сильное сопротивленіе именно въ силу своего частнаго характера, въ силу того, что этотъ ритуалъ былъ неразрывно связанъ съ преданіями даннаго рода, куда брахманъ не могъ ворваться уже потому, что онъ не принадлежалъ къ этому роду. Поэтому здѣсь онъ ограничивался только ролью ассистента и старался по мѣрѣ силъ подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ урвать свою долю. Къ такимъ неразрывно съ родомъ связаннымъ обрядамъ домашняго культа относилось и почитаніе предковъ. Брахманъ не могъ совершать этихъ обрядовъ, потому что не принадлежалъ къ роду, не былъ потомкомъ тѣхъ лицъ, кому приносилась жертва; но, не будучи потомкомъ, онъ ухитрился изображать самихъ предковъ. Между обрядами культа предковъ мы находимъ обрядъ, называемый ɕrāddha, въ которомъ предкамъ приносятъ въ жертву пищу; но здѣсь въ качествѣ предковъ фигурируютъ брахманы, которые и съѣдаютъ приносимую пищу. Слѣдовательно, и здѣсь брахманъ появляется въ видѣ позднѣйшаго украшенія обряда. Ольденбергъ въ уже цитированномъ выше введеніи къ своему переводу грихья-сутръ (стр. XXI) предполагаетъ, что многіе обряды, изложенные въ грихья-сутрахъ, были, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ, первоначально совершаемы только въ томъ случаѣ, если совершающій ихъ надѣялся такимъ путемъ достичь какихъ нибудь особенныхъ преимуществъ. Предположеніе это очень вѣроятно для нѣкоторыхъ обрядовъ. Въ грихья-сутрахъ мы дѣйствительно встрѣчаемъ отдѣлы, гдѣ говорится о жертвахъ, соединенныхъ съ особенными желаніями, и эти жертвы легче всего было взять подъ свое покровительство брахманамъ. Въ виду всего того, что было раньше сказано о дѣятельности брахмановъ, мнѣ кажется, что мнѣніе Ольденберга нужно измѣнить слѣдующимъ образомъ: не совершающій жертву надѣялся получить особенныя выгоды отъ даннаго способа принесенія жертвы, а брахманы распространяли ту мысль, что они знаютъ особенно благодѣтельные способы принесенія жертвы. Очень вѣроятно, что именно такимъ путемъ удалось брахманамъ отвоевать нѣкоторыя области домашняго культа.

И такъ при разборѣ данныхъ, добытыхъ изъ грихья-сутръ, мы всегда должны отдѣлять позднѣйшее—брахманское отъ стараго, перешедшаго по преданію. Конечно самое брахманство, его раздробленіе на разнообразныя школы и взаимное отношеніе школъ между собою —все это можетъ составлять

предметъ изслѣдованія, но для изслѣдованія индоевропейской бытовой культуры вопросы эти интересны постольку, поскольку они научаютъ его отдѣлять старое отъ новаго, т. е. раскрываютъ древнѣйшую доступную намъ исторію обряда на индійской почвѣ. Такимъ образомъ для такого изслѣдователя наиболѣе цѣнными оказываются именно тѣ памятники, гдѣ старое сохраняется въ наибольшей чистотѣ и гдѣ его легче всего отдѣлить отъ новаго. Мы видѣли, что грихья-сутры и въ томъ и въ другомъ отношеніи представляютъ большія преимущества передъ другими памятниками. Относительно того, что онѣ сохранили въ себѣ очень древнія преданія, мы имѣемъ, какъ мнѣ кажется, даже прямое указаніе. Грихья-сутра Āpastamb'ы въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «обычаямъ нужно научиться отъ женщинъ» (Ap. 2,15). (Здѣсь говорится спеціально о свадебныхъ обычаяхъ; но то же примѣнимо и ко многимъ другимъ отдѣламъ грихья-сутръ). Понимать это нужно въ томъ смыслѣ, что тѣ обычаи, для которыхъ нѣтъ особыхъ предписаній въ сутрахъ, остаются въ полномъ распоряженіи самихъ совершающихъ обрядъ. Главными же носителями преданій являются женщины, и потому брахманъ совѣтуетъ учиться обычаямъ у нихъ. Но несомнѣнно, что и сами брахманы, предписывавшіе извѣстные обряды, учились имъ у женщинъ: иначе они не давали бы такой рекомендаціи. И въ этомъ я вижу несомнѣнное доказательство того, что брахманство сохранило домашніе обряды въ наибольшей чистотѣ: оно само признало здѣсь своимъ источникомъ преданіе.

Теперь мы перейдемъ къ вопросу, какой именно фактическій матеріалъ даютъ грихья-сутры. Для этого намъ нужно сдѣлать краткій обзоръ ихъ содержанія. Грихья-сутры дошли до насъ въ различныхъ редакціяхъ, принадлежащихъ различнымъ брахманскимъ школамъ. Но не смотря на это ихъ содержаніе во всѣхъ редакціяхъ одно и тоже. Конечно существуетъ различіе въ большей или меньшей подробности описанія обрядовъ, въ тѣхъ или другихъ мелочахъ, которыя быть можетъ основывались на разнообразіи мѣстныхъ обычаевъ, наконецъ главнымъ образомъ въ порядкѣ распредѣленія матеріала. Но все это нисколько не нарушаетъ тожественности ихъ содержанія, обусловленной главнымъ образомъ всеобщимъ распространеніемъ однихъ и тѣхъ же обычаевъ. Даже порядокъ изложенія, при многочисленныхъ отклоненіяхъ, остается всетаки въ существѣ тѣмъ же: обыкновенно описываются обряды въ томъ порядкѣ, въ какомъ они должны располагаться въ жизни самостоятельнаго домохозяина. Разница заключается только въ томъ, что одна редакція принимаетъ одну, другая другую исходную точку въ жизни человѣка. Такъ однѣ сутры начинаютъ изложеніе со свадьбы, другія—со времени обученія мальчика. Въ зависимости отъ этого части переставляются конечно, но по-

рядокъ ихъ въ сущности не нарушается. Для того чтобы дать представленіе о содержаніи грихья-сутръ, разсмотримъ подробнѣе содержаніе одной изъ нихъ, именно приписываемой брахману Gobhila и принадлежавшей къ школѣ Sâma-веды.

Сутра начинается съ самыхъ общихъ опредѣленій о томъ, когда можно совершать домашніе обряды, т. е. какіе дни и мѣсяцы считаются благопріятными для этого, какъ долженъ держать себя совершающій обрядъ. Всякій домашній обрядъ соединенъ съ опредѣленнымъ даромъ брахманамъ и за нимъ слѣдуетъ угощеніе брахмановъ. Такъ какъ всѣ домашніе обряды соединены съ жертвой, для которой необходимъ домашній огонь, то за этими общими предписаніями слѣдуетъ описаніе обряда разложенія огня. Его разводитъ человѣкъ, окончившій ученіе, когда онъ собирается вступить въ бракъ. На этомъ домашнемъ огнѣ совершаетъ домохозяинъ свои ежедневныя утреннія и вечернія жертвы. Жертвы эти состоятъ въ приношеніи приготовленной или не приготовленной пищи въ даръ вечеромъ—огню, а утромъ—солнцу. Ихъ могла совершать и жена домохозяина. Послѣ принесенія этихъ жертвъ, жена говоритъ, что ѣда готова, и домохозяинъ молча совершаетъ приношенія различнымъ низшимъ божествамъ, которымъ предписываетъ давать часть отъ всякой пищи, даже спеціально приготовленной для приношенія предкамъ. Далѣе къ такимъ же постояннымъ жертвоприношеніямъ относятся и совершаемыя въ дни новолунія и полнолунія. Въ самый день новолунія и полнолунія хозяинъ и его жена должны поститься: иначе ихъ жертва не достигнетъ цѣли, они не будутъ любезны людямъ, и ихъ потомство будетъ становиться все хуже и хуже. Слѣдующую ночь они должны провести на голой землѣ цѣломудренно и не спать все время, а частью спать, частью проводить время въ чтеніи благочестивыхъ разсказовъ. Затѣмъ послѣ обычной утренней жертвы, но до полудня, приносится торжественная жертва, для которой приглашаются брахманы. Жертва приготовляется изъ растопленнаго масла, сезамоваго масла, кислаго молока и сладкаго молока или каши изъ зеренъ съ медомъ. Жертва приносится съ особою обстоятельностью и повторяется отъ двухъ до пяти разъ. То, что остается отъ жертвы, хозяинъ отдаетъ брахману. Про эту жертву говорятъ: «я буду доволенъ такъ, какъ будутъ довольны брахманы», и потому хозяинъ долженъ стараться хорошимъ угощеніемъ привлечь на свою сторону брахмановъ (Gobh. I, 9, 3 5). Кромѣ того за это жертвоприношеніе брахману полагается полная мѣра приготовленной или неприготовленной пищи. Можно давать и больше, напр. нѣкій Судасъ сынъ Пиджаваны далъ сто тысячъ мѣръ. Въ случаѣ, если хозяинъ не можетъ достать жертвенной пищи или необходимаго для жертвы брахмана, онъ можетъ совершить жертву и позд-

ніе, хотя бы листьями травъ и деревьевъ, пригодныхъ для жертвы, а въ крайнемъ случаѣ даже одною водой.

Таковы постоянныя наиболѣе частыя жертвы, приносимыя самостоятельнымъ хозяиномъ. Затѣмъ описывается свадьба. Подходящую невѣсту выбираетъ человѣкъ, знающій это дѣло, по извѣстнымъ признакамъ; если же вопросъ не ясенъ, то она выбирается по жребію. Потомъ невѣсту ея близкій родственникъ моетъ, произнося соотвѣтствующія слова. Затѣмъ передъ домомъ на расчищенномъ мѣстѣ ставятъ домашній огонь. Невѣсту одѣваютъ въ новое платье, и тогда женихъ беретъ её за руки. Потомъ невѣста зернами совершаетъ жертвоприношеніе въ огнѣ, и женихъ обводитъ невѣсту вокругъ огня. Жертва и хожденіе вокругъ огня повторяются три раза. Послѣ этого невѣсту ведутъ къ дому почтеннаго брахмана. Тамъ её сажаютъ на разостланную красную воловью шкуру. Невѣста, сидя на ней, дожидается появленія звѣздъ. Женихъ приноситъ шестикратную жертву масломъ и показываетъ невѣстѣ (уже поднявшейся съ воловьей шкуры) полярную звѣзду, которая должна давать невѣстѣ своею неподвижностью примѣръ постоянства. Три дня послѣ этого женихъ и невѣста должны спать вмѣстѣ на землѣ, соблюдая цѣломудріе, и не ѣсть ничего соленаго. Возвращеніе брачной пары домой сопровождается тоже особыми обрядами, при чемъ предусмотрѣны даже такіе мелкіе случаи, какъ поломка оси. Когда они возвращаются домой, то благочестивыя, имѣющія дѣтей, жены брахмановъ встрѣчаютъ молодую, сажаютъ её на воловью шкуру и даютъ ей на колѣна мальчика, держащаго цвѣтокъ лотоса. Послѣ того молодой приноситъ восьмикратную жертву масломъ, и молодая торжественно кланяется наиболѣе почетнымъ родственникамъ жениха.

Свадебные обряды индусовъ уже не разъ служили предметомъ изслѣдованія. Хаазъ, Веберъ, Винтерницъ и Шрёдеръ указывали на параллели въ обычаяхъ другихъ индоевропейскихъ народовъ. Повидимому нѣкоторые изъ описанныхъ обрядовъ восходятъ къ индоевропейской старинѣ. Таковы, по мнѣнію Винтерница, нѣкоторыя подробности сватовства, баня невѣсты, обычай брать невѣсту за руку, обведеніе ея вокругъ огня, сидѣніе ея на шкурѣ, забрасываніе зернами (о которомъ наша сутра не упоминаетъ), наконецъ, быть можетъ и обычай давать на руки невѣстѣ мальчика. Но вообще эти результаты нельзя считать вполнѣ достаточными: требуется еще обслѣдовать вопросъ о связи всѣхъ этихъ обычаевъ между собою, дабы выяснить ихъ генезисъ. Послѣ такого изслѣдованія, можно надѣяться число подобныхъ праиндоевропейскихъ обычаевъ значительно увеличится, и тогда быть можетъ разъяснится и связь отдѣльныхъ церемоній и первоначальная основа всего свадебнаго ритуала.

Далѣе сутра описываетъ обряды, совершаемые во время беременности жены домохозяина. На третьемъ мѣсяцѣ беременности совершается обрядъ, которому приписывается такая сила, что послѣ его совершенія долженъ родиться непремѣнно мальчикъ. Для этого обряда въ сутрѣ дается даже два рецепта, отражающіе вѣроятно какіе-нибудь мѣстныя различія въ обрядахъ. Понятна важность этого обряда, если припомнить, что пріобрѣтеніе сына поставляется даже въ обязанность каждому индусу. На четвертомъ, шестомъ или восьмомъ мѣсяцѣ беременности совершается обрядъ расчесыванія пробора; отзвукъ того же обычая быть можетъ сохранился въ распространенномъ у насъ обычаѣ расчесывать молодухѣ волосы на двѣ косы. Затѣмъ слѣдуютъ обряды, сопровождающіе рожденіе сына. Ему дается два имени, одно во время его появленія на свѣтъ: это имя остается никому неизвѣстнымъ, кромѣ родителей, а другое дается на десятый или сотый день или же черезъ годъ послѣ рожденія. Все это сопровождается жертвами въ честь соотвѣтствующихъ божествъ. На третьемъ году жизни мальчика совершается обрядъ стрижки волосъ, для котораго приглашается цирульникъ съ бритвою. Волосы обстригаются по обычаю даннаго рода и семьи; потомъ обстриженные волосы кладутъ на коровій навозъ и зарываютъ въ землю. Слѣдующее важное событіе въ жизни мальчика это отдача его въ обученіе брахману. Для мальчика изъ касты брахмановъ обученіе начинается съ восьмого года послѣ зачатія, для касты воиновъ—съ одиннадцатаго, а для касты мѣщанъ—съ двѣнадцатаго. Мальчику тщательно обстригаютъ голову, одѣваютъ въ новыя одежды. Брахманъ, его будущій учитель, даетъ своему ученику новое имя, беретъ его за руку и даетъ ему краткія наставленія объ его будущихъ обязанностяхъ. Ученика опоясываютъ поясомъ и даютъ ему деревянную палку. Онъ проситъ милостыни у своей матери и подругъ и остальную часть дня проводитъ стоя и въ молчаніи. Съ этого обряда начинается періодъ обученія. На шестнадцатомъ году совершается обрядъ бритья бороды совершенно такъ же, какъ и обрядъ стрижки волосъ. Обученіе бываетъ очень различно, смотря по желанію и положенію обучающагося. Оно можетъ длиться отъ одного года до двѣнадцати лѣтъ. По окончаніи этого срока ученикъ приноситъ почетный даръ своему учителю, выбираетъ съ его разрѣшенія себѣ будущую жену и тогда приступаетъ къ обряду, заканчивающему обученіе. Съ особенною торжественностью онъ развязываетъ поясъ, угощаетъ брахмановъ, ему стригутъ волосы на головѣ и на тѣлѣ, брѣютъ бороду, обрѣзаютъ ногти, и тогда онъ купается; поэтому человѣкъ, окончившій обученіе, называется «выкупавшійся»—snātaka. Такому человѣку предписывается солидное поведеніе: онъ не долженъ бѣгать, даже если дождь идетъ; не долженъ лгать, смотрѣть въ колодезь, ѣсть разо-

грѣтую пищу и т. под. мелочи. Этимъ собственно и заканчивается жизненный кругъ индуса: мы опять приходимъ къ свадьбѣ, о которой было говорено выше. Но остаются еще нѣкоторые очень важные обряды, не имѣющіе такого постояннаго характера и не такъ тѣсно связанные съ жизнью домохозяина. Тутъ идутъ и различныя предписанія въ родѣ того, какъ достигнуть благополучія въ коровьемъ хозяйствѣ, какую жертву нужно приносить, если занимаешь деньги, различныя жертвы въ случаяхъ особенныхъ желаній, выборъ мѣста для постройки дома и самая постройка его, пріемъ почетнаго гостя, жертвы при посѣвѣ и жатвѣ. Но тутъ же излагаются и особыя жертвы въ различные мѣсяца года, приносимыя различнымъ божествамъ, между которыми особенно важны приношенія душамъ предковъ.

Таково содержаніе грихья-сутръ. Уже изъ этого бѣглаго обзора его видно, какой богатый фактическій матеріалъ даютъ они. Кромѣ того нужно указать еще и на то, что они даютъ много свѣдѣній и о матеріальной обстановкѣ индусовъ, чего конечно при пересказѣ содержанія нельзя было передать.

Итакъ наши выводы слѣдующіе: Богатыя фактическія данныя бытовой жизни древнихъ индусовъ сохранились въ грихья-сутра въ наибольшей полнотѣ и неприкосновенности. Вліяніе брахманства не могло затемнить первоначальнаго значенія домашнихъ обрядовъ, и потому изслѣдователю сутръ сравнительно легче отдѣлить старое отъ новаго и такимъ образомъ достичь возможнаго выясненія исторіи обрядовъ и ихъ первоначальнаго смысла. Къ сожалѣнію, почти всѣ работы европейскихъ санскритистовъ имѣютъ характеръ только пересказа содержанія сутръ и индійскихъ комментаріевъ къ нимъ, и удѣляютъ слишкомъ мало мѣста изслѣдованію исторіи обрядовъ. Мнѣ кажется, что только этимъ путемъ, привлекая конечно и данныя этнологіи, мы можемъ надѣяться на выясненіе индоевропейской основы обрядовъ и ихъ значенія, которое часто уже не ясно самимъ совершающимъ эти обряды.

Д. Кудрявскій.

Декабрь, 1895 года.

Великорусскія фамиліи и ихъ происхожденіе.

Историко-этнографическій очеркъ.

Вопросъ о происхожденіи великорусскихъ фамилій до сихъ поръ еще не былъ затронутъ никѣмъ изъ нашихъ изслѣдователей, не смотря на то, что вопросъ этотъ въ историческомъ отношеніи представляетъ весьма значительный интересъ.

Въ силу этого мы и считаемъ нелишнимъ съ своей стороны высказать здѣсь нѣсколько соображеній относительно происхожденія и характера нашихъ великорусскихъ фамилій.

Фамилія, какъ показываетъ это уже и самое значеніе этого слова (familia—семейство, фамилія, родъ) есть ничто иное, какъ прозвище цѣлаго рода, передающееся отъ родоначальника къ его потомкамъ. За неимѣніемъ подъ рукою достаточно историческихъ данныхъ мы не можемъ съ точностію опредѣлить, когда появился на Руси обычай называть человѣка кромѣ его личнаго имени или прозвища еще родовымъ прозвищемъ или фамиліей. Во всякомъ случаѣ въ XII вѣкѣ обычая этого, повидимому, еще не было. Лѣтописи, упоминая о различныхъ русскихъ князьяхъ, называютъ этихъ князей только по имени и отчеству, для отличія же ихъ другъ отъ друга упоминаютъ нерѣдко объ имени дѣда даннаго князя или о мѣстѣ его княженія. «Въ лѣто 6693 Святославичь Игорь, внукъ Олговъ, поѣха изъ Новагорода, мѣсяца априля въ 23 день» [1]), читаемъ мы въ лѣтописномъ сказаніи о «полку Игоревѣ».

Обычай присоединять къ личному имени или прозвищу извѣстнаго человѣка еще и родовое его прозвище, какъ намъ кажется, стоитъ въ тѣсной связи съ существовавшимъ на Руси обычаемъ именовать лицо двумя именами, языческимъ и христіанскимъ вмѣстѣ. Въ древней Руси обычай этотъ почти не встрѣчается: народное или языческое имя стоитъ постоянно отдѣльно [2]).

---

[1]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. II, 129—134 стр.

[2]) «Замѣтки о собственныхъ именахъ въ великорусскихъ былинахъ» А. И. Соболевскаго, «Живая Старина», 1890 г., вып. II, стр. 99.

Съ XV в. князья и бояре начинаютъ именоваться двумя именами, христіанскимъ и языческимъ вмѣстѣ; эти языческія имена и переходятъ затѣмъ въ фамиліи (Даніилъ Щеня — Щонятевы и т. д.), какъ мы увидимъ ниже.

Съ XVI в. употребленіе фамилій между высшими классами общества уже широко распространено; мы говоримъ: «между высшими», такъ какъ низшіе классы и даже средніе до самыхъ позднѣйшихъ временъ фамилій почти никогда не употребляли, а если и употребляли, то очень рѣдко, называясь въ дѣловыхъ бумагахъ только по имени, рѣже по имени и отчеству [1]). Даже и въ настоящее время среди крестьянъ нерѣдко можно встрѣтить не имѣющихъ фамилій, а подписывающихся въ дѣловымъ бумагахъ и письменныхъ сношеніяхъ только именемъ и отчествомъ. Послѣднее нерѣдко переходитъ затѣмъ въ фамиліи: Павелъ Ивановъ, Петръ Михайловъ. Въ средѣ духовенства до половины нынѣшняго столѣтія было въ обычаѣ писаться только однимъ именемъ безъ отчества напр., попъ Михаилъ, іерей Василій, старецъ Евфремъ, а до второй половины XVII в. иногда и уменьшительнымъ: пономарь Матвѣйко, попъ Иванко и т. д. (преимущественно въ челобитныхъ и т. п. просительныхъ бумагахъ) [2]). Неимѣніе духовенствомъ фамилій и послужило поводомъ къ обычаю каждому мальчику, поступающему въ духовное училище или семинарію, давать вновь фамилію, обычаю существовавшему до половины текущаго столѣтія и въ настоящее время искоренившемуся вполнѣ, вслѣдствіе законодательныхъ распоряженій. Все великорусское духовенство въ послѣднее время имѣетъ свои фамиліи, переходящія затѣмъ, согласно закону, въ родъ — отъ отца къ сыну.

Фамиліи среди служилого сословія, точно также, какъ и фамиліи среди «высшихъ классовъ», т. е. бояръ, дворянъ и именитыхъ купцовъ встрѣчаются еще въ XVII в.: «Андрей Челинъ, Иванъ Пѣнкинъ, дьякъ Анисимъ Невѣжинъ, подъячій Александръ Ершовъ» [3]), читаемъ мы въ скрѣпахъ оффиціальныхъ бумагъ XVII столѣтія.

За послѣднее время, благодаря существующимъ узаконеніямъ, вслѣдствіе развитія грамотности въ народѣ, вслѣдствіе всесословной воинской повинности, а также вслѣдствіе развитія въ народѣ письменныхъ дѣловыхъ сношеній, число «безфамильныхъ» даже среди крестьянъ все болѣе и болѣе уменьшается. Прой-

---

[1]) Обычай называть лица низшихъ сословій въ дѣловыхъ бумагахъ только однимъ именемъ исчезаетъ уже во второй половинѣ XVIII вѣка, какъ это видно изъ писцовыхъ книгъ и т. п. документовъ этого времени.

[2]) Обычай этотъ исчезаетъ во второй половинѣ XVII в.

[3]) Грамота преосвященнаго Іоны митрополита Ростовскаго, Исаковой пустыни. Грамота царя Алексѣя Михайловича 7171 г. и др. «Пошехонская Исакова пустынь, Ярославской епархіи, Ярославль 1877.

детъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ и лицо, не имѣющее фамиліи, будетъ рѣдкостью.

Такова въ общихъ чертахъ исторія великорусскихъ фамилій, какъ прозвищъ.

Относительно происхожденія этихъ фамилій можно привести слѣдующія соображенія:

1. Нѣкоторыя великорусскія фамиліи происходятъ отъ мѣста жительства родоначальника означенной фамиліи. Дѣдъ пишущаго настоящіе строки по мѣсту своего рожденія с. Семеновскаго, Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи носилъ фамилію Семеновскій. Въ настоящее время намъ извѣстенъ одинъ о. діаконъ Пошехонскаго уѣзда, не имѣвшій ранѣе фамиліи и принявшій затѣмъ фамилію Георгіевскій, по мѣсту своего рожденія (с. Егорій въ Яловцѣ или Давыдовское что въ Яловцѣ). Такимъ образомъ можетъ быть объяснено происхожденіе фамилій: Шуйскій, Ростовскій, Бѣлосельскій, Черкасскій, Пошехоновъ, Ярославскій, Давыдовскій, Патраболовъ (Патраболъ с. въ Пош. у., Ярославской губерніи), Волоцкой, Туношенскій (с. Туношна, Ярославской губ.) и т. д. [1]). Нѣкоторые изъ такихъ фамилій представляютъ изъ себя видоизмѣненное наименованіе городовъ, селъ и деревень, служившихъ мѣстомъ рожденія родоначальниковъ означенныхъ фамилій или мѣстомъ ихъ жительства, таковы напр. фамиліи, упомянутыя нами выше. Другія фамиліи произошли отъ наименованія различныхъ областей, земель и т. д. откуда вышли родоначальники этихъ фамилій, таковы напр. фамиліи Волынскихъ, Ухтомскихъ, Ордынскихъ и т. д. Къ слову нелишнимъ считаемъ замѣтить, что не всегда подобнаго рода фамиліи указываютъ на мѣсто рожденія или жительства родоначальника фамиліи: нерѣдко они указываютъ только на то, что родоначальникъ этотъ владѣлъ только извѣстнымъ селомъ, городомъ или деревней, давшей затѣмъ ему фамилію.

2. Множество фамилій произошло также отъ отчества, имени или прозвища одного изъ родоначальниковъ извѣстной фамиліи. Таковы общераспространенныя фамиліи Андреевыхъ, Андроновыхъ, Антоновыхъ, Арсеньевыхъ, Аѳанасьевыхъ, Александровыхъ, Борисовыхъ, Максимовыхъ, Николаевыхъ и т. д. Превращеніе отчества родоначальника въ фамилію рода намъ приходилось наблюдать и въ недавнее время нѣсколько разъ среди нашего купечества, духовенства, а также среди крестьянъ и мѣщанъ. Въ с. Давыдов-

[1]) Мы беремъ для примѣра фамиліи только дѣйствительно существующія, но отнюдь не вымышленныя. Фамиліи мы беремъ изъ адресъ-календарей, газетъ, списковъ гласныхъ, присяжныхъ засѣдателей и т. п. источниковъ, очень, прибавимъ, немногочисленныхъ.

скомъ въ Яловцѣ, Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губ. намъ извѣстенъ безфамильный крестьянинъ, принявшій на себя по своему отчеству фамилію Евгеньевъ, дѣти и внуки этого крестьянина носятъ въ настоящее время уже фамилію Евгеньевыхъ. Въ г. Пошехоньѣ купецъ Григорій Өедоровичъ положилъ начало фамиліи Өедоровыхъ, крестьянинъ д. Ежова, Давыдковской волости, Өедоръ Васильевъ положилъ начало фамиліи Васильевыхъ. Такихъ примѣровъ можно привести безчисленное множество.

Безъ сомнѣнія весьма многія изъ нашихъ старинныхъ фамилій получили свое начало подобнымъ же образомъ отъ отчества родоначальника извѣстной фамиліи.

Такъ какъ въ общежитіи очень часто встрѣчались лица, имѣвшія одинаковое имя, то для отличія ихъ другъ отъ друга въ житейскихъ и оффиціальныхъ документахъ, какъ мы уже видѣли и выше [1]), стало необходимымъ упоминать объ имени отца или даже дѣда данныхъ лицъ. «Михайло Губа Микулинъ сынъ, Иванъ Жиха Власьевъ сынъ, Гурей Малюта Фоминъ сынъ, Кошкинъ; Шарапъ Васильевъ сынъ», читаемъ мы въ актахъ Өедотова-Чеховского [2]).

Какъ въ нынѣшнее время, такъ и въ старину имя отца родоначальника могло переходить въ прозвища, а затѣмъ и въ фамилію. Михайло Микулинъ сынъ могъ называться просто Михайло Микулинъ [3]) и это отчество Микулинъ въ качествѣ прозвища переходило уже затѣмъ на дѣтей этого Михайлы. Такимъ образомъ возникала фамилія Микулинъ. Такъ какъ въ XVI—XVII вв. было въ обычаѣ у высшихъ классовъ писать свое отчество на «вичъ», то неудивительно и происхожденіе великорусскихъ фамилій съ подобнымъ окончаніемъ. Такія фамиліи въ Великоруссіи встрѣчаются впрочемъ довольно рѣдко, за то въ юго-западной Россіи они обычное явленіе [4]). При этомъ, съ своей стороны мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что съ теченіемъ времени въ нашемъ дѣлопроизводствѣ оффиціальномъ прежнее прибавленіе къ имени лица «сынъ такой то» стало относиться уже не къ отчеству этого лица, а къ его фамиліи. «Сказка объ Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ», «Иванъ Васильевъ, сынъ Квасоваровъ» [5]), «Петръ Өедоровъ, сынъ Масловъ».

---

[1]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. II, 129—134 стр.

[2]) Акты Өедотова-Чеховского, I, 70 и далѣе.

[3]) Въ обыденной жизни у крестьянъ отчество и употребляется, какъ родовое прозвище: «Вавилычи», называютъ обыкновенно дѣтей Вавилы. Жена носитъ прозвище по имени мужа: Степаниха, Вавилиха (жена Степана, Вавилы) или же по его фамиліи Шалаиха (Шалаева), Громиха (Громова).

[4]) Таковы напр. фамиліи Мамонычей и нѣк. другія.

[5]) «Житіе и страданіе преподобномученика Адріана игумена Пошехонскаго»,

Очень многія изъ великорусскихъ фамилій произошли и отъ языческихъ, нехристіанскихъ именъ, носимыхъ въ старину родоначальниками этихъ фамилій, или же отъ прозвищъ этихъ родоначальниковъ.

Относительно нехристіанскихъ именъ, употреблявшихся въ Россіи, мы считаемъ нужнымъ замѣтить слѣдующее:

Въ первое время послѣ принятія на Руси христіанства языческія имена вполнѣ замѣняли собою христіанскія, отодвигая послѣднія на задній планъ. Такъ намъ извѣстенъ Чеголъ (щеголъ)—писецъ словъ Григорія Богослова въ XI в., Воронъ—писецъ житія Саввы Освященнаго XIII—XIV в. Документы XV—XVII в., особенно московскіе имѣютъ подобныя имена въ большомъ количествѣ. Въ нихъ упоминаются Баринъ Филиповъ, Горностай Гавриловичъ, Заяцъ Захарьинъ, Овца Владиміровъ, Паукъ Ивановъ, Волкъ Курицынъ. XVI и XVII вв. были у насъ временемъ сильнаго распространенія этихъ именъ. Въ это время языческія имена стали употребляться наряду съ христіанскими и принимать нерѣдко характеръ прозвищъ. Въ прошломъ вѣкѣ нехристіанскія имена встрѣчаются уже довольно рѣдко, хотя и въ текущемъ столѣтіи встрѣчались и встрѣчаются среди нашего народа имена языческія (укажемъ напр. на такія имена, какъ Любимъ, Гордѣй, Маргарита и т. п.).

Съ полнѣйшею вѣроятностію можно предположить, что значительная часть языческихъ, некалендарныхъ именъ въ XV—XVI в. давалась какъ прозвище ребенку при самомъ его рожденіи, вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, бывшихъ при его рожденіи. Такъ какъ обстоятельства при рожденіи ребенка бываютъ довольно ординарны, то и языческія имена этого разряда наиболѣе употребительныя имена. Таковы имена: Баженъ (желанный), Жданъ (жданный), Нежданъ (нежданный), Ночай (нечаянный), Первый, Второй, Третьякъ, Четвертый, Пятый, Шестой (очевидно, который ребенокъ въ семьѣ), Меньшой, Суббота и т. п. Сопровождалось ли нареченіе этого имени-прозвища ребенку какими-нибудь обрядами или же нѣтъ, мы не можемъ до сихъ поръ сказать по этому поводу ничего положительнаго.

Нѣкоторыя нехристіанскія имена могли даваться ребенку уже послѣ его рожденія, а иногда и взрослому человѣку. Имена эти обозначаютъ характеръ или занятія человѣка или тому подобныя обстоятельства. Таковы имена Безсонъ, Молчанъ, Утѣшъ, Быкъ и др. въ этомъ родѣ. Всѣ эти имена-про-

Яросл., 1877 г. Это произошло отъ безграмотной постановки знаковъ препинанія. Первоначально писалось: «Иванъ Васильевъ сынъ, Квасоваровъ», затѣмъ: «Иванъ Васильевъ сынъ Квасоваровъ», а потомъ уже: «Иванъ Васильевъ, сынъ Квасоваровъ».

звища, если были мѣтки, не только удерживались за человѣкомъ, но даже и совершенно замѣняли его христіанское имя. Въ нашихъ деревняхъ и глухихъ уѣздныхъ городахъ встрѣчаются и нынѣ лица, извѣстныя подъ именемъ Мокрицы, Кипариса, Моржухи, Махалы и т. п. Иногда бываетъ, что весь уѣздный городъ знаетъ какого нибудь Махалу, но христіанское его имя иногда знаютъ въ городѣ не болѣе двухъ трехъ человѣкъ. Точно то же самое, конечно только въ большемъ размѣрѣ, могло быть и въ прежнее время. Такія прозвища въ то время попадали даже и въ оффиціальные документы: формы стариннаго дѣлопроизводства не соотвѣтствовали нынѣшнимъ по своей строгости и точности. Въ старинныхъ писцовыхъ книгахъ можно встрѣтить иногда сполна имя, отчество и прозвище лица, иногда только прозвище, а иногда наконецъ только имя лица.

Очень можетъ быть, что многія некалендарныя имена могли даваться въ XVII—XVIII в. вмѣсто христіанскихъ именъ самими священниками по невѣжеству этихъ священниковъ. Припомнимъ, что даже въ первой половинѣ текущаго столѣтія понадобились неоднократные указы Св. Синода о томъ, чтобы приходскіе священники давали имена дѣтямъ только тѣ, какія находятся въ святцахъ. Доселѣ напр. довольно распространено имя Маргариты, имя некалендарное, несуществующее въ церковныхъ святцахъ. Очевидно, что нареченіе священниками языческихъ именъ вмѣсто христіанскихъ въ прежнее время было явленіемъ довольно обычнымъ.

Такъ какъ употребленіе некалендарныхъ именъ въ прежнее время было весьма распространено, то неудивительно, что многія изъ такихъ некалендарныхъ именъ, носимыхъ родоначальниками фамилій, дали затѣмъ начало этимъ фамиліямъ. Можно съ полною увѣренностію сказать, что половина извѣстныхъ намъ некалендарныхъ именъ XVI—XVII в. легла въ основу различныхъ великорусскихъ фамилій.

Для примѣра укажемъ только на извѣстныя намъ языческія имена XVI в., давшія начало различнымъ великорусскимъ фамиліямъ [1]):

Адашъ (Адашевъ), т. е. сынъ Адаша,
Алмазъ (Алмазовъ),
Асанъ (Асановъ),
Баженъ (Баженовъ),
Барсукъ (Барсуковъ),
Басманъ (Басмановъ),
Бахтіаръ (Бахтіяровъ),
Безобразъ (Безобразовъ),
Безсонъ (Безсоновъ),
Бѣлый (Бѣляевъ),

[1]) Имена эти мы выбрали изъ списковъ языческихъ некалендарныхъ именъ въ XVI в., напечатанныхъ въ Этногр. Обозр. за 1893 г. №№ 1 и 3. Фамиліи, происшедшія отъ этихъ именъ, можно найти въ адресъ-календарѣ Ярославской губ. за 1889 г. Большинство же этихъ фамилій встрѣчается повсемѣстно въ великорусскихъ губерніяхъ.

Багоръ (Багровъ),
Богатырь (Богатыревъ),
Булатъ (Булатовъ),
Булгакъ (Булгаковъ),
Бурнашъ (Бурнашевъ),
Бухара (Бухаринъ),
Безстужъ (Безстужевъ),
Большой (Большовъ),
Будилъ (Будиловичъ),
Быкъ (Быковъ),
Веригъ (Веригинъ),
Вешнякъ (Вешняковъ),
Ворошило (Ворошилинъ).
Воинъ (Воиновъ),
Верещагъ (Верещагинъ),
Внукъ (Внуковъ),
Волынецъ (Волынцевъ),
Гвоздь (Гвоздевъ),
Голова (Головинъ),
Горбатый (Горбатовъ),
Горяинъ (Горяиновъ),
Гридя (Гридинъ),
Губа (Губинъ),
Гуляй (Гуляевъ),
Гордій (Гордѣевъ),
Грязной (Грязновъ),
Добрыня (Добрынинъ),
Дорохъ (Дороховъ),
Дроздъ (Дроздовъ),
Дружина (Дружининъ),
Дунай (Дунаевъ),
Душа (Душинъ),
Дѣй (Дѣевъ),
Ежъ (Ежовъ),
Жданъ (Ждановъ),
Жукъ (Жуковъ),
Замятня (Замятнинъ),
Заяцъ (Зайцевъ),
Злоба (Злобинъ),
Зоря (Зоринъ),
Истома (Истоминъ),
Каблукъ (Каблуковъ),
Казаринъ (Казариновъ),
Калина (Калининъ),
Капуста (Капустинъ),
Квашня (Квашнинъ),
Китай (Китаевъ),
Кокорь (Кокоревъ),
Колобъ (Колобовъ),
Курба (Курбатовъ),
Лизунъ (Лизуновъ),
Лопата (Лопатинъ),
Любимъ (Любимовъ),
Ляпунъ (Ляпуновъ),
Меньшикъ (Меньшиковъ),
Молчанъ (Молчановъ),
Мамонъ (Мамоновъ),
Мансуръ (Мансуровъ),
Масло (Масловъ),
Мизинъ (Мизиновъ),
Мордвинъ (Мордвиновъ),
Мосолъ (Мосоловъ),
Надѣй (Надѣинскій),
Невзоръ (Невзоровъ),
Нежданъ (Неждановъ),
Неклюдъ (Неклюдовъ),
Нечай (Нечаевъ),
Некрасъ (Некрасовъ),
Немиръ (Немировъ),
Обида (Обидинъ),
Одинецъ (Одинцовъ),
Ощера (Ощеринъ),
Образецъ (Образцовъ),
Олтухъ (Алтуховъ),
Онцыферъ (Анцыферовъ),
Первой (Первовъ),
Первуша (Первушинъ),
Постникъ (Постниковъ),
Пѣшка (Пѣшкинъ),
Ратай (Ратаевъ),
Рудакъ (Рудаковъ).
Русинъ (Русиновъ),
Рычко (Рычковъ),
Ратманъ (Ратмановъ),
Рюмя (Рюминъ),
Саблукъ (Саблуковъ),
Салтанъ (Салтановъ),
Смага (Смагинъ),
Смирной (Смирновъ),
Страхъ (Страховъ),
Субота (Суботинъ),
Севринъ (Севриновъ),
Суворъ (Суворовъ),
Суханъ (Сухановъ),
Сапунъ (Сапуновъ),
Смола (Смолинъ),
Суморокъ (Сумороковъ),
Сурьянинъ (Сурьяниновъ),
Томило (Томилинъ),
Третьякъ (Третьяковъ),
Тучко (Тучковъ),
Тихоміръ (Тихоміровъ),
Тишина (Тишининъ),
Торопъ (Тороповъ),
Тугаринъ (Тугариновъ),
Уланъ (Улановъ),
Урусъ (Урусовъ),
Ушакъ (Ушаковъ),
Фуникъ (Фуниковъ) [1]),
Худякъ (Худяковъ),
Черняй (Черняевъ),
Чижъ (Чижовъ),
Шарапъ (Шараповъ),

---

[1]) Фамилія Фуниковыхъ была въ XVI в. «Синодикъ царя Іоанна Васильевича Грознаго», присланный въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

Шестакъ (Шестаковъ),
Ширяй (Ширяевъ),
Шемяка (Шемякинъ),
Шишко (Шишкинъ),
Юда (Юдинъ),
Ярецъ (Ярцевъ),
Якушъ (Якушкинъ).

Для примѣра мы привели здѣсь только незначительную часть некалендарныхъ именъ, давшихъ начало различнымъ великорусскимъ фамиліямъ. Проф. А. И. Соболевскій въ статьѣ своей «Замѣтки о собственныхъ именахъ въ Великорусскихъ Былинахъ» (Жив. Стар. 1890 г. вып. II) указываетъ множество великорусскихъ фамилій, происшедшихъ исключительно только отъ былинныхъ именъ, употреблявшихся въ прежнее время вмѣсто христіанскихъ именъ или наряду съ христіанскими именами. Таковы напр. Чуриловы, Дюковы, Буслаевы и мн. др.

Подобнымъ же образомъ нѣкоторыя великорусскія фамиліи произошли отъ личныхъ прозвищъ; иногда эти прозвища, соединяясь съ фамиліею, образовали двойную фамилію. Такъ напр. намъ извѣстно, что одинъ изъ предковъ Кутузовыхъ носилъ прозвище Голенища; потомки этого Голенища впослѣдствіи и стали носить фамилію Голенищевыхъ-Кутузовыхъ.

Какимъ образомъ давались прозвища въ старину, объ этомъ по аналогіи можно заключить, что они давались такъ же, какъ даются эти прозвища и нынѣ. Производя по этому поводу наблюденія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ярославской губерніи, мы пришли къ тому выводу, что прозвища, даваемыя простымъ народомъ другъ другу, указываютъ: а) на происхожденіе лица изъ извѣстной мѣстности, какъ напр. Рязанка [1]), Московка и т. п., б) на занятія лица—Кузнецъ, Скорнячиха и т. д., в) на наружность, характеръ и нѣкоторыя личныя качества даннаго лица такъ, напр. Бѣлоусъ, Моржуха, Махала, Багоръ и т. п., г) на любимыя поговорки извѣстнаго лица. Такъ напр. крестьянинъ, употреблявшій часто въ разговорѣ поговорку: «малина въ ротъ», получаетъ прозвище «малина»; другой, имѣвшій обыкновеніе къ дѣлу и не къ дѣлу говорить поговорку «елка-палка», получаетъ прозвище «елка-палка» и т. д. Иногда прозвище дается вслѣдствіе извѣстныхъ происшествій съ даннымъ лицомъ, такъ напр. одинъ крестьянинъ, сдѣлавшій попытку украсть на базарѣ сазана и уличенный на мѣстѣ преступленія въ кражѣ, получилъ въ округѣ кличку «сазана», которая и осталась за нимъ до самой его смерти. Другой, извѣстный намъ, крестьянинъ подобнымъ же образомъ получилъ кличку Клинку.

Многія изъ такихъ прозвищъ на нашихъ глазахъ перешли въ фамиліи,

---

[1]) Лица, носящія приводимыя здѣсь прозвища, извѣстны намъ лично.

такъ напр. изъ прозвища Бѣлоусъ образовалась фамилія Бѣлоусовыхъ (Пош. у. Яр. губ.). Съ полнѣйшею вѣроятностію мы можемъ заключить по аналогіи, что и въ прежнее время очень многія прозвища дали начало различнымъ великорусскимъ фамиліямъ. Это, какъ мы видѣли выше, находитъ себѣ подтвержденіе и въ историческихъ данныхъ.

3. Въ числѣ великорусскихъ фамилій встрѣчается, наконецъ, множество фамилій, происшедшихъ отъ иностранныхъ словъ,—это фамиліи, по преимуществу, великорусскаго духовенства. Представители этихъ фамилій, оставляя иногда духовное сословіе и переходя въ другія сословія, положили начало дворянскимъ, купеческимъ и мѣщанскимъ фамиліямъ съ иностраннымъ корнемъ.

Выше мы уже говорили, что въ прежнее время наше духовенство даже въ дѣловыхъ бумагахъ никогда не писалось по имени и фамиліи, а всегда только по имени. Неудивительно, что у большинства нашего сельскаго духовенства даже въ началѣ текущаго столѣтія не было фамилій [1]). Вслѣдствіе то этого и возникло въ великорусскихъ духовноучебныхъ заведеніяхъ обыкновеніе каждому вновь поступающему въ училище мальчику давать фамилію. Фамилію давалъ мальчикамъ начальникъ учебнаго заведенія, т. е. смотритель или ректоръ, и фамилія эта оставалась за мальчикомъ на всю его жизнь. Такъ какъ обычай этотъ существовалъ среди духовенства до послѣдняго времени, то и въ настоящее время въ средѣ духовенства можно встрѣтить братьевъ, носящихъ различныя другъ отъ друга фамиліи или фамилію, отличную отъ фамиліи отца.

Такъ пишущій эти строки носитъ фамилію Баловъ, тогда какъ дѣдъ его носилъ фамилію Семеновскій. Въ настоящее время въ Пошехонскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи намъ извѣстны два родные брата священника: одинъ изъ нихъ носитъ фамилію Меценатовъ, другой Минервинъ.

Давая вновь поступающимъ мальчикамъ фамиліи, смотрителя и ректора духовноучебныхъ заведеній обращали свое вниманіе: на то село, откуда происходилъ мальчикъ, или на рѣку, при которой это село стоитъ—отсюда многочисленные Бѣлосельскіе, Красносельскіе, Великосельскіе, Лаостскіе, Обнорскіе и т. д., рѣже обращалось вниманіе на наружныя или внутреннія качества ученика (Красавинъ, Бѣловзоровъ, Высоцкій). Иногда давались имена по двана-

---

[1]) Къ вопросу о древнерусскихъ некалендарныхъ именахъ. Этн. Обозр. 1893 г. № 3-й. Этногр. Обозрѣніе 1893 г. № 1-й. Библіографъ 1890 г. №№ 7-й и 8-й. Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнограф. при Имп. Казанск. Университетѣ т. IX в. 1-й

[2]) Въ дѣловыхъ бумагахъ пятидесятыхъ г.г. многіе священники подписывались просто іерей Василій, іерей Михаилъ.

десятымъ праздникамъ (Рождественскій, Срѣтенскій, Благовѣщенскій, Воскресенскій, Вознесенскій, Успенскій, Воздвиженскій, Введенскій), по днямъ недѣли (Субботинъ, Пятницкій) и т. д. Существуетъ анекдотъ, что одинъ смотритель училища назвалъ семерыхъ, вновь поступившихъ учениковъ, послѣдовательно по днямъ недѣли: Воскресенскій, Понедѣльниковъ и т. д., кончая Субботинымъ.

Чаще же всего въ данномъ случаѣ брали въ руки латинскую и греческую грамматику. Такъ какъ латинскій языкъ въ тѣ времена въ духовноучебныхъ заведеніяхъ изучался гораздо тщательнѣе нежели греческій, то и латинскихъ фамилій въ средѣ великорусскаго духовенства мы встрѣчаемъ гораздо болѣе нежели греческихъ.

Изъ латинскихъ фамилій мы встрѣчаемъ множество фамилій, происшедшихъ отъ именъ существительныхъ, какъ напр. Агриколянскій, Юнонинъ, Вестинъ, Фортунатовъ, Минервинъ, Кустодіевъ, и т. п., отъ именъ прилагательныхъ—Пріоровъ, Меліоранскій, Мизеровъ, Ляборіозовъ, отъ глаголовъ—(причастій и пр.) Беневоленскій, Сперанскій, Флоровскій и наконецъ отъ другихъ частей рѣчи.

Изъ фамилій, происходящихъ отъ греческой основы, мо можемъ указать на фамиліи: Сферинъ, Неофитовъ, Неокесарійскій, Митропольскій, Миропольскій, Критировъ, Каллистовъ, Исполатовъ, Аристовъ и т. п.

Иногда фамиліи заимствовались изъ церковнославянскаго языка (Езерскій, Воезерскій), гораздо рѣже они заимствовались изъ новыхъ языковъ, по той простой причинѣ, что новые языки фактически почти не изучались въ духовноучебныхъ заведеніяхъ—семинаріяхъ и училищахъ. Среди такихъ фамилій можно встрѣтить и такія фамиліи, какъ напр. Грандвильяжскій, объяснить происхожденіе которыхъ не всегда удастся и спеціалисту филологу.

Такимъ образомъ получало еще недавно свои фамиліи почти все наше великорусское духовенство; очень многія изъ этихъ фамилій, какъ мы сказали выше, встрѣчаются въ настоящее время не только среди духовенства, но и среди другихъ сословій.

Таково происхожденіе большинства великорусскихъ фамилій, имѣющихъ латинскія, греческія и рѣже французскія и нѣмецкія основы.

Не слѣдуетъ забывать и того, что нѣкоторыя русскія фамиліи представляютъ изъ себя въ основѣ своей чисто иностранныя фамиліи, подвергшіяся измѣненію согласно требованіямъ русскаго языка. Такія измѣненія дѣлаютъ иногда иностранную фамилію почти вполнѣ неузнаваемою. Припомнимъ, какъ изъ

иностранной фамиліи Монсъ современники сдѣлали Монсовъ или даже Монцовъ [1]).

Такія фамиліи получали свое начало отъ иностранцевъ, переселившихся въ прежнее время въ Россію на постоянное жительство.

Такимъ же образомъ можно объяснить и нахожденіе среди великорусскихъ фамилій несомнѣнно малорусскаго происхожденія: путемъ ассимиляціи фамиліи эти, оканчивающіяся обыкновенно на *о*, пріобрѣтали затѣмъ великорусское окончаніе *овъ*, принимая вполнѣ характеръ великорусскихъ фамилій. Такимъ образомъ изъ малорусскихъ фамилій Хоменко, Угнивенко, Кинниченко получились великорусскія: Хоменковъ, Угнивенковъ, Кинниченковъ.

Таково происхожденіе большей части великорусскихъ фамилій—прозвищъ. Конечно, многія фамиліи могли происходить и другимъ, можно сказать случайнымъ образомъ (воля высокопоставленнаго лица, и т. п.), но мы имѣемъ въ виду только общее правило, исключенія же оставимъ въ сторонѣ.

Что касается до формы великорусскихъ фамилій, то давно уже замѣчено, что большая часть этихъ фамилій оканчивается на *овъ* или *евъ*—Карповъ, Карцевъ и т. д.. гораздо рѣже встрѣчаются окончанія *іевъ* и *инъ* и еще рѣже *ой*, *ый* и *ичъ* [2]).

Двойныя фамиліи (напр. Мусинъ-Пушкинъ) встрѣчаются не особенно часто, большинство ихъ представляютъ изъ себя фамиліи дворянскія.

Въ заключеніе нашей замѣтки мы не лишнимъ считаемъ сообщить, что въ предѣлахъ Ярославской губерніи мы встрѣчали нѣсколько лицъ, имѣю-

---

[1]) Такимъ же образомъ, какъ намъ извѣстно, изъ еврейской фамиліи Мовшевичъ, получилась великорусская фамилія Макшѣевъ (г. Пошехонье) или изъ польской Дзявульскій—Зѣвульскій. Иногда подобныя искаженія фамиліи производились и самыми владѣльцами извѣстной фамиліи, которымъ она почему либо не нравилась. *Авт.*—Срвн. Хомутовъ изъ Гамильтонъ, по народной этимологіи, какъ въ Петербургѣ Лещиковъ переулокъ (Лестоковъ), островъ Голодай (отъ владѣльца англичанина Holyday), есть случаи и прямыхъ переводовъ иностранныхъ фамилій: такова новѣйшая дворянская фамилія Болотовыхъ (не имѣющая ничего общаго съ родомъ Болотовыхъ, давшимъ извѣстнаго автора драгоцѣнныхъ мемуаровъ XVIII в.)—отъ франц. эмигр. de la Marée. *Ред.*

[2]) По формѣ своей большинство фамилій — прилагательныя относительныя, указывающія на принадлежность сына отцу. Такъ какъ отъ очень многихъ личныхъ прозвищъ невозможно произвести именъ прилагательныхъ съ обычными окончаніями на *овъ*, *евъ* и т. д., то отсюда объясняется и происхожденіе фамилій съ нѣсколько странными окончаніями на *аго* и т. п. Такъ напр. Мертваго, т. е. сынъ Мертваго (Мертвый—личное прозвище отца), Долгово, Яшево, Попихъ (старушка по прозвищу «Попиха», сынъ одной изъ нихъ, воспитанный обѣими сестрами, носитъ прозвище Попихъ), Сухово (вм. Сухаго) и т. д. *Авт.* Довольно распространены, именно въ Сибири, и фамиліи на ихъ: Островскихъ, Молодыхъ, Окладныхъ, какъ бы въ отвѣтъ на вопросъ: «вы чьихъ будете»? *Ред.*

щихъ въ одно и то же время сразу двѣ фамиліи: одну такъ сказать оффиціальную, въ дѣловыхъ сношеніяхъ, другую же житейскую, подъ которою и извѣстны эти лица въ обществѣ. Такъ напр. Семеновъ и Шибневъ, Золотовъ и Копотиловъ, Сѣдельниковъ и Штыкинъ и др. Большинство извѣстныхъ намъ лицъ, имѣющихъ по двѣ фамиліи, принадлежитъ къ купеческому или мѣщанскому сословіямъ.

Вторая изъ этихъ фамилій обыкновенно есть ничто иное, какъ личное прозвище, данное иногда самому лицу, обладающему двумя фамиліями, а иногда его отцу или даже дѣду.

А. Баловъ.

Знахарство въ Скопинскомъ и Данковскомъ уѣздахъ Рязанской губерніи.

Въ нашей періодической печати очень часто высказывается желаніе поближе познакомиться съ народными лѣкарями и, съ такъ называемыми, народными средствами лѣченія, а иногда высказывалось даже мнѣніе, что эти лѣкарственныя народныя средства гораздо даже лучше и дѣйствительнѣе, чѣмъ тѣ, которыя предлагаются врачами. Въ публикѣ же, какъ мнѣ извѣстно, подобное мнѣніе о народныхъ средствахъ лѣченія держится очень давно и, кажется, очень крѣпко. Служа девятый годъ земскимъ пунктовымъ врачемъ, я не разъ могъ наблюдать самъ, а такъ же и слышать отъ больныхъ, чѣмъ лѣчатъ наши такъ называемые народные лѣкаря, и по этому, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ моего участка и, вообще, въ окрестности его мнѣ удалось узнать кое-какія подробности объ этомъ лѣченіи. А узнать, чѣмъ лѣчатъ знахари, дѣло не легкое, потому что лѣченіе это производится обыкновенно тайнымъ образомъ, скрытно. Вотъ тутъ-то земская практическая медицина и можетъ оказать нѣкоторую услугу. Дѣйствительно, всякому земскому врачу постоянно приходится сталкиваться, въ особенности въ деревнѣ, съ этими народными лѣкарями, а подъ часъ и терпѣть отъ ихъ дѣятельности большой ущербъ въ дѣлѣ лѣченія народа. Чтобы до нѣкоторой хоть степени показать, какъ грубо и подобострастно крестьянинъ, по своему невѣжеству, вѣритъ иногда своему знахарю, а не врачу, я приведу здѣсь два примѣра изъ моей практики, гдѣ, не смотря на прямую бьющуюся въ глаза пользу отъ специфическихъ притомъ лѣкарствъ,—баба или мужикъ приписываетъ эту пользу не лѣкарству, взятому на пунктѣ, а своему доморощенному лѣкарю, своему знахарю. Такъ однажды приходитъ ко мнѣ баба — сифилитичка. Ей назначается мною извѣстное антисифилитическое, ртутное лѣченіе. Послѣ того баба эта приходитъ въ другой разъ.— «Ну что, какъ дѣло?» спрашиваю я ее.— «Да не помогаетъ»!—говоритъ баба.— «А какъ же носъ-то твой вѣдь хорошій сталъ?» А у больной, надо замѣтить, до этого былъ преотвратительный, весь въ сифилитическихъ язвахъ, носъ.— «Да это-то вѣрно», отвѣчаетъ баба;— «только это не отъ твоего лѣкарства, а отъ того, что тамъ у насъ бабка-лѣкарка научила меня его, носъ-то, слюнями мазать.— «Ну такъ ты и

мажь его слюнями, благо помогаетъ, а моего то лѣкарства не бери»! говорю я.—«Нѣтъ, ужъ ты дай и своего еще»!—отвѣчаетъ баба. Или вотъ другой случай. Женщина очень сильно заболѣваетъ въ полую воду, такъ что проѣхать къ ней нѣтъ никакой возможности. Приходитъ на пунктъ ея мужъ пѣшкомъ и проситъ женѣ лѣкарства за глаза. У крестьянъ иногда это бываетъ все одинаково: посмотрѣлъ докторъ больнаго, или нѣтъ, и убѣдить въ противномъ бываетъ подъ часъ очень трудно. Я распросилъ про болѣзнь. По признакамъ, у больной, по моему, былъ сочленовный ревматизмъ, почему я и назначилъ ей принимать салициловый натръ и далъ еще и растиранья. Послѣ того приходитъ мужъ больной въ другой разъ.—«Ну что»? спрашиваю я его.—«Да ломъ-то (ломота) немного поутихъ».—«Ну такъ чтоже?—значитъ лѣкарство-то было ей въ пользу».—«Да я не знаю, говоритъ мужикъ, я ломъ-то призывалъ къ ней заговорщика заговаривать. Ломъ-то отъ этого и утихъ». По окончаніи полой воды я всетаки самъ ѣздилъ къ этой больной. У ней дѣйствительно оказался сочленовный ревматизмъ да еще съ осложненіемъ,—въ видѣ воспаленія костнаго мозга (osteomyelitis), гдѣ, какъ извѣстно и салициловый-то натръ, считающійся специфическимъ средствомъ отъ ревматизма, мало помогаетъ. А заговорщикъ, оказывается, однимъ своимъ словомъ помогъ. Само собой разумѣется, что несмотря на трудный случай ревматизма, салициловый натръ сдѣлалъ свое дѣло, уменьшивъ и опухоли суставовъ и сильныя боли. Но что тутъ сдѣлаешь? По мужику—помогъ больной его заговорщикъ. На этотъ разъ я подкрасилъ микстуру съ салициловымъ натромъ и далъ мужику еще того-же салициловаго натра; а неподкрашенное лѣкарство больная пожалуй теперь и пить не будетъ. Спустя нѣкоторое время больная эта совсѣмъ выздоровѣла. Такихъ примѣровъ я могъ бы привести, понятно, цѣлую массу. Но однимъ словомъ сказать въ деревнѣ почти не бываетъ ни одного больнаго, который раньше или позже не пользовался бы у своего знахаря. Столкновенія, говорю, постоянныя. Вредъ отъ знахарей, какъ будетъ видно изъ подробнаго ихъ описанія, громадный, а отсюда и интересъ къ вопросу о знахаряхъ, по моему мнѣнію, долженъ быть очень большой.

Прежде, чѣмъ перейдти къ частному описанію всѣхъ нашихъ народныхъ лѣкарей, я долженъ предварительно сдѣлать ихъ общую классификацію, которая, при томъ, много поможетъ лучшему ихъ описанію и пониманію.—Итакъ,—всѣ наши народные лѣкаря раздѣляются въ нашемъ раіонѣ, хотя я думаю, что и вездѣ тоже самое, на 1) собственно знахарей и знахарокъ, 2) заговорщиковъ, 3) кровопускателей или рудометовъ, 4) юродивыхъ и угадовъ и 5) колдуновъ. Я постараюсь описать каждый изъ этихъ видовъ народныхъ лѣкарей порознь, причемъ юродивые и

угады, какъ имѣющіе между собой много общаго, отнесены мною къ одной категоріи.

I.

Знахари и, большею частію, прекрасная половина человѣческаго рода,—знахарки, т. е. деревенскія бабки и городскія мѣщанки, лѣчать у насъ въ деревнѣ, въ большинствѣ случаевъ, несчастныхъ сифилитиковъ, сифилидологи по преимуществу.

Сифилисъ (siphilis) въ деревнѣ («дурная болѣзнь», по деревенскому названію), — это своего рода Божій бичъ! Кто имъ въ деревнѣ не страдалъ и не страдаетъ! Имъ страдаютъ и грудныя дѣти, и 70-ти, 80-ти лѣтніе старухи и старики, имъ въ деревнѣ страдаютъ иногда цѣлыми семьями, иногда человѣкъ въ 20 и болѣе. Болѣзнь невыносимая, потому что сама не проходитъ, а съ каждымъ днемъ напротивъ все дѣлается хуже и хуже. Въ деревнѣ быстро всѣ узнаютъ, сторонятся, воды изъ колодезя не даютъ, а то еще призовутъ съ двумя десятскими на сходку и проч. въ этомъ родѣ. Врачей и теперь на весь уѣздъ двое-трое, а въ прежнее время, до введенія земскихъ учрежденій, и совсѣмъ ни одного не было. Тутъ по неволѣ пойдешь лѣчиться къ знахарямъ. Хотя, впрочемъ, нынѣ этого и нельзя сказать, что поневолѣ идутъ къ знахарямъ сифилитики лѣчиться. Большею частью нынѣ ходятъ къ знахарямъ по своей доброй волѣ, потому что въ народѣ уже изстари укоренилось свое собственное мнѣніе, что знахарь лучше доктора и скорѣй помогаетъ. А «скорѣй» вылѣчиться отъ «дурной»,—это общее желаніе всѣхъ сифилитиковъ, и этому ихъ желанію сильно потворствуютъ и сами знахари, давая больнымъ слишкомъ большія дозы лѣкарства. Извѣстно, что для того, чтобы вылѣчить сифилисъ со всѣми его первичными, вторичными и третичными проявленіями, нужно времени, приблизительно, годъ. Это въ счастливыхъ, конечно, случаяхъ, а то и цѣлые годы сифилисъ не вылѣчивается, а иногда такъ, какъ извѣстно, и совсѣмъ остается въ организмѣ, въ такъ называемой, скрытной, латентной формѣ. Вотъ этой то продолжительности теченія болѣзни и не любятъ сифилитики. Имъ, обыкновенно, хочется вылѣчиться отъ такой ужасной болѣзни сразу. Да хотѣніе это и понятно, въ данномъ случаѣ, само по себѣ, но тутъ оно приводитъ, по большей части, къ печальнымъ, а вовсе не къ хорошимъ результатамъ.

Для того, чтобы показать, какъ велика охота у сифилитиковъ къ большимъ дозамъ лѣкарства изъ желанья, конечно, поскорѣе вылѣчиться, я привожу здѣсь примѣры изъ своей практики. Такъ въ деревнѣ Арцибасовѣ

мужикъ принесъ домой изъ нашей аптеки 30 пилюль изъ сулемы (hydrargyrum sublimatum corrosivum). Ему велѣно было по одной пилюлѣ глотать утромъ и вечеромъ, а онъ сразу ихъ всѣ развелъ водой и половину бутылки заразъ и выпилъ. Баба прибѣгаетъ за мной, вся въ слезахъ.—«Что такое»? спрашиваю я ее.—«Да съ Онисимомъ моимъ сдѣлался геморой»!—«Какой такой геморой»?—«Да съ нимъ этотъ геморой и раньше былъ», отвѣчаетъ баба. Я понялъ скоро, въ чемъ тутъ дѣло, потому что припомнилъ, что Онисимъ вчера былъ у меня, и ему дано лѣкарство отъ сифилиса. Бѣгу сей часъ же въ деревню (спасибо въ нашей деревнѣ дѣло было), и моимъ глазамъ представилась ужасная картина остраго отравленія ртутью. Мужикъ этотъ (онъ громаднаго при томъ росту) еле сидитъ на задникѣ, и его всего, что называется, корёжитъ, т. е. постоянныя судороги, сильная рвота. На окнѣ я замѣтилъ бутылку съ какимъ-то лѣкарствомъ.—«Что это»? я спрашиваю.—«Это мы ваше лѣкарство развели»!—«И онъ это половину выпилъ»? спрашиваю я.—«Да»! робко отвѣчаетъ баба. Кончилась эта исторія тѣмъ, что я Онисима насилу-насилу привелъ въ себя рвотными и молокомъ, взбитымъ съ яичнымъ бѣлкомъ. Вѣрно оказалось, что съ Онисимомъ геморой раньше былъ, какъ говорила мнѣ баба, потому что Онисимъ у насъ раза четыре уже былъ на пунктѣ, а отсюда, каждый разъ, и геморой его. Другой подобный случай былъ въ селѣ Дегтяркѣ. Баба—сифилитичка, съ тою же цѣлію,—поскорѣй вылѣчиться отъ «дурной», проглотила заразъ тоже пилюль изъ сулемы, по $^{1}/_{10}$ грана каждая, пять штукъ, какъ она сама говорила, а вѣроятно больше.—«Что-же было отъ этого? спросилъ я ее.—«Да насилу молокомъ отпоили»! отвѣчаетъ баба и при этомъ еще улыбается.

Охоту къ сильнодѣйствующимъ лѣкарствамъ и къ большимъ дозамъ можно, говорю, наблюдать чуть не у каждаго сифилитика. Такъ я прежде давалъ для смазыванья сифилитическихъ опухолей въ заднемъ проходѣ (condilomata lata) ляписъ, разведенный водой (20 gran. lapis'a на унцію воды). Но потомъ вздумалъ для той же цѣли давать сулему, разведенную въ спиртѣ (скрупулъ sublimati на унцію спирта). Лѣкарство это удивительно, какъ понравилось всѣмъ больнымъ, какъ очень сильное средство и скоро помогающее, въ особенности, если кто очень усердно мажетъ. Помню одного больнаго кузнеца изъ села Р—а. Разъ дали ему этого лѣкарства. Приходитъ кузнецъ въ другой разъ и проситъ опять того же.—«Ужъ очень хорошо, говоритъ, помогаетъ это послѣднее ваше лѣкарство. Я имъ намажу себѣ болячки на ночь, да всю ночь по ржамъ и бѣгаю (дѣло было лѣтомъ).—«Ты, значитъ, ужь очень сильно мажешь, ты бы полегче», говорю я.—«Нѣтъ, такъ лучше помогаетъ, скорѣй вылѣчишься».—«Зачѣмъ ты, спрашиваю я, на

ночь мажешь»?—«А то днемъ то увидятъ, какъ я бѣгаю по ржамъ. А очень хорошо! Пожалуйста дайте еще этого лѣкарства»!— проситъ кузнецъ. Послѣ мнѣ всегда приходила въ голову эта любопытная картина бѣганья ночью по ржамъ, и я сталъ предупреждать больныхъ, чтобы мазали полегче, потому что, молъ, это лекарство немного щипитъ.

Я нѣсколько отдалился отъ своей темы, но мнѣ желательно было пообстоятельнѣе выяснить эту охоту сифилитиковъ къ большимъ дозамъ лѣкарствъ и къ сильнодѣйствующимъ средствамъ, изъ за которой охоты больные эти по большей части и ходятъ къ знахарямъ и знахаркамъ, зная напередъ, что въ этомъ отношеніи ужь всякій изъ нихъ непремѣнно уважитъ, не въ примѣръ доктору...

«Рукомесло» свое знахари, по моему мнѣнію, заимствуютъ отъ военныхъ фельдшеровъ, которыхъ у насъ въ деревнѣ теперь очень много; чуть не въ каждомъ селѣ двое, а то трое. Это, по большей части, бывшіе больничные или аптечные служители въ военной службѣ, получающіе послѣ службы дипломъ младшаго медицинскаго фельдшера. Вотъ этотъ то медицинскій элементъ и разноситъ по деревнямъ свои медицинскія свѣдѣнія, понятно очень при томъ скудныя и посвящаетъ въ нихъ знахарей и знахарокъ. Да не подумаетъ кто либо, что знахарь или знахарка (а знахарокъ больше въ деревнѣ, чѣмъ знахарей)—знаетъ какое либо особенное лѣкарство отъ сифилиса, чего не знаетъ медицина! Нѣтъ! лѣчатъ знахари сифилисъ, обыкновенно тѣмъ же чѣмъ лѣчатъ и врачи. А именно: сулемой (hydrargyrum bichloratum corrosivum), киноварью (сѣрнистая ртуть hydvargyrum sulphuratum) и, наконецъ, третье — декохтъ изъ такъ называемой дорогой травы т. е. изъ сарсапарилли (Decoctum Zittmanni—старинный медицинскій препаратъ), «якобъ» пить, называютъ больные.

Но главное лѣченіе сифилиса у знахарей—это сулемой, и практикуется оно въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Вотъ тутъ-то извѣстная охота сифилитиковъ къ большимъ дозамъ лѣкарствъ и желаніе ихъ всегдашнее—выпить чего либо, какъ можно, покрѣпче—и играютъ весьма важную роль. Поэтому сулема, какъ сильнодѣйствуещее средство, знахарями дается всюду, всѣмъ сифилитикамъ, а то даже безъ разбору, сифилитикъ ли больной или просто страдающій отъ какой другой болѣзни. Просто, вообразитъ баба, что на ней дурная и проситъ у знахарки или знахаря сулемы. Да знахарь, вѣдь главное, и различить-то болѣзнь, конечно не съумѣетъ. Да ему это и не нужно, а просто на просто,—угоститъ хорошенько, ну дѣло и будетъ, что называется, въ шляпѣ: и гонораръ будетъ хорошій, а тамъ и водка и вся-

кія подачки, въ родѣ полотенцевъ, яицъ, ветчины, муки и прочаго деревенскаго скарба.

Сулема, говорю, первое лѣкарство у знахарей, ей начинается, ею и кончается всякое лѣченіе. И въ какихъ же дозахъ сулема дается знахарями и съ какою при томъ неразборчивостію! Какъ еще выноситъ все русская натура! Но иногда эта выносливость ужъ не помогаетъ, и тутъ прямо бываютъ острые случаи отравленія сулемой. Такъ на моей памяти, напримѣръ, было два случая отравленій, въ одномъ случаѣ больная умерла отъ сулемы, очень молодая еще женщина, въ деревнѣ Шашкиной, въ другомъ случаѣ,— въ деревнѣ Рыловой умерла тоже отъ отравленія совсѣмъ молодая женщина, которую научили купить на пятачекъ сулемы, на пятачекъ живой ртути и на пятачекъ крѣпкой водки, и все это выпить заразъ. Больная выпила, ну и, понятно, отправилась на тотъ свѣтъ. Или еще, напримѣръ, помню въ деревнѣ Арцибасово привезли знахаря къ одному чахоточному больному. Ѣздили за знахаремъ далеко, верстъ за 25 слишкомъ. Визитъ знахаря стоилъ 5 рублей. И что же знахарь сдѣлалъ?—Онъ назначилъ своему паціенту такую дозу сулемы, что тотъ бѣдный чуть-чуть не умеръ отъ нея, потому что, говорятъ, съ больнымъ сейчасъ же сдѣлалась страшная рвота и поносъ (геморой своего рода) т. е. всѣ признаки отравленія. У знахарей это считается хорошимъ признакомъ; «чтобы, какъ они выражаются, больнаго и верхомъ и низомъ пронесло, и чтобы все нутро тамъ вычистило, гнѣздо разорвало, а то у тебя, братецъ, нутро болитъ»! И я еще удивляюсь, какъ это самое нутро, въ видѣ черезъ чуръ уже плохихъ, чахоточныхъ, съ кавернами (я наблюдалъ раньше этого больнаго) легкихъ, не вылетѣло оттуда т. е. изъ больной груди совсѣмъ, окончательно... Больной этотъ вскорѣ потомъ умеръ. Больное нутро, видно, взяло свое. Визитъ знахаря пропалъ даромъ. Это мнѣ извѣстные случаи отравленія, но, конечно, не всѣ такія случаи доходятъ до врача.

Окуриваніе киноварью (hydrargyrum sulphuratum — сѣрнистая ртуть) производитъ въ нашемъ раіонѣ преимущественно полька, въ деревнѣ Ольхахъ, Данковскаго уѣзда. Полька эта вышла замужъ за здѣшняго солдата и пришедши съ своей родины въ Ольхи на постоянное жительство, принесла съ собой какой то польскій лѣчебникъ, по которому и лѣчитъ здѣсь. Одно то, что книга эта на какомъ-то непонятномъ для народа языкѣ,— одно это производитъ своего рода впечатлѣніе на больнаго. Живетъ полька въ землянкѣ, чуть не въ подземельѣ и извѣстна во всемъ околодкѣ подъ названіемъ «Ольховской колдуньи». Надо замѣтить, что лѣкарка эта (её здѣсь еще зовутъ просто лѣкарка) постоянно бываетъ пьяна, потому что безъ

полштофа водки никто къ ней не является. Хорошее заведеніе этотъ полштофъ въ деревнѣ. У насъ безъ него, какъ извѣстно, ни одного дѣла не дѣлается, и роль его, какъ прилагательнаго, извѣстна во всѣхъ сферахъ жизни, какъ свѣтской, такъ равно и духовной. Я тоже раза два-три удостоивался этого «приноса»: «на дорожку», дескать г. доктору... Главное свое лѣченіе— окуриваніе киноварью Ольховская лѣкарка примѣняетъ всюду; окуриваетъ всѣхъ безъ исключенія больныхъ, хотя больше всетаки сифилитиковъ. Такъ у меня были въ разное время три женщины, больныя женскими болѣзнями, которыя подверглись окуриванью киноварью и отъ этого страшно страдали отъ меркуріализма.

Третье лѣкарство Якобъ или, что тоже, Декобъ (Циттмановъ декоктъ) дается знахарями очень часто. Его даютъ тоже преимущественно сифилитикамъ, но кромѣ сифилитиковъ, «якобъ» пьютъ и другіе больные, какъ то—чахоточные и золотушные. Корень «дорогой травы» (radix sarsaparillae), изъ котораго приготовляютъ якобъ, продается здѣсь во всѣхъ москательныхъ лавкахъ. Въ москательныхъ лавкахъ, впрочемъ, продаются тоже тайкомъ и мышьякъ и сулема и всякія другія снадобья. Бабѣ или мужику, значитъ, достать якобъ всегда бываетъ возможно. Да и пить его бываетъ очень удобно. Обыкновенно, четверть водки настоитъ знахарь или знахарка якобомъ, прибавитъ туда изрядную дозу сулемы и даетъ это больному—сифилитику, или бабѣ—сифилитичкѣ за приличную при томъ плату. У всѣхъ знахарей есть своего рода античная такса, такъ что четверть якобу стоитъ, напримѣръ, 3 рубля, полштофъ менѣе и проч. Больные пьютъ якобъ всегда съ охотой; вѣроятно, отъ того больше, что это лѣкарство болѣе безопасно. Замѣчательно, что всѣ лѣкарства свои знахари, обыкновенно, настаиваютъ на водкѣ, какъ сулему, такъ равно и якобъ. По всей вѣроятности, это дѣлается для того, чтобы небыло противно пить. Русскій человѣкъ вѣдь водку очень любитъ... Изъ веществъ, неупотребляемыхъ врачами въ сифилисѣ знахари даютъ иногда синій купоросъ (cuprum sulphuricum). Но его даютъ очень рѣдко и при томъ для наружнаго больше употребленія. Его не хвалятъ что то и сами больные. Вѣроятно это отъ того, что синій купоросъ—рвотное средство, а значитъ и непріятное. «Купоросъ пила, якобъ настаивала, все толку нѣтъ»! обыкновенно слышишь отъ больныхъ.

Нужно замѣтить, что лѣкарственныя вещества у знахарей иногда очень нагло замѣняются другими болѣе дешевыми средствами, происходитъ своего рода фальсификація. Такъ, напримѣръ, дорогая трава (radix sarsaparillae) т. е. деревенскій «якобъ» замѣняется у торговокъ корнемъ пе-

сочной осоки (risoma graminis rubri). Трава эта ростетъ по берегамъ рѣкъ и озеръ и продается копѣекъ пятьдесятъ за фунтъ, тогда какъ дорогая трава обыкновенно стоитъ 2 рубля 50 коп. фунтъ. Іодистый калій (kalium jodatum), тоже извѣстное въ медицинѣ и полезное, притомъ, лѣкарство отъ сифилиса, замѣняется часто у торговцевъ, а отсюда и у знахарей, обыкновенною морскою солью или бузуномъ. Такая замѣна, несомнѣнно, произошла отъ того, что, какъ извѣстно, іодистый калій продается изъ нашихъ аптекъ тайкомъ, по ручной продажѣ, т. е. безъ рецепта врача, подъ названіемъ «морской соли». Ну торговцы и стали продавать настоящую морскую соль, бузунъ. Это въ родѣ того, какъ порохъ прежде, когда имъ запрещено было торговать, тайкомъ изъ лавокъ продавался подъ скромнымъ названіемъ «маку». Какъ на курьёзъ, я не могу здѣсь не указать еще на одного знахаря, изъ села Заболотнаго, онъ же кузнецъ и коновалъ. Коновалъ этотъ лѣчитъ тоже и отъ «дурной», и отъ разныхъ другихъ недуговъ, но чѣмъ же? Пойдетъ онъ на рѣчку, наберетъ на берегу разныхъ камешковъ, какъ то: бѣленькихъ, желтенькихъ, синенькихъ, чёрненькихъ и другихъ, принесетъ ихъ въ кузню, разобьетъ тамъ на наковальнѣ ихъ всѣ въ мелкій порошокъ, завернетъ въ разныя бумажки и послѣ даетъ ихъ пить больнымъ, или для присыпки наружныхъ болѣзней. И помогаетъ, говорятъ!..

Вотъ такихъ-то больныхъ, т. е. сифилитиковъ, которые прежде лѣчились у знахаря или знахарки, трудно бываетъ вылѣчить врачу, потому что они, обыкновенно, до такой степени наглотаются ртути, что и не знаешь, съ чего тутъ начинать лѣчить,—сифилисъ ли, или — меркуріализмъ т. е. хроническое ртутное отравленіе. А съ послѣднимъ имѣть дѣло гораздо труднѣе, чѣмъ съ самимъ сифилисомъ. И дѣйствительно, вѣдь мужика нельзя послать на Кавказъ, на сѣрныя воды!.. Въ острыхъ же случаяхъ отравленія тоже бываетъ трудно помочь больному, потому что первые три-четыре дня, какъ и было въ указанныхъ выше случаяхъ съ отравленными женщинами, больные таятся не только отъ врача, но и отъ всѣхъ окружающихъ родственниковъ и только, обыкновенно, на духу, т. е. священнику, приглашенному для причащенія Св. Таинъ, сказываютъ, а тотъ уже велитъ позвать доктора. Но время бываетъ уже упущено, потому что ядъ настолько успѣетъ уже всосаться въ организмъ, что помощь бываетъ почти излишня и безъуспѣшна. Въ другихъ же случаяхъ отравленій больные совсѣмъ не скажутъ никому, а выйдетъ просто, молъ, умерла и умерла отъ неизвѣстной причины. Подержатъ трупъ день и два, а потомъ и похоронятъ. Въ настоящее время, впрочемъ, сифилитики стали привыкать и къ докторамъ. Такъ у меня на двухъ амбулаторныхъ пунктахъ бываетъ ежегодно около ты-

сячи посѣщеній. Кромѣ сифилиса народными средствами лѣченія пользуется въ деревнѣ очень часто еще перемежающаяся лихорадка (febris intermittens), по здѣшнему «лихоманка», «тетка», «трясучка» и др. синонимы. У хохловъ лихорадка называется «пропастныца», и это названіе мнѣ больше всѣхъ нравится; ужь именно—пропастныца! Лихорадка очень часто встрѣчается въ народѣ; такъ у меня на пунктахъ ежегодно бываетъ около тысячи лихорадочныхъ больныхъ. Мужику избавиться отъ лихорадки бываетъ, обыкновенно, очень трудно, такъ что болѣзнь иногда тянется годъ, два, даже три. Да обстоятельство это и понятно по слѣдующимъ соображеніямъ. Земскіе врачи, какъ извѣстно, хининомъ, въ виду его дороговизны, не пользуются въ достаточномъ количествѣ. Благо еще нынѣ хина дешева стала, и земство стало меньше соблюдать свою всегдашнюю экономію. Городскіе же аптеки по ручной продажѣ даютъ мужику только одинъ гранъ хинина въ порошкѣ, въ который (порошокъ) прибавляютъ еще пять гранъ сахару и возьмутъ за такой порошокъ пять копѣекъ, а за три, напримѣръ, порошка пятнадцать копѣекъ, а ихъ всѣ такіе порошки только стоитъ бросить!.. Почему то всѣ наши аптекари или іудейскаго, или нѣмецкаго, или, наконецъ, польскаго происхожденія! Русскихъ почти нѣтъ изъ нихъ. Пора бы уничтожить ихъ монополію и пересмотрѣть ихъ аптекарскую таксу, сдѣлавши изъ ней что либо путное. И дѣйствительно, взять пять копѣекъ за одинъ гранъ хинина, т. е. за унцію хинина—24 рубля, тогда какъ онъ у Феррейна нынѣ стоитъ 80 копѣекъ унція,—вѣдь это просто невозможное дѣло. Тутъ приблизительно съ чѣмъ то 2000% на капиталъ. Въ особенности, это трудно для бѣднаго, больнаго мужичка или рабочаго человѣка, который отъ своей болѣзни еще лишился своего заработка. А попробуйте, возьмите въ аптекѣ одинъ гранъ сулемы въ пилюляхъ, съ васъ возьмутъ за 10—12 такихъ пилюль (по 1/10 или 1/12 грана)—пятьдесятъ копѣекъ. Фунтъ сулемы, стоющій у Феррейна 2 рубля, аптекаря такимъ образомъ обгоняютъ въ 2280 рублей серебромъ. Тутъ ужь весьма трудно опредѣлить, какой получается % на капиталъ, чуть ли не милліонный. Хорошій заработокъ, нечего сказать! Пора бы объ этомъ подумать и удешевить, по возможности, медицинскую аптечную таксу. А то для рабочаго человѣка, какъ, впрочемъ, и для всякаго, болѣзнь—это совершенный раззоръ. Въ особенности, продолжительная такая болѣзнь, въ родѣ лихорадки. Работать въ семьѣ некому, либо печку топить некому, а лихоманка все трепитъ. Горе, да и только... И вотъ, если врачъ не поможетъ больному, то больные такіе и ходятъ, просятъ лѣкарства, либо къ барынѣ, либо къ сельской матушкѣ-попадьѣ, а то и къ своимъ знахаркамъ-бабкамъ. Многія барыни, дѣйствительно, даютъ

лихорадочнымъ больнымъ хины, но понятно, не много, потому что въ деревнѣ хины достать трудно, хорошо если есть въ запасѣ изъ города, да и самимъ эта вещь бываетъ постоянно нужна. Барыни, впрочемъ, въ деревнѣ больше лѣчатъ своей гомеопатіей. Это лѣченіе для нихъ и болѣе безопасно и очень удобно, потому что однимъ пузырькомъ крупинокъ можно отпустить тысячу человѣкъ. А у матушки-попадьи, обыкновенно, ни хинина, ни крупинокъ нѣтъ, а больному все-таки нужно чего либо дать отъ его болѣзни, утѣшить. И вотъ, между прочимъ, нѣкоторыя изъ нихъ лѣчатъ лихорадку слѣдующимъ способомъ: велитъ бабѣ принести три кренделюшка, напишетъ на нихъ три какихъ то евангельскихъ слова и дастъ ихъ больному, чтобы онъ съѣлъ ихъ въ три зари по утрамъ. Иногда эти три евангельскихъ слова пишутся просто на трехъ бумажкахъ, которыя (бумажки) больной тоже въ три зари долженъ съѣсть. Бабки-знахарки въ лѣченіи лихорадки ухитряются до невозможности. Такъ напримѣръ: нужно срѣзать въ саду 12-ть почекъ, отъ 12-ти разныхъ деревъ, налить ихъ 12-тью ложками кипяченой воды, дать имъ 12-ть дней постоять и пить 12-ть дней сряду по одной ложкѣ. Или вотъ средство, нѣсколько аналогичное этому. Нужно испечь 12-ть пышекъ, пойдти въ лѣсъ и разыскать 12-ть пеньковъ, положить на каждый пенёкъ по пышкѣ и каждому пеньку отвѣсить 12 поклоновъ. Цифра 12-ть здѣсь, очевидно, означаетъ что то въ родѣ священной цифры, такъ какъ въ народѣ лихоманка олицетворяется въ видѣ 12-ти сестеръ лихомановъ, которыя и трясутъ человѣка на подобіе, напримѣръ, русалокъ. Въ лихорадкѣ даютъ также и много другихъ народныхъ средствъ, напримѣръ, особенной славой пользуется пережженная соль, такъ же лишайникъ и пр. Цѣлительнаго дѣйствія, впрочемъ, всѣ эти средства никакого не имѣютъ. При теперешней дешевизнѣ хинина, я сталъ теперь давать больнымъ три порошка chinini sulphurici по 10 гранъ каждый. Это средство лучше всего помогаетъ.

Въ лѣченіи переломовъ костей и вывиховъ деревенскія бабки-знахарки выказываютъ тоже немало всей своей медвѣжьей ловкости и искусства. Какъ извѣстно, сдѣлать что либо путное, въ данномъ случаѣ, бабка конечно, ничего не сможетъ. Переломъ ли это или вывихъ, ей узнать трудно, помочь же какъ нибудь больному она и вовсе не въ состояніи, потому что сростить переломленную кость безъ гипсовой повязки или вправить вывихъ, безъ знанія анатоміи и своего рода ловкости и умѣнья, вещь очень нелегкая. Вотъ въ такихъ случаяхъ бабка и ломаетъ еще больше своему паціенту больную ногу или руку. Больной или больная въ такихъ случаяхъ кричитъ и орётъ во всю глотку, но у бабки это считается за хорошій признакъ, значитъ, называется, на жилку попала. «У тебя жилка стронута», говорится

обыкновенно, больному, «ты пойди и поклонись три раза въ землю на томъ мѣстѣ, гдѣ тебѣ это подѣялось, мать сыра земля и отпуститъ тебя». Кончается всегда дѣло тѣмъ, что бабки эти проведутъ такимъ образомъ время, и уже, недѣли чрезъ двѣ, чрезъ три, смотришь, больной пріѣдетъ къ врачу, когда помощь больному оказать бываетъ уже очень трудно. Вотъ такіе то запущенные вывихи постоянно приходится вправлять и, конечно, съ большимъ трудомъ и болью для пацiента.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, какую глупую роль играютъ при родахъ, такъ называемыя, бабушки повитушки. Во время родовъ, не говоря уже о трудныхъ родахъ, бабка помочь роженицѣ ничего не можетъ, потому что даже поддержать промежность у роженицы, и то для нихъ вещь непонятная и незнакомая. Послѣ же родовъ бабки продѣлываютъ со своими жертвами разные причудливые фокусы. Такъ, напримѣръ, каждую родильницу бабка паритъ въ жарко истопленной печкѣ шесть дней сряду, утро и вечеръ. Парятъ, обыкновенно, почему то однимъ и тѣмъ же вѣникомъ, а послѣ этого тѣмъ же самымъ вѣникомъ, что называется, размываютъ руки роженицѣ. Глупая эта операція заключается въ томъ, что бабка льётъ на вѣникъ воду, причемъ вѣникъ лежитъ на рукахъ роженицы, сложенныхъ крестообразно. Вода съ вѣника стекаетъ въ тазъ, въ которомъ бабка кладетъ передъ тѣмъ одно сырое яйцо. Послѣ того, водой, приготовленной такимъ способомъ, бабка въ послѣдній разъ еще всю роженицу обмываетъ, а яйцо бывшее въ тазу, роженица должна испечь и съѣсть. Эта самая обыкновенная исторія для случаевъ благополучныхъ. Въ случаяхъ же, когда у роженицы что либо заболитъ, или если лохіи прекратятся, то бабки сейчасъ же посылаютъ разыскивать, такъ называемыхъ, подъёмныхъ капель. Подъёмныя капли,—это извѣстный всѣмъ киндеръ-бальзамъ. Съ серьёзно же больными роженицами бабки продѣлываютъ обыкновенно такую операцію. Больную роженицу, у которой, напримѣръ, сдѣлалось воспаленіе брюшины, бабка вѣшаетъ за ноги къ потолку или къ палатямъ и въ такомъ положеніи встряхиваетъ её, при томъ нѣсколько разъ сряду. Какъ ни страшна эта операція, но, къ несчастію, она продѣлывается очень нерѣдко. Нечего и говорить здѣсь о крайней нечистоплотности нашихъ повитухъ, когда сплошь да рядомъ отъ нихъ даже можно заразиться и сифилисомъ.

Въ заключеніе я долженъ еще упомянуть про народное лѣченіе нарывовъ—прикладываніемъ коровьяго помета и болѣзней глазъ примачиваніемъ ихъ человѣческой мочей. Много распространяться объ этомъ не стоитъ, хотя на моей памяти одну 16-ти лѣтнюю дѣвушку бабки подобнымъ лѣченіемъ — мочей, буквально ослѣпили. Самая обыкновенная изъ глазныхъ

операцій у бабокъ, это лазить въ глазъ языкомъ или выворачивать глазъ на кольцо, съ цѣлью поискать тамъ соринку, которой тамъ и не бывало. Вездѣ все бабьи хитрости. Въ накожныхъ болѣзняхъ и ревматизмѣ, модное средство въ деревнѣ— натираніе дегтемъ или керосиномъ. Конечно, средства эти, въ большинствѣ случаевъ, совершенно безвредны.

II.

Второй классъ народныхъ лѣкарей, какъ сказано было выше, составляютъ заговорщики. Постараюсь и съ ними познакомить, на сколько это было возможно для меня.

Заговорщиковъ у насъ, въ деревняхъ, очень много. Одни изъ нихъ заговариваютъ жабу, другіе ломъ, т. е. ломоту, третьи—волосень, т. е. ногтоѣду (panaritium), четвертые—кровь, иные сибирку, т. е. сибирскую язву, и, наконецъ,—собачье бѣшенство и проч. Словомъ, чуть не на каждую болѣзнь есть свой заговорщикъ. Заговорщиковъ жабы, лому, волосеня и т. п. я описывать подробно не стану, какъ менѣе важныхъ, и начну прямо съ заговорщиковъ крови.

Заговорщиковъ крови много въ каждой буквально деревнѣ. Этимъ маракуетъ, обыкновенно, какая либо бабка, рѣдко и мужикъ. И дѣйствительно, заговорить кровь очень легко. Пока-то надумаютъ послать за заговорщикомъ, пока-то его разыщутъ, а тѣмъ временемъ догадаются завязать рану какой либо вѣтошкой, или приложатъ къ ранѣ паутины, а то засыпятъ ее червоточиной и т. п. Прійдетъ, наконецъ, заговорщикъ, начнетъ читать свой заговоръ, по всей вѣроятности, еще очень длинный. Въ первый разъ прочитаетъ, во второй разъ, въ третій; а нужно всегда непремѣнно прочитать заговоръ три раза. Смотришь, кровь и остановилась, потому что всякое кровотеченіе, въ особенности изъ небольшихъ стволовъ, всегда и такъ, само собой, останавливается очень скоро. Это происходитъ, какъ извѣстно, или отъ сморщиванія краевъ перерѣзаннаго кровеноснаго сосуда, артеріи или вены, послѣ ихъ пораненія, или отъ образованія такъ называемаго тромба, т. е. пробки, которая образуется въ сосудѣ изъ свернувшагося фибрина крови, потому что кровь, отъ дѣйствія наружнаго воздуха, сейчасъ же свертывается и распадается на фибринъ, главную составную часть плазмы и сыворотку крови. Но сказанное искусство заговорщиковъ, въ отношеніи остановки кровотеченія, примѣнимо только къ пораненію мелкихъ кровеносныхъ сосудовъ, пораненіе которыхъ больше и встрѣчается на практикѣ. Мелкихъ стволовъ артерій и гораздо конечно больше, чѣмъ круп-

ныхъ, и они въ нашемъ тѣлѣ лежатъ гораздо поверхностнѣе, чѣмъ крупные стволы. Крупные же стволы, какъ извѣстно, и лежатъ болѣе глубоко, да еще обыкновенно защищены, какъ бы нарочно, отъ самой природы или костями, или просто мягкими частями т. е. мышцами и сухожильными растяженіями. Поэтому то пораненіе крупныхъ артерій бываетъ сравнительно, конечно, очень рѣдко. Но буде, если что либо подобное случится, т. е., если бываетъ поранена, напримѣръ, артерія radialis или ulnaris, то тутъ заговорщикъ ужъ ничего не въ состояніи сдѣлать. Больной такой или долженъ умереть отъ истеченія кровью, или же—его привезутъ къ врачу, спустя тоже извѣстное время, всего обезсиленнаго отъ громадной потери крови, послѣ разныхъ мытарствъ по заговорщикамъ. Подобный случай и былъ въ моей практикѣ. Молодой парень, изъ села Малаго Подовечья, всегда страшный, какъ говорятъ, буянъ, на свой сельскій, престольный праздникъ такъ напился пьянъ, что вздумалъ драться съ своими стеклами. Просто на просто, началъ бить кулаками въ свои окна и при этомъ поранилъ себѣ пульсовую артерію (arteria radialis). Артерія эта, какъ извѣстно, изъ всѣхъ стволовъ артеріальныхъ лежитъ болѣе поверхностно. Призвали заговорщика, но дѣло оказалось плохо. Свой заговорщикъ не помогъ. Поэтому несчастнаго больнаго, буквально истекающаго кровью, цѣлыхъ двѣ недѣли возили по разнымъ другимъ заговорщикамъ и заговорщицамъ, а кровь все не унималась. И вотъ, наконецъ, совершенно уже обезсиленнаго, почти безжизненнаго, привезли больнаго ко мнѣ, на пунктъ. Это чрезъ двѣ недѣли! Потеря крови была громадная, больной былъ блѣденъ, какъ полотно. Въ особенности глаза у него, отъ потери крови, были просто какіе то страшные. Я, думается, никогда не забуду этихъ бѣлыхъ, безжизненныхъ глазъ! Съ больнымъ постоянно, при томъ, дѣлались сильные обмороки. Изъ ранки постоянно сочилась кровь, а по временамъ такъ текла очень сильно, въ особенности если больной кашлянетъ, или чхнетъ, то кровь начинаетъ бить просто фонтаномъ. Что тутъ дѣлать? Нужно наложить лигатуру, а вдругъ съ больнымъ обморокъ и смерть? Ужъ этого помилуй Богъ! Просто на просто, «каменіемъ побіени будете». Потому что больныхъ на пунктѣ кромѣ того еще 70—80 человѣкъ и только скажи одинъ, что, молъ, докторъ зарѣзалъ, ну и баста! А вѣдь для больнаго нужно что либо сдѣлать путное. Но если бы больнаго привезли послѣ пораненія, на тотъ же день, тогда другое дѣло было бы; а то заговорщики протянули вѣдь цѣлыхъ двѣ недѣли. Кончилось тѣмъ, что я все-таки рѣшился наложить ему шелковую лигатуру «in masse». Отыскать хорошо артерію было уже нельзя, потому что, отъ разросшихся грануляцій, образовалась какая-то кровоточащая клоака. Кромѣ лигатуры in masse я перевязалъ

руку больному повыше раненія, съ мячикомъ изъ ваты, кровь и остановилась. Больной этотъ потомъ совершенно выздоровѣлъ, хотя все село молило о его смерти, ужъ очень онъ буянъ, говорятъ.

Заговорщики сибирки (сибирская язва, pustula maligna, carbunculus malignus) въ деревнѣ своего рода рѣдкость. Всегда нужно ѣхать куда нибудь верстъ за 10—15, а то и дальше. Сибирская язва, болѣзнь очень рѣдкая, а, значитъ, и нужды въ такихъ заговорщикахъ особой не предвидится.

Изъ всѣхъ заговорщиковъ сибирки особенной славой пользуются братья Бакокины. Бакокиныхъ четыре брата, всѣ они живутъ врозь, и въ разныхъ мѣстахъ Скопинскаго и Данковскаго уѣздовъ и всѣ одинаково умѣютъ заговаривать сибирку. Братья Бакокины, по происхожденію своему—крестьяне изъ села Ново-Александрова, Скопинскаго уѣзда, полуграмотные, но успѣли цивилизоваться по своему. Какимъ либо преимуществомъ въ заговорѣ сибирки ни одинъ изъ братьевъ не пользуется во мнѣніи народа, и для больнаго нужно только слово «Бакокинъ», которое до нѣкоторой степени стало нарицательнымъ словомъ. Больной, заболѣвшій въ одной мѣстности, сейчасъ же ѣдетъ къ своему Бакокину и не считаетъ ужъ нужнымъ ѣхать къ другому Бакокину, который живетъ отъ перваго верстъ за 10—15. Надъ всякимъ своимъ паціентомъ, всѣ Бакокины продѣлываютъ одно и тоже. Сначала они шепчутъ свой заговоръ, а послѣ этого даютъ больному нашатырю (ammonium chloratum) и велятъ имъ засыпать сибирку. Вотъ и все ихъ лѣченіе! На чемъ же спрашивается, основана такая слава Бакокиныхъ? А дѣло то заключается въ томъ, что въ простомъ народѣ все носитъ названіе сибирки, будетъ ли то простой чирей (furunculus), въ особенности если онъ съ чёрнымъ пятномъ; нарывъ ли небольшой (abscessus) съ тёмнымъ кровоподтекомъ, карбункулъ (carbunculus), рожа (erisipelas) съ тёмнымъ волдыремъ (erisipelas herpetica),—все это въ народѣ носитъ названіе грозной сибирки. А главное, лишь бы появилось какое либо черное пятно. Сейчасъ призовутъ бабку. Но чего же бабка знаетъ? И сейчасъ же начинается обычная ея рѣчь: «у тебя сибирка, тебѣ нужно ѣхать къ Бакокину». Вотъ эти то и имъ подобныя, такъ называемыя, сибирки братья Бакокины и вылѣчиваютъ съ такимъ блестящимъ, можно сказать, успѣхомъ. Настоящей же сибирки они, по всѣй вѣроятности, и не видали; а если случайно и видѣли, то неузнали и ужь, понятно, не помогли ни одному такому больному. И дѣйствительно, что значитъ для сибирской язвы заговоръ Бакокиныхъ или хоть ихъ присыпка нашатыремъ, когда сибирку нужно выжечь или каленымъ желѣзомъ или дымяшейся азотной кислотой. На сколько рѣдкая болѣзнь сибирская язва, можно уже судить изъ того, что у меня на пунктахъ перебываетъ каж-

дый годъ больныхъ отъ 12-ти до 14-ти тысячъ; за 8 лѣтъ, значитъ, перебывало около 90 тысячъ и изъ нихъ больныхъ сибирской язвой было всего три человѣка. Конечно, во всемъ участкѣ больныхъ сибирской язвой, можетъ быть, было и больше за это время, потому что участокъ большой, 35 тысячъ жителей, на одного врача—городъ больше Рязани, да кромѣ того онъ разбросанъ на большомъ 50-ти верстномъ пространствѣ, и потому вообще не всякаго больнаго везутъ на пунктъ. Но такихъ то больныхъ, т. е. съ сибиркой, такъ прямо везутъ не къ врачу, а къ заговорщику Бакокину или другому какому. Это уже изстари заведено такъ, ко врачамъ еще мало довѣрія. Я здѣсь опишу тѣ три случая сибирской язвы, которые были у меня. Тѣмъ болѣе они интересны, что всѣ эти больные были предварительно у заговорщиковъ. Такъ въ сосѣднемъ селѣ Шишкинѣ, въ имѣніи купца Л., заболѣваетъ сибирской язвой лошадь. Посылаютъ за Бакокинымъ, который живетъ отъ Шишкина недалеко. Лошадь эта, понятно, околѣваетъ, несмотря на пособіе отъ Бакокина. На друдой день заболѣваетъ другая лошадь. Сейчасъ же опять привозятъ Бакокина, но лошадь тоже околѣваетъ. Послѣ того вскорѣ заболѣваетъ конюхъ, ходившій за больными лошадьми. Его сейчасъ везутъ къ Бакокину. Къ вечеру конюха не стало. Осталась у него жена и 6 человѣкъ дѣтей. На другой день заболѣваетъ сибирской язвой, на шеѣ, караульный въ имѣніи. Караульный этотъ тащилъ больную лошадь изъ конюшни и чуть ли еще не онъ дралъ шкуры съ больныхъ лошадей. Послѣднее очень часто практикуется; здѣсь вѣдь иногда не посмотрятъ на то, что лошадь околѣла отъ сибирки. Караульнаго этого тоже везутъ къ Бакокину. Дорогой отъ Бакокина больной умеръ. Въ одинъ день два гроба! Но на другой день еще заболѣваетъ въ имѣніи кучеръ, который вмѣстѣ съ караульнымъ тащилъ больную лошадь изъ конюшни. Въ имѣніи образовалась паника! Пріѣзжаютъ ко мнѣ съ вопросомъ, есть ли у васъ какое либо средство отъ сибирки? и разсказываютъ всю исторію, что вотъ двое умерли, а третій заболѣлъ отъ сибирки. Я велѣлъ сейчасъ же привезти больнаго на пунктъ. У привезеннаго кучера была уже несомнѣнная сибирская язва на правой рукѣ, пониже локтя. Это была опухоль, развившаяся въ какіе нибудь три-четыре часа, бѣлаго, какого-то безжизненнаго вида, очень при томъ большая, болѣе, напримѣръ, чайнаго блюдца, приложеннаго къ рукѣ. На ощупь опухоль была твердая, какъ доска и въ серединѣ опухоли было черное вдавленіе, родъ чернаго пятна, величиной съ горошину. Это была уже несомнѣнная сибирская язва, которую въ деревнѣ мнѣ пришлось видѣть еще въ первый разъ. Въ клиникахъ приходилось видѣть сибирку тоже рѣдко, тамъ бываетъ не больше однаго или двухъ случаевъ въ годъ. Больнаго этого мнѣ

удалось спасти отъ вѣрной смерти. Человѣкъ онъ одинокій, жена и трое дѣтей. Я сдѣлалъ ему крестообразный разрѣзъ скальпелемъ на центрѣ опухоли и залилъ это мѣсто дымящейся азотной кислотой. Я хотѣлъ еще выжечь опухоль каленымъ желѣзомъ, но каутёра для прижиганій не оказалось, а въ деревнѣ и кузни совсѣмъ не было. Я далъ еще больному на домъ азотной кислоты и посовѣтывалъ влить въ ранку нѣсколько ея капель, а предварительно въ кузнѣ выжечь это мѣсто еще каленымъ желѣзомъ. Такъ и случилось, что больной, отправившись въ свою деревню, пошелъ прямо въ кузню. И, когда кузнецъ не согласился на такую операцію, больной самъ себѣ выжегъ жигаломъ средину опухоли, а потомъ залилъ еще азотной кислотой. «Раскаленное желѣзо такъ не щипитъ, какъ ваши капли (кислота)», разсказывалъ онъ послѣ того. На другой день больной явился ко мнѣ уже совсѣмъ бодрый, опухоль стала опадать и сдѣлалась тѣстообразною. Вскорѣ онъ и совсѣмъ оправился. Другой случай сибирки, былъ у меня послѣ того, спустя приблизительно годъ. У 16-ти лѣтняго мальчика на лицѣ, около нижней скулы, въ какіе нибудь три часа образовалась опухоль, величиною съ кулакъ. Опухоль была твердая, какъ доска и въ срединѣ ея было черное углубленіе, точь въ точь, какъ у того кучера. Мальчикъ этотъ жилъ на хуторѣ и ходилъ за скотиной, гдѣ и заразился. Его немедленно привезли ко мнѣ, но отъ меня сейчасъ же хотѣли везти къ Баковину, когда я сказалъ, что у него сибирка. Едва-едва удалось удержать отъ этого и оставить его у себя въ лѣчебницѣ. Эту сибирку у мальчика я самъ выжигалъ калёнымъ желѣзомъ. Нашелъ какую то толстую проволоку, раскалилъ ее тутъ же на угольяхъ и выжегъ. Опухоль сейчасъ же начала нѣсколько опадать и сдѣлалась мягкою, тѣстообразною. Но потомъ опять сейчасъ же начала твердѣть, и больному сдѣлалось хуже. Тогда я взялъ большой, толстый гвоздь и сталъ выжигать имъ. Такихъ сеансовъ выжиганій пришлось сдѣлать больному четыре или пять. Ночью былъ небольшой бредъ. Утромъ я еще въ послѣдній разъ сдѣлалъ выжиганіе, и больному совсѣмъ полегчало. Теперь онъ живъ и здоровъ и даже уже женился. Третій случай сибирской язвы былъ въ селѣ Курбатовѣ. Больную привезли ко мнѣ послѣ того, какъ цѣлыхъ три дня возили по разнымъ заговорщикамъ. У трехъ заговорщиковъ перебывала больная. Когда узналъ управляющій имѣніемъ, то велѣлъ её везти на пунктъ. Её привезли еле живую, и извощикъ помогъ ей взобраться на печку въ кухнѣ пріемнаго покоя. Мы насилу потомъ стащили ее съ печи. Больная настолько была уже плоха, что я не рѣшился сдѣлать ей выжиганія. Она умерла на тотъ же день. Время было упущено, виной всему заговорщики и невѣжество.

Кромѣ Бакокиныхъ, заговариваетъ сибирку еще одинъ мужикъ въ деревнѣ Шишкиной. Послѣ заговора мужикъ этотъ завертываетъ больное мѣсто листовымъ табакомъ. Послѣднее продѣлываютъ, впрочемъ, очень многіе заговорщики сибирки. Отъ листоваго табаку, обыкновенно, получается такое разъѣденіе больнаго мѣста, что больные послѣ того очень долго страдаютъ. И это, конечно, происходитъ больше отъ того, что заговорщики прикладываютъ табакъ не на сибирскую язву, а на чирей, напримѣръ, на нарывъ, на рожу и т. под. Въ особенности, листовой табакъ ужасно вредно дѣйствуетъ на рожу (erisipelas). Въ моей практикѣ было, между прочимъ, два такихъ случая. Такъ, одинъ крестьянинъ изъ сосѣдняго села пріѣхалъ ко мнѣ съ больною ногой, на которой была рожа. Я такъ больному и сказалъ, что у него рожа. Онъ, очевидно, мнѣ не повѣрилъ и спросилъ меня: «а что это не сибирка»? Я постарался его разувѣрить въ въ этомъ, но оказалось, напрасно. Нужно замѣтить, что недѣли за двѣ передъ тѣмъ, у меня лѣчился отецъ этого крестьянина, у котораго была рожа на лицѣ и прошла благополучно. Тогда мнѣ повѣрили и не возили заговаривать, а въ этомъ случаѣ, оказывается, не повѣрили, потому что на ногѣ былъ темный волдырь. Больнаго прямо отъ меня повезли къ Шишкинскому заговорщику, и тотъ ему всё больное мѣсто обернулъ своимъ излюбленнымъ листовымъ табакомъ, отчего сдѣлалась сильнѣйшая боль и такое разъѣденіе, что мнѣ пришлось его мѣсяца четыре лѣчить потомъ. Онъ буквально долженъ былъ слечь въ постель и ужь насилу-насилу поправился. Другой, подобный же случай былъ въ селѣ Костемеревѣ. Привели ко мнѣ изъ Костемерева женщину, у которой была рожа на рукѣ. Оказалось, что ее передъ этимъ возили къ заговорщику, и тотъ ей всю руку буквально растравилъ листовымъ табакомъ. Какъ извѣстно, рожу нужно смазывать прованскимъ масломъ или посыпать мелкимъ порошкомъ изъ мѣлу или пудры для уменьшенія боли и раздраженія. А заговорщики прикладываютъ, вмѣсто того, прямо листовымъ табакомъ. Больная эта на другой же день потомъ умерла.

Кромѣ описанныхъ, мнѣ извѣстенъ еще одинъ очень интересный заговорщикъ изъ смежнаго уѣзда, села Поплевина, который такъ же заговариваетъ и лѣчитъ сибирку. Но заговорщикъ этотъ—хирургъ, онъ вырѣзываетъ сибирку. Отъ него у меня на пунктѣ была одна больная женщина, и что только онъ съ ней натворилъ,—трудно описать. Онъ эту несчастную женщину буквально всю изрѣзалъ и сжегъ такъ называемой царской водкой (смѣсь азотной дымящейся кислоты съ соляной). Царскую водку въ деревнѣ возятъ всё торгаши и продаютъ очень свободно. Съ перваго раза, при видѣ этой боль-

пой, я даже было струсилъ не на шутку. Что это? Черная оспа? Антоновъ огонь? Картина для меня была невиданная и потому не понятная. Больная еле стояла на ногахъ. Она вся буквально была покрыта чёрными пятнами, величиною отъ серебряннаго двугривеннаго до мѣднаго пятачка. Черныя эти пятна имѣли какой то особый, провалившійся видъ. «Что это? Отчего это»? съ изумленіемъ спрашиваю я. Оказалось, что заговорщикъ всю её изрѣзалъ ножемъ и сжегъ какою то ядовитой жидкостью, въ родѣ азотной или сѣрной кислоты. На обѣихъ ногахъ, на обѣихъ грудяхъ, на тѣлѣ, на шеѣ, словомъ по всему туловищу и конечностямъ были разбросаны эти страшныя, черныя пятна. Кромѣ того, какъ кислота текла, такъ все тѣло внизъ отъ мѣста прижиганія, представлялось красными, обожженными линіями. Вѣроятно заговорщикъ жегъ свою жертву совсѣмъ пьяный. Господинъ хирургъ ухитрился даже еще больше. Онъ на груди (in mamma) у больной вырѣзалъ кусокъ мяса, величиною въ пятачекъ, и въ срединѣ его и все это мѣсто сжегъ кислотою. Совсѣмъ то онъ не отрѣзалъ этого куска, а просто глубоко округлилъ его ножемъ и сжегъ, — все это такъ и виситъ. Такіе же висячіе, обожженные куски были и на ногахъ. Больная эта была съ ребенкомъ, она недавно только передъ тѣмъ родила. Кормить грудью она не можетъ, потому что правая грудь вся изранена и сожжена, лѣвая тоже значительно обожжена. Ребенокъ кричитъ, а она и держать то его не можетъ, отдала подержать другимъ. Словомъ ужасная, грустная картина. Волосъ дыбомъ станетъ даже у привычнаго къ такимъ картинамъ! Въ этомъ отношеніи трудно и тяжело быть земскимъ врачемъ. Столичнымъ нашимъ товарищамъ гораздо легче жить и при томъ еще пожинать лавры. А у насъ все одни терніи. Страстей то однихъ сколько напринимаешься! Надо замѣтить, что за свою операцію хирургъ этотъ получилъ съ больной три рубля деньгами и полштофъ водки. Трудно было мнѣ опредѣлить, что была за болѣзнь, съ которой эта несчастная женщина отправилась къ заговорщику, такъ какъ, какъ сказано было выше, она вся была изуродована. Но изъ ея разсказа, что у ней по тѣлу выскакивали все свѣтлые, водяные пузыри, можно было заключить, что, во всякомъ случаѣ, тутъ не было даже и признаковъ сибирской язвы, а просто былъ или пузырчатый лишай (herpes) или же, что всего вѣрнѣе, такъ называемая, пузырчатая сыпь (pemphigus), которая, какъ извѣстно, бываетъ очень часто послѣ родовъ, а то и такъ, безъ видимой причины. Я посовѣтывалъ больной этой лечь въ свою больницу, а потому судьбу ея дальнѣйшую мнѣ прослѣдить не пришлось. Послѣ, я было хотѣлъ преслѣдовать по суду этого заговорщика, да раньше уже горькимъ опытомъ убѣдился, что преслѣдованіе это ни къ чему не приведетъ. Я однажды уже преслѣ-

довалъ было знахарку за отравленіе женщины сулемой, но знахарку эту полиція даже и не разыскала. Потомъ я узналъ случайно, что заговорщика этого Ряжскій земскій врачъ, какъ оказалось, уже преслѣдовалъ судомъ, должно быть за такую же его операцію, но потерпѣлъ фіаско. Это мнѣ передавалъ одинъ мой знакомый, и передавалъ, при томъ, въ такомъ смыслѣ, что вотъ молъ господа врачи не помогаютъ въ сибиркѣ, а простой мужичекъ, въ Поплевинѣ, помогаетъ, и его же преслѣдуютъ эти господа-врачи.

Въ заключеніе о заговорщикахъ, я долженъ еще упомянуть здѣсь о заговорщикахъ собачьяго бѣшенства. Но такихъ заговорщиковъ въ нашемъ раіонѣ очень мало, почти совсѣмъ рѣдкость. Хотя, знаменитый въ этомъ отношеніи, помѣщикъ Левашовъ жилъ и по сосѣдству отъ меня, но теперь, говорятъ, его уже не стало. Секретъ свой, будто бы, кому то онъ передалъ изъ своихъ служащихъ. Можетъ быть, со временемъ мнѣ и удастся узнать этотъ секретъ, но очень жаль, что судьба всѣхъ этихъ секретовъ такова, что они дѣйствуютъ только до тѣхъ поръ, пока не узнали ихъ другіе. Помѣщикъ Левашовъ лѣчилъ отъ бѣшенства, говорятъ, травой, которую ѣла въ полѣ его сбѣсившаяся собака. Въ народѣ есть повѣрье такого рода, что бѣшеная собака сама можетъ найти въ полѣ такую траву, которую съ жадностію будетъ ѣсть и отъ этой травы выздоравливаетъ. Вотъ эту то траву и подмѣтилъ дворовый человѣкъ Левашева, когда её ѣла бѣшеная собака. Баринъ сталъ набирать этой травы, сушилъ её и давалъ её больнымъ ѣсть вмѣстѣ съ хлѣбомъ.

Кромѣ того я зналъ еще въ Данковскомъ уѣздѣ стараго военнаго фельдшера, который тоже лѣчилъ отъ бѣшенства. Онъ тоже зналъ какой то заговоръ отъ бѣшенства и кромѣ того, у людей укушенныхъ бѣшеной собакой, разрѣзалъ мизинецъ лѣвой руки и пускалъ изъ него кровь и этимъ помогалъ, говорятъ.

На самомъ же дѣлѣ трудно вѣрить въ дѣйствительность этихъ заговоровъ отъ водобоязни и такъ называемыхъ, народныхъ средствъ отъ этой странной болѣзни. Средствъ этихъ въ разное время (все секретныхъ, по большей части) было предложено, какъ говоритъ профессоръ Синицынъ (по Тафоли) 938 предметовъ изъ 9 царствъ природы. Всѣ эти средства оказались безполезными. Но какъ же объяснить то обстоятельство, что, по народной молвѣ, наши доморощенные заговорщики и знахари хорошо помогаютъ отъ водобоязни? А дѣло то въ томъ, оказывается, что не всякій человѣкъ, укушенный бѣшеной собакой, непремѣнно ужъ заболѣетъ водобоязнью. Вотъ на этотъ то фактъ въ публикѣ и обращаютъ очень мало вниманія. Въ дѣйствительности же ока-

зывается, что человѣкъ очень мало воспріимчивъ къ яду собачьяго бѣшенства, а потому и не всегда заболѣваетъ водобоязнію, если бы даже укусила его дѣйствительно бѣшеная собака или волкъ. А на дѣлѣ то иногда даже и такъ бываетъ, что укусившая собака была не бѣшеная, да это случается, по моему мнѣнію, гораздо чаще, чѣмъ съ бѣшеной собакой. Но если, предположимъ, собака была и бѣшеная, то вѣдь возможно, что слюна ея не попадетъ въ укушенную ей рану, что часто бываетъ, когда собака кусаетъ чрезъ платье. Бываетъ даже и такъ, что и слюна попадетъ въ ранку, но человѣкъ не заражается ядомъ, потому что есть люди совершенно невоспріимчивые къ тому или другому яду. Такъ одинъ заболѣваетъ, напримѣръ, тифомъ, другой нѣтъ; одинъ получилъ чахотку, другой же и ходитъ за нимъ, но не заражается туберкулёзными бациллами. Кромѣ того, многія язвы болѣе свойственны человѣку и вовсе не свойственны животнымъ, другія наоборотъ. Такъ сифилитическій ядъ болѣе свойственъ человѣку, а къ животнымъ онъ совсѣмъ не прививается. Ядъ же собачьяго бѣшенства, наоборотъ, скорѣе прививается, къ собакѣ или волку, а къ человѣку очень мало. Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ профессоръ Московскаго унив. г. Синицынъ. «Если о воспріимчивости человѣка къ бѣшенству судить по отношенію числа укушенныхъ къ числу заболѣвшихъ, то необходимо сознаться, что воспріимчивость эта не велика. По Гентеру, изъ всего числа укушенныхъ бѣшеной собакой, заболѣваетъ бѣшенствомъ только 5%. Тотъ же % признаетъ и Ленгосекъ. По статистикѣ Фабера, на долю заболѣвшихъ приходится 20%, по Фезергилю же одинъ заболѣвшій на 17 укушенныхъ (т. е. около 7 %)». Относительно волковъ Синицынъ приводитъ двѣ статистики. «По Рено, число укушенныхъ бѣшенымъ волкомъ, къ числу заболѣвшихъ, выражается 33%, а Пепье говоритъ, что одинъ волкъ искусалъ 17 человѣкъ, и 10 изъ нихъ умерли». Выводя изъ этой статистики средній %, получится около 10% заболѣваемости для собакъ, и около 33% для волковъ. Значитъ заговорщикамъ можно успѣшно лѣчить бѣшенство: изъ 100 случаевъ заговорщикъ навѣрное 90 человѣкъ вылѣчитъ, % для него очень хорошій.

Въ настоящее время всѣ наши земства стали посылать укушенныхъ бѣшеной собакой или волкомъ или къ самому Пастёру въ Парижъ или въ отечественныя лѣчебницы для прививки по Пастёру. Это, несомнѣнно, болѣе раціонально, чѣмъ лѣчиться у заговорщиковъ. Хотя, конечно, очень жаль, что и изъ пріѣхавшихъ отъ самого Пастёра многіе укушенные все-таки умираютъ отъ бѣшенства. По крайней мѣрѣ въ газетахъ не разъ приходится читать, что въ такомъ то городѣ умеръ отъ бѣшенства

такой то, ѣздившій къ Пастёру въ Парижъ лѣчиться, и такихъ, къ несчастію, очень много. Современемъ статистика опредѣлитъ, конечно, и у Пастёра извѣстный % смертности. Но теперь пока это быть можетъ, и преждевременно. Еще болѣе жаль, конечно, что отъ бѣшеныхъ волковъ Пастёръ, какъ извѣстно, почти совсѣмъ отказался. Это все надѣлало Бѣльское земство, пославши туда извѣстныхъ Смоленцевъ. По газетамъ я считалъ, что между Смоленцами, ѣздившими къ Пастёру было тоже что-то около 30% смертности. И я еще удивляюсь, какъ эти самые Смоленцы не напугали тамъ всѣхъ Парижанъ своею секретною болѣзнію и своими костюмами. Еще миролюбивы, оказывается, къ намъ русскимъ друзья французы. Ужъ лучше бы, дѣйствительно, не ѣздить Смоленцамъ въ Парижъ, до нихъ тамъ какъ хорошо все обстояло! Лѣчились бы они у своихъ доморощенныхъ заговорщиковъ.

III.

Нѣкоторую противоположность заговорщикамъ крови, описаннымъ въ предыдущей главѣ, составляютъ кровопускатели или рудомёты. Кровопусканіе довольно сильно распространено въ простомъ народѣ. Можно сказать даже и больше: это средство иногда составляетъ излюбленное цѣлебное средство мужика отъ многихъ недуговъ. Самый простой способъ производства кровопусканія въ деревнѣ состоитъ въ такъ называемомъ накидываніи мохотки. Мохотку накидываютъ, въ большинствѣ случаевъ, сухую, но иногда, случается, и кровососную. Операцію эту постоянно продѣлываетъ въ деревнѣ всякая бабка. Но кромѣ накидыванія мохотки, въ деревнѣ часто практикуются и всѣ другіе виды кровопусканія. Такъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ Скопинскаго уѣзда есть субъекты, которые сами разводятъ пьявокъ и сами приставляютъ ихъ больнымъ. Нѣкоторые пускаютъ кровь бритвой или ножемъ изъ венъ руки, а иногда даже и ноги. Но чаще всего кровопусканіе практикуется въ видѣ кровососныхъ банокъ, которыя ставятъ больному на спину или вообще на больное мѣсто, на ногу, на шею и проч.

Кровопусканіе ведетъ свое начало еще изстари. Прежніе старые врачи практиковали его очень часто. Гдѣ нынѣшніе врачи и не думаютъ ставить банки или пускать кровь, тамъ прежде, какъ извѣстно, вездѣ ставили банки, или пускали кровь. Старые врачи вездѣ видѣли дурную кровь и дурную матерію (materia peccans) и потому всюду старались освободить отъ нея человѣка. Я не спорю, что у прежняго человѣка, быть можетъ, было и больше дурной крови, но не правда ли, что вѣдь и нынѣ ея очень много? А тѣмъ не менѣе, нынѣ стало практиковаться не то, что

прежде. Нынѣшніе врачи ставятъ банки очень рѣдко и больше все обходятся, напримѣръ, намазываніа іодомъ; это и гораздо короче и полезнѣе для больнаго. Въ доброе старое время всѣ помѣщики, напримѣръ, кидали себѣ кровь или ставили банки, а нѣкоторые изъ нихъ, говорятъ, даже держали придворныхъ, такъ сказать, рудометовъ, которые выбирались изъ ихъ дворовыхъ людей. Рудомёты эти въ извѣстные, опредѣленные сроки должны были отворять изобильную кровь своему барину. Теперь эти придворные рудомёты, конечно, всѣ уже вывелись изъ обращенія, да и вообще современные помѣщики почти-что перестали заниматься кровопустаніемъ. Въ простомъ же народѣ оно все еще и нынѣ практикуется и хотя не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ прежде, но все же можно сказать практикуются часто. Въ народъ кровопусканіе перешло, по моему, черезъ военныхъ больше фельдшеровъ, какъ и вообще знахарство. Служа въ военной службѣ, фельдшера эти въ прежнее время исключительно почти занимались кровопусканіемъ по рецептамъ своихъ врачей, столь часто прибѣгавшихъ къ кровопусканію во всѣхъ болѣзняхъ. По выходѣ изъ военной службы, фельдшеръ, обыкновенно, поселяется въ своей деревнѣ и все таки не бросаетъ медицину. Но спрашивается, чѣмъ будетъ лѣчить фельдшеръ въ деревнѣ? Лѣкарства у него нѣтъ, а какіе медикаменты онъ принесетъ съ собой изъ службы, тѣ, конечно, сейчасъ же всѣ и разойдутся. По фельдшерскому рецепту аптека городская рѣдко отпуститъ, да въ аптекѣ лѣкарство для мужика и дорого стоитъ, а лѣчить все таки нужно, больныхъ не отгонишь. Вотъ тутъ то и является на помощь машинка для кровососныхъ банокъ, которую фельдшера, обыкновенно, приносятъ съ собой изъ службы, а, за неимѣніемъ машинки, служитъ для этой цѣли простой скальпель или даже бритва. Банками этими фельдшеръ можетъ удовлетворить такую массу паціентовъ и при томъ съ такою видимою для нихъ пользою, что ему и больному его и желать больше нечего. Такимъ образомъ, какой бы больной ни являлся къ фельдшеру, почти всякому онъ ставитъ свои банки или, что рѣдко, производитъ кровопусканіе изъ венъ. Вѣдь банки хорошо помогаютъ и при ушибѣ и при всѣхъ вообще воспаленіяхъ, при ломотѣ, ревматизмѣ, невралгіяхъ и проч. Словомъ, наберется очень большой кругъ болѣзней, гдѣ очень хорошо, а главное скоро помогаютъ банки. А лѣкарство это у фельдшера всегда имѣется подъ рукой и при томъ неистощимое лѣкарство, что̀ для деревни главнѣе всего. Но кромѣ всего этого нужно обратить вниманіе на то обстоятельство, что человѣкъ, однажды поставившій себѣ банки, долженъ черезъ извѣстные промежутки времени непремѣнно продолжать эту операцію; иначе начинаютъ дѣлаться большіе приливы крови, напримѣръ, къ головѣ, спинѣ или къ пояснидѣ, съ чрезвычайно дур-

ными и непріятными при томъ послѣдствіями. Это значитъ еще новая пища для рудомёта. Его паціентъ. значитъ, будетъ не случайный, не временный, а постоянный паціентъ, который безъ кровопусканія потомъ жить не можетъ. Да кромѣ того, всякій мужикъ, однажды по какому либо случаю подвергшійся кровопусканію, помнитъ потомъ очень хорошо, какъ ему тогда помогло это средство; въ другой же разъ оно должно еще больше помочь отъ накопившагося уже излишка крови, и такъ пойдетъ все далѣе и болѣе т. е. кровь и кровь. И дѣйствительно, въ деревнѣ мнѣ приходится встрѣчать массу такихъ больныхъ, которые жалуются, по большей части, на боль головы, и при томъ невыносимую боль, а то на тяжесть и боль въ поясницѣ. Никакія медицинскія средства обыкновенно не помогаютъ въ такихъ случаяхъ. Но спросишь больнаго, ставилъ ли онъ когда либо себѣ банки? Больной, обыкновенно, отвѣчаетъ, что ставилъ банки или бросалъ кровь изъ руки или ноги. Единственное облегченіе больному въ данномъ случаѣ, это мушка къ затылку, или даже, и это въ большей части случаевъ, опять банки на поясницу. Безъ нихъ въ такомъ случаѣ обойтись бываетъ положительно невозможно, потому что страданіе больнаго нестерпимое и ничѣмъ больше не поправимое. Всякій такой больной представляетъ изъ себя хроническое отравленіе банками, если можно такъ выразиться.

Въ настоящее время фельдшера рудомёты ставятъ банки всетаки съ опаской, потому что знаютъ, что кровопусканіе безъ рецепта врача запрещено закономъ, да и самые врачи рѣдко нынѣ стали къ нему прибѣгать, а потому обыкновенно ужь ставятъ банки тайкомъ, чтобы никто незналъ. Но все же, какъ мнѣ передавали, у одного скопинскаго городскаго фельдшера рудомёта иногда бываетъ въ день человѣкъ десять, пятнадцать больныхъ, и всѣмъ онъ ставитъ свои банки.

Отъ фельдшеровъ рудометовъ операція кровопусканія перешла и къ простымъ смертнымъ, и ею прежде всего стали заниматься цирюльники. Я еще недавно видѣлъ въ нашемъ городѣ, на вывѣскѣ у цирюльника, картину кровопусканія изъ руки съ различными внушительными деталями и экспресіей. Кровь изъ руки, какъ нарисовано на вывѣскѣ, бьетъ даже фонтаномъ. Нѣкоторые цирюльники даже занимаются и зубоврачеваніемъ, т. е. дерганіемъ зубовъ. Вообще же нужно бы давно обратить на цирюльниковъ особенное вниманіе; къ тому же инструменты свои они держатъ въ грязномъ, отвратительномъ видѣ. Мнѣ самому раза два приходилось случайно видѣть ихъ инструменты и даже присутствовать на операціи дерганья зубовъ.

Кромѣ этихъ патентованныхъ, такъ сказать, рудометовъ,въ Скопинскомъ уѣздѣ, мнѣ извѣстны еще очень многія личности, которыя занимаются крово-

пусканіемъ. Такъ напримѣръ, я зналъ одного управляющаго имѣніемъ, въ селѣ Серговщинѣ (бывшій дворовый человѣкъ), который всѣмъ своимъ лошадямъ и всѣмъ своимъ служащимъ и посторроннимъ паціентамъ, во множествѣ обращавшимся къ нему, всѣмъ бросалъ изъ руки кровь. Я помню одну истеричную горничную его барыни, которой этотъ самый управляющій (его теперь уже нѣтъ въ живыхъ) пустилъ изъ руки кровь своимъ перочиннымъ ножемъ, и она на другой же день сошла съ ума. Хотя послѣдовательность явленій и нельзя всегда принимать за причинную ихъ связь, но тѣмъ не менѣе послѣдовательность въ данномъ случаѣ была многознаменательная.

Интересно, что кровопусканіемъ въ деревнѣ занимаются иногда простыя деревенскія бабы. Такъ, въ селѣ Богородицкомъ, одна баба ставитъ банки даже безъ машинки, а просто прорѣзаетъ сначала на спинѣ своего паціента ранку своей бритвой, а потомъ и приставляетъ сюда банку. Смѣлая, значитъ, и бѣдовая эта баба.

Пьявки ставитъ здѣсь только одна женщина въ селѣ Черныхъ Курганахъ. Она сама разводитъ піявокъ и ставитъ ихъ всѣмъ безъ исключенія и разбора. Какой бы къ ней мужикъ или баба, ни явился, всѣхъ угощаетъ піявками. Помню, однажды я пріѣхалъ въ село Серговщину на эпидемію скарлатины. Вхожу въ одинъ домъ, лежатъ два больныхъ мальчика въ скарлатинѣ, а третій уже умеръ и лежитъ уже въ переднемъ углѣ. При осмотрѣ дѣтей я замѣтилъ у нихъ подъ горломъ какія то язвы, покрытыя сильно дифтеритическимъ налётомъ. Я спросилъ, отчего это? Оказалось, что была эта женщина изъ Курганъ и приставляла на шею больныхъ дѣтей піявокъ. За бабой этой ѣздили сами родители больныхъ дѣтей, по совѣту мѣстнаго дьячка.

Плата рудометамъ за приставленіе банокъ или піявокъ обыкновенно бываетъ довольно изрядная. Иногда платятъ копѣекъ 10 или и даже 15 за каждую банку или піявку. Вся операція кровопусканія по этому всегда обходится копѣекъ въ 50 или около рубля, потому что рудометы въ большинствѣ случаевъ ставятъ банокъ пять или даже десять за разъ. Имъ чѣмъ больше, тѣмъ выгоднѣе.

IV.

Юродивыхъ народъ очень любитъ, въ особенности, большую склонность къ нимъ имѣютъ бабы. Юродство на землѣ,—счастье на небесахъ, по понятію народному. Юродивый—это Божій человѣкъ. Къ юродивымъ чаще всего возятъ больныхъ съ нервными болѣзнями и психопатовъ, душевно

больныхъ. Болѣе возятъ, напримѣръ, дѣтей съ «молоденской» болѣзнью («молоденская» — родимчикъ, eclampsia), одержимыхъ падучей болѣзнью (epilepsia), «порченыхъ» женщинъ т. е. истеричныхъ (hysteria—порча, по народному), сумасшедшихъ, алкоголиковъ и т. под. По народному возрѣнію во всѣхъ такихъ больныхъ вселяется нечистый духъ, дьяволъ. По этому ихъ и вылѣчить можетъ только Божій человѣкъ, юродивый, святоша. Такъ что, если знахари по преимуществу сифилидологи, т. е. врачи по сифилису, то юдородивыя и угады по преимуществу врачи — нейропатологи, врачи по нервнымъ болѣзнямъ.

Особенной славой изъ всѣхъ юродивыхъ въ нашемъ околодкѣ пользуется, такъ называемая Маша Мухановская. Это дѣвушка лѣтъ сорока или сорока пяти, живетъ она постоянно въ Мухановѣ, деревнѣ Данковскаго уѣзда, въ отдѣльной маленькой избушкѣ. Наружный видъ этой Маши просто ужасный. Руками она постоянно конвульсивно разводитъ, губами и всѣми чертами лица постоянно выдѣлываетъ разныя причудливыя гримасы, всѣмъ корпусомъ какъ то перегибается, при чемъ пальцами рукъ какъ то особенно перебираетъ, глаза морщитъ и заводитъ подъ лобъ. Изо рта у Маши постоянно текутъ слюни, отъ которыхъ у ней всегда мокрый весь подбородокъ, а отсюда внизъ и вся одежда буквально мокрая отъ слюней. Юродство словомъ полное во всѣхъ отношеніяхъ.

Больныхъ у Маши всегда бываетъ много, рѣдкій день бываетъ пять — десять подводъ, а то и больше. Но пѣшковаго народу обыкновенно бываетъ гораздо больше, чѣмъ на подводахъ, потому что главный контингентъ Машиныхъ поклонниковъ, деревенскія бабы въ большинствѣ случаевъ любятъ ходить лѣчиться пѣшкомъ, и при томъ всегда не въ единственномъ числѣ, а почти всегда во множественномъ и рѣдко въ двойственномъ. Картину такого пѣшаго хожденія полѣчиться къ Машѣ всегда можно наблюдать преимущественно весною или лѣтомъ. Иногда бабы эти ходятъ къ Машѣ изъ за какихъ нибудь семейныхъ непріятностей, а то изъ пустяковой какой нибудь болѣзни. Но преимущественно возятъ къ Машѣ больныхъ съ нервными болѣзнями, въ особенности «порченыхъ», съ «молоденской» и пр., какъ и ко всѣмъ юродивымъ. Платы никакой, говорятъ, Маша не беретъ, развѣ, что на свѣчи Но это только такъ говорятъ. На самомъ же дѣлѣ родственники Машины безъ приноса никого къ ней недопускаютъ, каковымъ приносомъ сами и пользуются. Лѣчитъ Маша всѣхъ своихъ паціентовъ однимъ и тѣмъ же лекарствомъ, а именно водой. Это до нѣкоторой степени въ родѣ барона Вревскаго цѣлебная невская вода, которая начала проникать уже и въ нашу пустыню. Я не хочу этимъ сказать, чтобы кто либо изъ помянутыхъ знахарей

т. е. баронъ ли Вревскій или Маша Мухановская заимствовали одинъ у другаго систему своего лѣченія. Нѣтъ. Мнѣ думается напротивъ каждый изъ нихъ добился до своего лѣкарства самостоятельно. Да и чѣмъ же, спрашивается, и лѣчить Машѣ, какъ не водой? Развѣ Маша знаетъ какое либо лѣкарство? Да развѣ наконецъ за лѣкарство то не отвѣтишь передъ начальствомъ? А вода,—это вещь безвредная, всѣмъ людямъ въ потребу. Воду пить всѣмъ дозволяется, а значитъ и лѣчить водой тоже разрѣшается, какъ не содержащею въ своемъ составѣ вредныхъ веществъ. За медикаментами нужно бываетъ ѣхать въ Москву, а этотъ медикаментъ всегда дома, всегда подъ руками. Да и помогаетъ хорошо. Чего же больше? И спросъ хорошій... Воду свою Маша приготовляетъ довольно просто. Беретъ корецъ или чашку воды, пускаетъ туда свой крестикъ, а иногда просто уголёкъ, прочитаетъ молитву, и вода готова. Воду эту можно и пить и умываться ей, примачивать больное мѣсто и проч. и проч. Но главное назначеніе Машиной воды, чтобы Маша сама своей водой умыла больнаго. Умоетъ Маша больнаго, ну, говорятъ, и полегчаетъ. И отъ глазишшу бываетъ полезна, и отъ порчи и чуть не отъ всякой болѣзни. Словомъ, все это лѣченіе такъ просто, но всегда такъ полезно и хорошо для всякаго человѣка.

Интересная юродивая была такъ же въ селѣ Подовечьѣ, Скопинскаго уѣзда Аннушка. Это была дѣвушка лѣтъ тридцати. Аннушка вся была буквально голая, т. е. безъ всякаго платья и покрова. Отъ курной избеной копоти, тѣло у Аннушки было все черное. «Она была черная, какъ шахтёръ», какъ выражаются объ ней ея очевидцы. Аннушку, очевидно, никогда не мыли. Жила юродивая на дворѣ въ особой избушкѣ, маленькой до невозможности и спеціально сдѣланной для нея. Въ этой спеціальной избушкѣ она была привязана на желѣзной цѣпи въ родѣ того, какъ собакъ привязываютъ. Въ стѣнку избушки было вбито желѣзное кольцо съ большою желѣзною цѣпью, и этою цѣлью за поясъ была привязана юродивая. Аннушка въ своей избушкѣ лежала постоянно, говорятъ, на особыхъ палатяхъ, которыя состояли только изъ двухъ дощечекъ. Съ этихъ палатей она никогда не слѣзала, да и не могла слѣзть, такъ онѣ были устроены. На палатяхъ она лежала даже и въ то время, когда курная ея избушка топилась, значитъ, въ страшномъ дыму и копоти. Лѣкарства Аннушка никакого не давала. Она только узнавала, что за болѣзнь у пришедшаго. По представленію народному, она была юродивая и въ тоже время угадъ, потому что лѣкарства никакого не давала. Пришедшему къ ней Анушка всегда говорила всего 2—3 слова и больше ничего, и то еще, когда пристращаютъ её ея родные, а то пожалуй ничего не скажетъ. Въ настоящее время край нашъ лишился этого угада. Аннушка недавно умерла. Изъ угадовъ мнѣ извѣстенъ еще только одинъ мужикъ,

который живетъ гдѣ то около села Богородицкаго, Скопинскаго уѣзда. Къ нему, говорятъ, тоже очень много простаго народу ходитъ. Мужикъ этотъ даже не юродивый, а просто угадъ. Онъ узнаетъ, что за болѣзнь у пришедшаго, угадаетъ, кто произвелъ кражу лошади, угадаетъ жениха невѣсты. Какъ оказывается, всѣмъ больнымъ, приходящимъ къ нему, онъ говоритъ почти одно и тоже. Одному говоритъ,—въ тебѣ простуда, другому—въ тебѣ порча, и больше, кажется, ничего не знаетъ. Славой особой онъ и не пользуется, какъ другіе.

Къ числу юродивыхъ здѣсь еще причисляютъ (или вѣрнѣе онъ самъ себя причисляетъ къ юродивымъ) одного какого то монаха, который, впрочемъ, живетъ не въ монастырѣ, а въ міру, въ своей родной деревнѣ Гороховѣ, Данковскаго уѣзда. Почему монахъ этотъ удалился въ міръ, къ прелести Вааловой, неизвѣстно. Отъ своей семьи онъ живетъ врозь, въ отдѣльной кельѣ, въ которой, говорятъ, много образовъ и стоитъ даже нѣчто въ родѣ аналоя. Человѣкъ Божій больше принимаетъ больныхъ женщинъ и преимущественно съ женскими болѣзнями. Такимъ образомъ онъ больше врачъ-гинекологъ. Про него ходитъ много разсказовъ и все романическаго свойства. Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ можно вывести безошибочное заключеніе, что онъ, по всей вѣроятности, въ своей душѣ страстный донъ-жуанъ. Такъ кромѣ больныхъ женщинъ, къ нему ходятъ еще деревенскія дѣвушки спрашивать про своихъ жениховъ. Монахъ всякую такую паціентку сначала, говорятъ, обласкаетъ и разговорится съ ней, что называется, честь-честью. Тѣмъ временемъ онъ даже поставитъ самоваръ и всегда посадитъ свою паціентку съ собой пить чай, за которымъ идутъ, по всей вѣроятности, душеспасательные разговоры. Говорятъ, очень многія дѣвушки дѣйствительно узнаютъ своего жениха.

V.

Пятую и послѣднюю категорію народныхъ лѣкарей составляютъ колдуны. Я потому ихъ поставилъ вслѣдъ за юродивыми, что колдунъ составляетъ совершенную противоположность юродивому. Какъ юродивый признается въ народѣ человѣкомъ, Божіимъ, такъ, напротивъ того, колдунъ признается человѣкомъ, который знается съ самимъ чёртомъ и отъ него получаетъ своё колдовство; какъ сказано выше, юродивые больше лѣчатъ людей «порченныхъ», т. е. порченныхъ злымъ духомъ. Но духъ то злой дѣйствуетъ на человѣка не прямо, не непосредственно, а черезъ колдуновъ или иногда просто черезъ злыхъ людей. Злому человѣку, а въ особенности колдуну доста-

точно бываетъ иногда посмотрѣть на хорошаго человѣка, чтобы сейчасъ же его сглазить, чтобы съ нимъ что либо случилось неладное. Поэтому злыхъ людей, а въ особенности, колдуновъ нужно стараться какъ ни можно избѣгать и съ ними даже и не встрѣчаться, чтобы не быть ими испорченнымъ, чтобы они не съѣли съ глазу. Но для того, чтобы испортить человѣка, который даже и не встрѣчается съ колдуномъ, послѣдній иногда прибѣгаетъ къ такому средству, что съ нимъ нельзя не встрѣтиться. Колдунъ прикидывается оборотнемъ, т. е. оборачивается напримѣръ бараномъ или лошадью и, въ такомъ видѣ, все таки можетъ встрѣтить свою жертву и испортить, а самъ при этомъ разсыплется, такъ что его и слѣдъ простынетъ.

И такъ по народному понятію, юродивые и колдуны находятся между собой въ постоянной враждѣ, антагонизмѣ. Отсюда вытекаетъ, что и средства лѣченія, какъ юродивыхъ, такъ и у колдуновъ, должны быть несомнѣнно разныя. Такъ какъ юродивые лѣчатъ при помощи имъ близкаго Духа Божія, то они въ свою воду пускаютъ крестикъ, читаютъ надъ ней разныя молитвы, а то и просто помогаютъ однимъ своимъ словомъ, такъ какъ они считаются одаренными отъ Бога особою благодатью. Колдунъ же, напротивъ, лѣчитъ злымъ духомъ, онъ съ чёртомъ знается, а потому всѣмъ своимъ паціентамъ во время своего колдовства велитъ снимать крестъ, и молитвъ, понятно, никакихъ не творитъ. Да и какая ужь тутъ молитва? И паціенты у колдуна встрѣчаются больше такіе, гдѣ нуженъ самъ чёртъ. Такъ напримѣръ, къ нему ходятъ беременныя женщины, съ цѣлію изгнанія плода; влюбленныя женщины ходятъ къ колдуну съ цѣлію приврати т ь къ себѣ предметъ своей любви, когда не встрѣчаютъ въ этомъ предметѣ столь дорогой для нихъ взаимности. Любовь вѣдь тоже есть дьявольское навожденіе на человѣка? По колдунамъ еще ходятъ съ такою болѣзнію, которая, по мнѣнію больнаго, получена имъ отъ самого же колдуна или просто отъ злаго человѣка, такъ какъ, кромѣ юродиваго, только колдунъ можетъ исправить то, что̀ онъ самъ сдѣлалъ. Такъ напримѣръ, колдунъ можетъ вылѣчить того человѣка, котораго испортилъ онъ самъ или другой какой колдунъ; можетъ вылѣчить такого, котораго съѣли съ глазу. Но кромѣ всего этого колдуны признаются въ народѣ одаренными особенною, имъ однимъ только присущею, спеціальною такъ сказать способностію присаживать человѣку килу. Колдунъ же можетъ и согнать килу, т. е. вылѣчить отъ ней. Килой называется въ народѣ опухоль, какая бы то ни было, и гдѣ бы то ни было, на лицѣ ли, на конечности или на тѣлѣ. Слово «кила», происходитъ несомнѣнно, отъ греческаго слова ἡ κήλη, что значитъ, опухоль.

Слово это въ народъ попало, очевидно, изъ медицины, потому что въ медицинѣ это довольно употребительное слово для означенія опухолей, такъ hydrocele, водяная опухоль яичка, sarcocele и проч. Больные съ такой килой идутъ, обыкновенно, лѣчится сначала къ своей бабкѣ-знахаркѣ. Если же та не помогаетъ, то идутъ къ юродивому, т. е. стараются дьявольскую болѣзнь излѣчить Божескимъ лѣкарствомъ. Но потомъ, когда и юродивый не поможетъ, съ килой обращаются къ самому колдуну, чтобы онъ согналъ свое навожденіе. Нѣчто похожее на это продѣлываютъ многіе хроническіе больные. Они сначала идутъ лѣчиться къ обыкновенному врачу-аллопату, потомъ идутъ по монастырямъ, служатъ молебны. Наконецъ, когда ничто уже не помогаетъ, идутъ къ гомеопату, который лѣчитъ подъ своимъ девизомъ,—клинъ клиномъ выбивай (similia similibus curantur) или даже и не лѣчитъ, а просто тоже умныхъ людей морочитъ.

И такъ по колдунамъ ходятъ больные уже послѣ всего, послѣ всѣхъ своихъ напрасныхъ мытарствъ и, обыкновенно, ходятъ не съ охотой. Кому же, правду, хочется знаться съ чертомъ, когда онъ и безъ того такъ страшенъ? По колдунамъ вообще ходятъ больные очень рѣдко и то больше ужь съ неизлѣчимыми болѣзнями, когда больной готовъ лучше идти въ воду, чѣмъ въ могилу.

Въ народѣ есть колдуньи, есть и колдуны, и послѣднихъ едва ли не больше, чѣмъ первыхъ. Но особенной славой изъ всѣхъ колдуновъ здѣсь славился Федотъ, въ селѣ Милославщинѣ, Скопинскаго уѣзда. Его то для примѣра я и опишу здѣсь. Федотъ когда то былъ военнымъ служителемъ при военномъ лазаретѣ. Поэтому онъ, говорятъ, зналъ кое-какія лѣкарства, но больше все таки добрыхъ людей морочилъ, т. е. колдовалъ. Фигура Федота была подходящая для колдуна. Онъ былъ какой то весь сгорбленный и при томъ разбитый параличемъ. По этому онъ совершенно не владѣлъ лѣвою рукой и правой ногой, такъ что постоянно ходилъ съ большимъ костылемъ, который ему удобно было держать здоровой правой рукой. На народъ онъ впрочемъ почти не показывался и въ церковь никогда не ходилъ и даже 16 лѣтъ сряду не пріобщался Св. Таинъ. Послѣднему впрочемъ, можетъ быть много способствовало и то обстоятельство, что въ селѣ Милославщинѣ 12-ть лѣтъ не было священника и исправлялъ должность священникъ изъ села Измаилова, отстоящаго отъ него за 7 верстъ. Плохо въ деревнѣ безъ священника! Спасибо, по новому положенію, церковь опять открыли и прислали опять своего священника. Впрочемъ Федотъ, подъ конецъ своей жизни, передъ самою смертью все же призвалъ священника, исповѣдывался, пріобщился Св. Таинъ и даже, говорятъ, и пособоровался. Громъ не грянетъ,

мужикъ не перекрестится, говоритъ русская пословица. Федотъ былъ очень извѣстный по всей округѣ и, говорятъ, замѣчательный колдунъ. Ему даже и изъ Петербурга писали письма, чтобы онъ прислалъ еще побольше лѣкарства своего для приворота, потому что хотя и хорошо помогаетъ, но мало лѣкарства, не хватаетъ немного. Слава его сложилась больше отъ того, что всякаго пришедшаго къ нему Федотъ заставлялъ снимать крестъ, ибо только подъ этимъ непремѣннымъ условіемъ онъ и могъ колдовать. Во время своего колдовства Федотъ всякую бабу заставлялъ раздѣваться до нага, и при этомъ еще тоже велѣлъ снимать и крестъ. Въ такомъ положеніи, да еще и безъ креста, на бабу понятно нападалъ просто страхъ. Но Федоту это было и нужно, потому что всякая баба при этомъ невольно должна была догадаться, что передъ ней дѣйствительно никто иной, какъ колдунъ взаправду, потому что даже и крестъ велѣлъ снять. Мученицы эти бабы! Да, въ такомъ положеніи, по моему, умрешъ со страху!.. А она еще терпитъ. Но что же дѣлать, когда любовь мучитъ, не даетъ покою? Тутъ ужъ нужно терпѣть по неволѣ.

Хитрый, дѣйствительно, человѣкъ былъ этотъ Федотъ. Какъ оказывается онъ всѣмъ своимъ паціентамъ давалъ одного и того же лѣкарства, а именно наговорной соли. Это простая соль, но наговоренная колдуномъ. Какъ её колдунъ тамъ наговаривалъ, читалъ что ли чего надъ своей солью, ничего конечно неизвѣстно никому изъ смертныхъ, потому что колдуны при жизни никому не открываютъ своего секрета, а только передъ смертію передаютъ иногда этотъ секретъ, но рѣдко кто принимаетъ отъ нихъ такую страшную вещь, какъ колдовство. Но вѣроятнѣе всего, Федотъ просто шепталъ чего либо надъ своей солью и больше ничего не дѣлалъ; въ него и такъ вѣрили хорошо. Федотъ былъ всегда правъ. За соль передъ начальствомъ отвѣчать никогда не придется. Эта вещь всѣмъ доступная и сподручная. Такимъ образомъ, оказывается, все равно, что Маша Мухановская и баронъ Вревскій лѣчатъ водой, Кузьмичъ, извѣстный самарскій знахарь, лѣчилъ сѣномъ, а Федотъ лѣчилъ просто солью. Все это вещи позволительныя, какъ позволительно можетъ быть, и обманывать дураковъ. Да Федотъ, говорятъ, такъ даже и выражался всегда, что на его вѣкъ дураковъ хватитъ. И взаправду хватало.

Въ сосѣднемъ имѣніи Курбатовѣ кучеръ былъ не въ ладахъ съ управляющимъ. Однажды, когда управляющій уѣхалъ на родину, кучеръ отправляется къ Федоту съ просьбой приворотить къ нему управляющаго. Надо замѣтить, что управляющій этотъ былъ вполнѣ интеллигентный человѣкъ. Федотъ даетъ кучеру своей колдовской соли и велитъ ею посыпать постель упра-

вляющаго. Жена кучера была прачкой въ имѣніи и вотъ она, подъ предлогомъ, перемѣны бѣлья на постели, всю эту постель и посыпала Федотовой солью. Когда хозяинъ пріѣхалъ, то его тотчасъ же предупредили, чтобы онъ не ложился на постель въ виду того, что она наколдована. Тотъ, конечно, не посмотрѣлъ на предупрежденіе, стряхнулъ съ постели соль и преспокойно легъ спать. На утро онъ уволилъ своего кучера. Тогда кучеръ отправился опять къ Федоту, и говоритъ ему, что его уволили. Колдунъ и на этотъ разъ завертываетъ въ тряпочку той же своей соли,—Федота не проведешь, опять соли,—и говоритъ кучеру: «вотъ тебѣ еще, поѣзжай теперь въ Петербургъ, прямо къ барину, завтра же здѣсь будешь». Кучеру и безъ этого приходилось ѣхать въ Петербургъ, потому что онъ самъ былъ Петербургскій житель. Волей неволей туда поѣхалъ, но, понятно, до сихъ поръ не возвращался. Между тѣмъ приворотъ этотъ не дешево обошелся кучеру. Федоту подарили ситцевую рубашку, дали три рубля денегъ, коровьяго масла и проч. Про водку я ужь не говорю, потому что безъ водки колдунъ никого не принималъ. Любопытный фактъ передаютъ такъ же и Федотовой ветеринарной практики. Въ деревнѣ нельзя быть врачемъ одной какой либо спеціальности, а нужно даже всегда быть врачемъ и ветеринаромъ вмѣстѣ. Такъ, я прежде отказывалъ приходившимъ ко мнѣ за какимъ либо лѣкарствомъ для лошади или коровы. Но теперь всегда даю такого лѣкарства. Да и какъ отказать мужику въ надобномъ лѣкарствѣ? Обыкновенно въ Петербургѣ или въ Москвѣ, знаменитые при томъ, ветеринары лѣчатъ больше все собакъ. А въ деревнѣ? Въ деревнѣ ветеринаровъ совсѣмъ нѣтъ, ихъ здѣсь замѣняютъ коновалы да кузнецы. Про лѣченіе же собакъ здѣсь и помину нѣтъ. Въ лѣченіи здѣсь дѣйствительно больше нуждаются лошади и коровы. А знаете ли, что такое для мужика лошадь или корова? Мужикъ ихъ иногда цѣнитъ чуть не дороже своей бабы. Да и дѣйствительно бабу можно мужику взять не одну, а и другую и даже третью дадутъ. А лошадь или корову? гдѣ её взять бѣдному мужику, да еще другую, если настоящая околѣетъ? Какъ тутъ отказать въ лѣкарствѣ? Помню, мужикъ изъ села Покровскаго привелъ ко мнѣ лошадь. Она у него одна и есть, и та, почитай что жеребенокъ. Лошадь эта въ катухѣ весь себѣ лобъ распорола до кости. Работать не на чѣмъ, заработки, мужикъ плачетъ. Я велѣлъ повалить лошадь, зашилъ ей лобъ и свинцовки далъ. Послѣ мужикъ какъ меня благодарилъ за это. Или, баба изъ Серговщины проситъ лѣкарства для своей коровы, которая на колъ распорола себѣ вымя. Баба вся въ слезахъ, дѣти малыя. Ну какъ тутъ не дать какой нибудь карболовой или свинцовой примочки? Вотъ, говорю, Федота призвалъ на ветеринарную практику одинъ здѣшній

купецъ-арендаторъ. У купца падали лошади отъ какого то затяжнаго мыта. Вѣрнѣе же всего на лошадяхъ былъ не мытъ, а настоящій сапъ. Кромѣ того лошади дохли еще и отъ безкормицы, потому что дѣло было въ одинъ изъ недавнихъ голодныхъ годовъ, бывшихъ въ нашей мѣстности. Сначала лѣчили лошадей сами, призывали потомъ коноваловъ, кузнецовъ. Ничто не помогаетъ. Тогда ужъ привезли Федота. «Что? Какъ по твоему»?—спрашиваютъ колдуна. «Да у васъ на скотномъ дворѣ камень зарытъ; у васъ надъ лошадьми сдѣлано». Отвѣчаетъ колдунъ. Купецъ заставляетъ искать наколдованный камень. Весь скотный дворъ изрыли. Но гдѣ камень тамъ найти? Дѣло было зимой, когда скотный дворъ бываетъ полонъ навоза. Лошади между тѣмъ все дохли. Колдунъ живетъ въ имѣніи и пьянствуетъ. «Погоди, говоритъ затѣмъ колдунъ, я теперь сдѣлаю штуку». Беретъ какую-то вещь и начинаетъ наговаривать. Нѣтъ, что-то не выходитъ... «Давай крестъ»! обращается колдунъ къ купцу. «Я», разсказывалъ самъ послѣ того купецъ, «тутъ и струсилъ, но креста не далъ». Да и какъ снять съ себя крестъ? Вотъ если съ другаго кого крестъ снять, это дѣло иное. «Снимай ты, староста»! спрашиваетъ колдунъ, но и староста креста не снялъ. Тогда Федотъ долженъ былъ безъ этого условія творить свое колдовство. И что же? Падежъ все продолжался, лошадей двадцать у купца пало, тѣмъ и дѣло кончилось. Видно нельзя было такъ съ крестомъ колдовать. Послѣ того купецъ этотъ служилъ все молебны и каялся въ своемъ грѣхѣ, что съ чёртомъ было спознался. Между купцами мало окаянныхъ, а всё раскаянные. Ветеринарная практика эта все-таки дала, говорятъ, колдуну всего-то рублей около тридцати.

Въ заключеніе всего, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что знахарство имѣетъ своею почвой крайнюю неразвитость и невѣжество простаго народа. Безъ устраненія этой главной причины наврядъ ли помогутъ даже радикальныя мѣры къ устраненію вреда, происходящаго отъ нашего знахарства.

Поэтому первой, самой главной мѣрой къ искорененію въ народѣ знахарства, по моему мнѣнію, должна быть сельская народная школа и прежде всего, конечно, церковно-приходская, а не земская, сшитая на скорую нитку. Въ необходимости сельской школы можно воочію убѣдиться всякому. Достаточно для этого только въ глубокую, скучную осень проѣхаться по селу, гдѣ нѣтъ школы и хорошенько присмотрѣться, чѣмъ занимаются крестьянскіе дѣти въ это свободное для нихъ время. Единственное ихъ занятіе, какъ оказывается, въ это время—игра въ шары, да игра въ шашки, а зимой начали развиваться и карты. Само собой

разумѣется, что гораздо бы лучше и полезнѣе для нихъ было бы,— посѣщать въ это время школу и вмѣсто пустаго гонянія шаровъ по деревнѣ, научиться хоть сколько нибудь Закону Божію, не говоря ужъ про законы человѣческіе, а такъ же равно и—грамотѣ и письму. По праздникамъ же лучшее дѣло для дѣтей было бы—посѣщать Храмъ Божій и въ немъ читать и пѣть на клиросѣ. Все бы поменьше было вѣры въ разныхъ колдуновъ, да юродивыхъ, да заговорщиковъ. Въ пустую же голову вѣдь лѣзетъ страшная галиматья,—лѣшіе да домовые да колдуны да бѣсы разные. Ученье свѣтъ, а неученье тьма, говоритъ сама русская пословица.

Второю мѣрой для устраненія знахарства было бы, по моему мнѣнію, развитіе сельской земской медицины. Хотя въ послѣднее время земская медицина идетъ впередъ и большими шагами, но все-таки какъ то она ютится больше по городамъ, гдѣ и такъ всегда много врачей, да городъ и самъ въ состояніи содержать своего врача и свою больницу. Кромѣ того слѣдовало бы правительству обязать всѣ наши земства закономъ, — содержать, напримѣръ, на 25 тысячъ жителей обоего пола — одного врача и больничку хоть на 10 кроватей. Вѣдь обязываютъ же, напримѣръ, фабрику, на 100 человѣкъ рабочихъ имѣть врача и одну больничную койку. Пространства у насъ все большія, постоянные по этому разъѣзды, на которые врачъ много теряетъ времени и здоровья, народонаселеніе громадное. Одинъ врачъ и не можетъ справиться съ дѣломъ. На это скажутъ конечно, что у земства нѣтъ средствъ. Но въ этомъ сейчасъ же можно разувѣриться если посмотрѣть попристальнѣе, какъ на сельскомъ сходѣ мужики изыскиваютъ общественныя деньги себѣ на водку, или какія деньги частный человѣкъ платитъ знахарю, чтобы вылѣчиться напримѣръ отъ сифилиса. При пристальномъ взглядѣ окажется, что недостатокъ средствъ—это пустая отговорка и нежеланіе заняться дѣломъ.

Третьей, наконецъ, мѣрой къ искорененію вреднаго вліянія на народъ нашего знахарства должны служить конечно и полицейскія мѣропріятія. Но такъ какъ знахарство укоренилось уже въ народѣ, сдѣлалось его свычаемъ и обычаемъ, взошло въ его, что называется, плоть и кровь, то конечно трудно его оттуда выгнать одними полицейскими мѣропріятіями. Хотя все-таки попугать знахарей и не мѣшаетъ... Все, хоть сколько нибудь, бояться будутъ.

Земскій Врачъ *Николай Рудинскій.*

Сельцо Арцибашево Скоп. у.
17-е марта 1891.

Замѣтки по сравнительному изученію народно-эпическаго стиля.

О повтореніяхъ въ народномъ эпосѣ.

I. Два типа «повтореній» въ старофранцузскихъ chansons de geste.

Вопросъ о повтореніяхъ въ народномъ эпосѣ разбирался спеціально только по отношенію къ старофранцузскимъ chansons de geste [1]), но тутъ онъ разросся въ почтенную литературу, которая [2]) противорѣчащими другъ другу взглядами, высказанными въ ней, доказываетъ, насколько онъ долженъ быть принятъ во вниманіе и въ разсчетъ при всякомъ изслѣдованіи объ эпосѣ, и что эта пѣсенная особенность коренится отнюдь не въ кремнеземѣ позднѣйшихъ наслоеній, но въ самихъ нѣдрахъ народнаго творчества. Вѣдь недаромъ Моненъ (Monin) и его послѣдователи на основаніи повтореній думали примѣнить къ chanson de Roland теорію пѣсенъ, построенную Вольфомъ по отношенію къ Иліадѣ и Одиссеѣ, недаромъ и Форіэль, Штейнталь и Пол. Парисъ усматривали въ нихъ самостоятельные пересказы одного и того же событія. Но эти мнѣнія отступили на задній планъ, вытѣсненныя признаніемъ этихъ повтореній за особый эпическій пріемъ, признаніемъ, къ которому примкнули всѣ теперь занимающіеся этимъ предметомъ ученые, и которое Гастонъ Парисъ выразилъ словами: il (le poëte) tourne et retourne son idée et, pour arriver à la rendre complétement, l'exprime de plusieurs manières» [3]). Въ томъ же духѣ высказался и проф. А. Н. Веселовскій: «Нѣкоторыя сцены, образы до такой степени возбуждаютъ поэтическое вниманіе, такъ захватываютъ духъ, что отъ нихъ не оторвать глаза и памяти, какъ бы не было впечатлѣніе бо-

---

[1]) Отдѣльныя указанія можно найти въ книжкѣ Heinzel'a: Ueber den Stil der altgermanischen Poesie (Quell. & Forsch. X т.) 1875 г., гдѣ повторенія разсматриваются подъ заглавіемъ Variation der Aussage, и у Noreen'a въ его Spridda Studier 1895 (глава: Om tavtologi, стр. 52 слѣд.).

[2]) Изложена въ диссертаціи Dietrich'a: Über die Wiederholungen in den altfranzösischen chansons de geste, 1881 г.

[3]) Histoire poétique de Charlemagne, стр. 24.

лѣзненно, томительно, и можетъ быть потому именно, что оно томительно, что оно щемитъ душу, имъ не насытиться за разъ. Веселые моменты жизни переживаются быстрѣе. Встрѣтивъ образъ изнеможеннаго Роланда, трубящаго надрываясь на вѣсть своимъ [1]), современный поэтъ схватилъ бы его быть можетъ цѣликомъ, исчерпалъ бы въ одинъ присѣстъ присущее ему либо связанное съ нимъ поэтическое содержаніе. Народная поэзія и поэзія, стоящая подъ ея вліяніемъ, ближе воспроизводитъ дѣйствительный процессъ психическаго акта. Въ каждомъ комплексѣ воспоминаній, преимущественно патетическихъ, есть одно, почему бы то ни было становящееся поверхъ другихъ, какъ бы ихъ покрывающее, дающее тонъ всему. Воспоминанія тянутся вереницей, возбуждая различныя ассоціаціи, разбѣгаясь за ними въ сторону и снова возвращаются къ основной нотѣ и образу: обезсиленный Роландъ еще трубитъ» [2]).

Провѣримъ это опредѣленіе на примѣрахъ изъ той же пѣсни о Роландѣ [3]).

«Роландъ объятъ смертнымъ холодомъ и голова его склонилась на грудь. Онъ спѣшитъ къ соснѣ и ложится ницъ въ тѣни подъ нею на травѣ зеленой; рядомъ кладетъ онъ свой мечъ и рогъ. Лицо онъ обращаетъ къ врагамъ для того, чтобы Карлъ и весь народъ сказалъ: «Вотъ храбрый воинъ! онъ погибъ сражаясь!»—Онъ кается въ грѣхахъ, молясь усердно и простираетъ руку къ небу».

Повтореніе въ двухъ стихахъ резюмируетъ то, что, главнымъ образомъ, въ девяти стихахъ, повѣствуется въ первомъ разсказѣ,—но зато развиваетъ и дополняетъ то, что вкратцѣ указано въ послѣднихъ двухъ стихахъ перваго отрывка: «Роландъ чувствуетъ, что смерть его близка, и лежа на холмѣ, который глядитъ въ Испанію, ударяетъ себѣ рукою въ грудь: «Боже! прости ради Твоей славы мои грѣхи и прегрѣшенья, которыя я свершилъ со дня рожденія доднесь, когда моя кончина близка». — Онъ простираетъ правую руку къ Богу, и ангелы съ неба спускаются къ нему».—Слѣдуетъ еще повтореніе, но уже въ приведенныхъ отрывкахъ содержится все, намѣчены всѣ черты, хотя не вполнѣ разъяснены.—«Графъ Роландъ лежитъ, простершись подъ сосной; свое лицо онъ обратилъ къ Испаніи. Онъ вспоминаетъ о многихъ вещахъ: о всѣхъ земляхъ, которыя онъ завоевалъ, о милой Франціи, о своихъ родныхъ и о Карлѣ, своемъ владыкѣ, который воспиталъ его. Онъ не удерживается отъ слезъ и вздоховъ, но не забываетъ при этомъ и своей

[1]) Соотвѣтствующее описаніе изъ пѣсни о Роландѣ приводится ниже.

[2]) Новыя изслѣдованія о французскомъ эпосѣ (Журн. Мин. Нар. Просв., CCXXXVIII, стр. 249.

[3]) По изданію Готье, стихъ 2355 слѣд.

участи и, каясь, молится Богу: «Всеправедный Отецъ! Ты никогда не измѣняешь Себѣ, святаго Лазаря Ты воскресилъ отъ смерти и Даніила защитилъ отъ львовъ, избавь мою душу отъ всѣхъ мукъ и спаси отъ грѣховъ, которые я совершилъ въ своей жизни». Онъ простираетъ правую руку къ Богу, и св. Гавріилъ принимаетъ ее. Голова его склонилась на руку. Сложивши на крестъ руки, онъ скончался. Богъ послалъ къ нему ангеловъ-херувимовъ св. Рафаила, св. Михаила, и вмѣстѣ съ ними спустился и св. Гавріилъ. Они приняли въ рай душу Роланда».—Примѣръ этотъ прекрасно оправдываетъ опредѣленія Париса; но я выбираю другой [1]).

«Роландъ поднялъ свой рогъ къ устамъ, прижалъ къ губамъ и дохнулъ всей грудью. Раздался звукъ въ высокихъ горахъ, и откликъ пронесся въ даль на 30 миль. Карлъ и все войско услышало его, и король сказалъ: «Наши вступили въ бой». Но Ганелонъ ему отвѣтилъ: «Когда-бы не ты, а кто другой сказалъ это, то съ нимъ-бы поступили, какъ подобаетъ со лжецомъ».—Графъ Роландъ съ усиліемъ и въ изнеможеніи, такъ жалобно трубитъ въ свой рогъ. Алая кровь струится изъ гортани и на головѣ виски прорвались отъ напряженія. Но изъ рога звонко льется зовъ. Карлъ слышитъ его, пробираясь черезъ ущелья, герцогъ Неймскій слышитъ, и всѣ Французы внемлютъ. И король говоритъ: «Чу! рогъ Роланда! Никогда-бы онъ не затрубилъ, еслибы не было битвы». Ганелонъ отвѣчаетъ: «Никакой нѣтъ битвы. Вы стары больно, весь посѣдѣли и болтаете безсмыслицу, какъ ребенокъ. Роландъ достаточно извѣстенъ своимъ чрезмѣрнымъ духомъ, и диво, что Господь все терпитъ его... Изъ-за зайца онъ будетъ Вамъ трубить, хоть цѣлый день. Навѣрно онъ тѣшится со своими воинами. На свѣтѣ и нѣтъ человѣка, который бы отважился вступить съ нимъ въ бой. Такъ двинемся! Что-же мы остановились? Великая страна еще далеко впереди».—Согласно съ опредѣленіемъ Париса и съ аналогіей съ первымъ примѣромъ мы ожидаемъ повторительный разсказъ съ прибавленіемъ новыхъ чертъ, новыхъ подробностей.—«У Роланда губы въ крови, и на головѣ виски прорвались отъ напряженія. Рогъ звучитъ жалобно и слабо. Карлъ слышитъ его и всѣ Французы внемлютъ, и король говоритъ: «У рога долгій вздохъ!» Герцогъ Неймскій отвѣтилъ: «Роландъ находится въ опасности; тамъ завязался бой, клянусь моей совѣстью. Кто-нибудь предалъ его, а именно тотъ, который Васъ уговаривалъ. Къ оружію! пусть раздаются крики и спѣшите на помощь Вашему родственнику. Уже вдоволь Вы наслушаетесь жалобы Роланда». Императоръ велѣлъ трубить въ рога и Французы спускаются...»

---

[1]) Стихъ 1753 слѣд.

Карлъ слышитъ звукъ рога, но его опасенія опровергаетъ Ганелонъ въ первыхъ двухъ повтореніяхъ; въ третьемъ вопреки всѣмъ ожиданіямъ выступаетъ герцогъ Неймскій, и его слова придаютъ разсказу другой исходъ. Насъ поражаетъ то, что третье повтореніе занимаетъ не только самостоятельное, но даже противоположное мѣсто по отношенію къ двумъ предъидущимъ. Посредствомъ ихъ пѣвецъ хочетъ внушить слушателю: не ждите помощи для Роланда отъ Карла; съ нимъ вѣдь измѣнникъ Ганелонъ, который постарается отвратить вниманіе и подозрѣніе императора. Длинная рѣчь Ганелона вполнѣ убѣждаетъ слушателя; но слѣдуетъ еще повтореніе, и дѣйствіе принимаетъ другой оборотъ.

Я приведу еще примѣръ [1]): Роландъ, видя, что воины его погибаютъ, хочетъ трубить въ свой рогъ, чтобы Карлъ его услышалъ и воротился, но Оливье удерживаетъ его словами, что это было-бы большимъ позоромъ, что его родителямъ пришлось-бы за это краснѣть, и что онъ-бы обезчестилъ ихъ на всю жизнь и пр. Когда Роландъ вторично заявляетъ о своемъ намѣреніи трубить въ рогъ, Оливье ему возражаетъ, что теперь это было-бы трусостью: «когда я Вамъ совѣтывалъ это сдѣлать, другъ, то Вы не соблаговолили; если-бы императоръ былъ здѣсь, мы бы не подверглись такой потерѣ». И въ третій разъ еще Оливье развиваетъ эту мысль: «мы могли-бы выиграть эту битву, взять въ плѣнъ и убить короля Марсиля, но Ваша отвага погубила столько французовъ и насъ самихъ и обезславила Францію».—Тогда подъѣзжаетъ архіепископъ и начинаетъ ихъ уговаривать, чтобы они перестали спорить, и чтобъ Роландъ затрубилъ въ рогъ; «быть можетъ, Карлъ его всетаки услышитъ; онъ отмститъ за нихъ, и язычники по крайней мѣрѣ не уйдутъ, ликуя; французы найдутъ наши трупы, поплачутъ надъ ними и зароютъ ихъ въ освященную землю и не разорвутъ ихъ собаки, кабаны и волки».—Съ приведеннымъ повтореніемъ весьма сходно и то мѣсто, гдѣ Оливье въ началѣ битвы совѣтуетъ Роланду трубить, а послѣдній самонадѣянно отказывается (стихъ 1053 слѣд.), но оно менѣе характерно потому, что споръ ихъ ни къ чему не ведетъ. Однако и здѣсь троекратная просьба Оливье и непоколебимый отвѣтъ Роланда «производитъ болѣе сильное и болѣе величественное впечатлѣніе, чѣмъ сдѣлало-бы простое предложеніе» [2]).—Въ послѣднихъ примѣрахъ каждое повтореніе имѣло свой собственный raison d'être. Онѣ не составляли одно цѣлое описаніе, въ которомъ первые пересказы подготовляли-бы послѣдующіе. Часто третье повтореніе противоставлялось двумъ

---

[1]) Стихъ 1702 слѣд.

[2]) Nyrop. Den oldfranske Heltedistning, стр. 27.

первымъ, какъ содержащее нѣчто совсѣмъ новое, неожиданно подвинувшее дѣйствіе впередъ. Слѣдовательно, объясненіе Париса не пригодно ко всѣмъ повтореніямъ, а изъ приведенныхъ только къ первому, къ описанію смерти Роланда.

Но я перехожу къ болѣе грубому, зато и болѣе наглядному примѣру изъ Renaut de Montauban [1]): Карлъ хочетъ повѣсить плѣннаго Ричарда и за исполненіемъ этого приговора обращается къ рыцарю Beranger de Wales, взывая къ его чувству долга какъ вассала, надѣленнаго многими ленными владѣніями. Но Beranger наотрѣзъ отказываетъ императору въ этой просьбѣ, говоря: «Да будетъ проклятъ тотъ, кто позорнымъ образомъ вздумаетъ удержать свои имѣнія». — Тогда Карлъ поочередно проситъ Ydelon'a, Ogier'a, Turpin'a и еще пять другихъ рыцарей съ немногими измѣненіями въ рѣчи; каждый разъ онъ получаетъ тотъ-же отвѣтъ, и каждый разъ Карлъ восклицаетъ: «Негодяй! Богъ тебя накажетъ! Но Ричардъ будетъ повѣшенъ, клянусь моей бородой!» — пока, наконецъ, одинъ не принимаетъ на себя это гнусное порученіе.—Одинаково въ chanson de Roland, когда нужно отправить посла къ королю Марсилю, сперва предлагаетъ себя герцогъ Неймскій, потомъ Роландъ и Турпинъ, но напрасно; порученіе возлагается на Ганелона (стихъ 244 слѣд.).

Пѣвецъ безъ разныхъ колебаній выразилъ то, что хотѣлъ. Въ первомъ случаѣ пѣвецъ хотѣлъ описать смерть Роланда, но вслѣдствіе своего «tourne et retourne» получились три повторенія; во второмъ, пѣвецъ хотѣлъ сказать, что Карлъ напрасно обращался къ Beranger'y, Ydelon'y, Ogier'y, Turpin'y и пяти другимъ рыцарямъ, повѣствованіе о чемъ и ведется безъ остановокъ, безъ повтореній. Въ одномъ случаѣ повторяется описаніе, въ другомъ само дѣйствіе. Правда, то и другое въ концѣ концовъ зависитъ отъ воли пѣвца, но первое касается изложенія, второе—дѣйствія. Понятно, что Роландъ и въ дѣйствительности могъ трубить три раза, и, вѣроятно, сдѣлалъ-бы это, понятно также, что Карлъ послѣ отказа, полученнаго отъ перваго рыцаря, обращается къ другому и т. д., но немыслимо, чтобы Роландъ умиралъ трижды. Значитъ, мы имѣемъ повторенія двоякаго рода, которыя слѣдуетъ отличать другъ отъ друга: геминацію дѣйствія и параллелизмъ выраженія.

Геминація дѣйствія искони свойственна народному творчеству и особенно часто примѣняется къ сказкѣ [2]).—Ганелонъ передаетъ королю Марсилю по-

[1]) По Tobler'y. Uber das volkstümliche Epos der Franzosen (Zeitschr. für Völkerpsych. & Sprachwiss. т. IV).

[2]) Ср. проф. Зѣлинскій: Die Märchenkomödie in Athen.

сланіе Карла, которое вызываетъ всеобщее негодованіе; когда всѣ успокоиваются, Ганелонъ повторяетъ свое посланіе (ст. 425 слѣд.). Что-же другое, какъ не послѣдовательная геминація,—разговоръ Марсиля и Ганелона, начиная съ 520 стиха. Весьма интересно, какъ Кечаріенъ приноситъ Балигану вѣсть о Ронсевальскомъ побоищѣ: въ первомъ сообщеніи онъ главнымъ образомъ останавливается на гибели французовъ, во второмъ выдвигаетъ опасное положеніе сарациновъ (ст. 2765 слѣд.). Но подобныя геминаціи еще не были бы повтореніями въ обычномъ смыслѣ, если-бы къ нимъ не присоединялась другая особенность народно-эпическаго стиля: однообразіе оборотовъ и употребленіе сплошь и рядомъ однихъ и тѣхъ-же излюбленныхъ стиховъ. Если современный поэтъ будетъ описывать равныя ситуаціи, то онъ постарается каждой придать особую окраску. Сравните также описаніе въ chanson de Roland (ст. 860 слѣд.), какъ сарацинскіе герои собираются около племянника Марсиля, чтобы сообща напасть на Роланда: братъ Марсиля Fausseron, злонравный Corsablin, славный и отважный de Balaquer, преслѣдователь христіанъ Turgis, кавалеръ-волокита Margaris, длинноку‍дрый Chernuble изъ безплодной земли демоновъ и др.—Но обыкновенно народъ не стремится разнообразить отдѣльныя части геминаціи; каждый разъ приводятся одни и тѣ-же стихи, иногда кое-что прибавляется и измѣняется, но въ общемъ получается впечатлѣніе обычнаго повторенія. На самомъ-же дѣлѣ слито два рода повторенія, во первыхъ, повтореніе самаго дѣйствія, во вторыхъ, каждый разъ повторяется описаніе этого дѣйствія. Понятно, и я указалъ на это, геминація возможна и безъ втораго повторенія; но народное творчество рѣдко заботится о томъ, чтобы разнообразить описанія. Если-же повторяется описаніе такого дѣйствія, которое въ дѣйствительности не могло повториться, какъ напр. смерть Роланда, то вмѣсто геминаціи дѣйствія получается параллелизмъ выраженія.

Разбирая библію съ эстетической точки зрѣнія, Гердеръ [1]) впервые отстаивалъ значеніе параллелизма, говоря, напр., что въ притчахъ Соломона какъ-будто отецъ наставляетъ своего сына и мать повторяетъ его совѣтъ, или указывая на то, что противоположности неба и земли дали поводъ къ сопоставленію безконечнаго съ ничтожнымъ, прекраснаго съ подлымъ; тамъ блещутъ вѣчныя звѣзды, тамъ растилается чистая синева; на землѣ-же вездѣ перемѣна, прахъ и разложеніе.—Слѣдъ подобнаго сопоставленія можно усмотрѣть пожалуй и въ слѣдующей строфѣ изъ пѣсни о Роландѣ (ст. 1830 слѣд.): «Высоки горы и мрачны и велики, долы глубоки и быстры потоки!

[1]) Vom Geist der ebräischen Poesie, 1782 г.

Спереди, сзади раздаются трубы, отвѣчая рогу Роланда. Императоръ разъѣзжаетъ разгнѣванный, а французы въ смятеніи и въ горести»...

Чѣмъ воспріимчивѣе художественное чутье народа, тѣмъ тщательнѣе сглаживается характеристическая особенность каждаго пріема, потому что намѣренный эффектъ оскорбляетъ эстетическое чувство, и приходится скрывать его. Такъ какъ и параллелизмъ и геминація — повторенія, хотя различнаго рода, то при подобномъ сглаживаніи особыхъ примѣтъ, они должны были сблизиться. Параллелизмъ становится драматичнѣе, будетъ избѣгать прямаго повторенія сказаннаго и излагать подробности описываемаго факта въ извѣстномъ порядкѣ. Въ художественной геминаціи возможная единичность дѣйствія не явствуетъ непосредственно. Французскій эпосъ достигъ высокой ступени развитія, и что-же?—Въ немъ различіе между обоими родами повтореній не было замѣчено большимъ числомъ ученыхъ, обращавшихъ свое вниманіе какъ разъ на этотъ вопросъ.

II. Геминація дѣйствія и параллелизмъ выраженій въ финскомъ эпосѣ.

Я желалъ-бы иллюстрировать оба рода повтореній на финскомъ эпосѣ, гдѣ онѣ получили крайне одностороннее и необычайно широкое примѣненіе. Можно сказать, что финскій народъ не производилъ отдѣльныхъ стиховъ, а все попарно, или другими словами, что мы имѣемъ собственно двѣ скрепивающіяся версіи Калевалы. Это объясняется тѣмъ, что пѣлъ не одинъ пѣвецъ, а двое, причемъ одинъ говорилъ первый стихъ, а другой, парафразируя эту-же мысль, возражалъ ему вторымъ. Вотъ что Ленруту разсказывалъ 80-лѣтній Архиппа, знаменитѣйшій пѣвецъ рунъ въ Вуокиніеми: «Когда мы въ рыболовное время отдыхали на берегу Лапукки у костра, вотъ бы Вамъ слѣдовало быть тамъ! У насъ былъ наемникъ изъ Лапукки, также хорошій пѣвецъ, но всетаки не ровня моему отцу. Всю ночь на пролетъ они пѣли у огня, рука объ руку, и никогда не повторялась одна и та-же руна. Я тогда былъ мальчикомъ и слушалъ...».—Въ началѣ Калевалы Ленрутъ помѣстилъ приглашеніе одного пѣвца къ другому подсѣсть и начать съ нимъ руну:

Золотой мой другъ и братецъ,
Дорогой товарищъ дѣтства!
Мы споемъ съ тобою вмѣстѣ,
Мы съ тобой промолвимъ слово.

Наконецъ мы увидались,
Съ двухъ сторонъ теперь сошлися,
Рѣдко мы бываемъ вмѣстѣ,
Рѣдко ходимъ мы другъ къ другу,

На пространствѣ этомъ бѣдномъ,
Въ краѣ Сѣвера убогомъ.
Такъ давай свои мнѣ руки,
Пальцы наши вмѣстѣ сложимъ,
Пѣсни славныя споемъ мы
И начнемъ мы съ лучшихъ пѣсенъ [1]).

Этотъ способъ пѣнія былъ, кажется, болѣе древнимъ. за что стоятъ и приведенные отрывки. Подъ вліяніемъ такого обычая параллелизмъ стиховъ развился въ норму, къ которой пріурочилась и народная лирика финновъ.

Если выдѣлить изъ Калевалы Айно, Куллерьо, Маріатту, космогонію и другіе самостоятельные эпизоды, а равно и заговоры, причитанья и пѣсни, то остаются три главныхъ героя, Вейнемейненъ, Ильмариненъ и Лемминкейненъ, которые каждый въ свою очередь три раза совершаютъ знаменитую поѣздку на сѣверъ (Pohjola).—Вейнемейненъ сватается за чудную дочь сѣвера. Она трижды задаетъ ему испытанія. Когда онъ, исполняя третье условіе, рубитъ ладью, то топоръ вслѣдствіе неловкаго удара ранитъ его въ ногу. Вейнемейненъ за помощью ѣдетъ къ первому двору, но тамъ застаетъ только мальчика; во второмъ онъ находитъ старуху, которая себѣ самой не можетъ помочь; въ третьемъ домѣ онъ вылѣчивается старикомъ и затѣмъ уѣзжаетъ (VIII, IX пѣсни).—Ильмариненъ пріѣзжаетъ на сѣверъ съ той-же цѣлью какъ и его братъ. И на него возлагаютъ три задачи. Празднуется свадьба, но нѣтъ пѣвца. Сперва было приглашаютъ рыбъ пѣть, но онѣ оказываются неспособными, также и дитя, въ третьихъ Вейнемейнена, который тотчасъ соглашается и обращается къ присутствующимъ со словами:

Есть-ли кто изъ молодежи,
Въ высоко-честномъ народѣ,
Кто-бъ сложилъ съ рукою руку,
Положилъ бы ихъ другъ къ дружкѣ
И потомъ бы началъ пѣнье,
Пѣнье радостное поднялъ?.. [2])

Затѣмъ молодые уѣзжаютъ (XIX—XXV пѣсни).—Лемминкейненъ раньше тоже добивался сѣверной красавицы, имя которой страннымъ образомъ нигдѣ не упоминается. При третьемъ подвигѣ онъ погибаетъ отъ коварства владыки сѣвера. Но его мать вновь оживляетъ его. Чувствуя себя обиженнымъ, что его не пригласили на свадьбу Ильмаринена, онъ опять отправляется на сѣ-

[1]) Переводъ А. П. Бѣльскаго.
[2]) У Бѣльскаго, стр. 258.

веръ и убиваетъ тамъ владыку. Видя, что на него идутъ войною, онъ бѣжитъ. Спустя нѣсколько времени онъ въ третій разъ для отмщенія проникаетъ на сѣверъ (XI—XV, XXVI—XXX пѣсни). — Но и Ильмариненъ послѣ смерти своей первой жены вторично ѣдетъ на сѣверъ, чтобы свататься къ другой сестрѣ; его встрѣчаютъ съ насмѣшкой и съ презрѣніемъ; тогда онъ насильно увозитъ дѣвицу. Желаніе возвратить себѣ Сампо, которое онъ ковалъ во время своего перваго посѣщенія, ведетъ къ третьей поѣздкѣ. Владычица сѣвера, желая отплатить имъ чѣмъ-нибудь, сперва наводитъ на нихъ болѣзни, затѣмъ медвѣдя, и, въ третьихъ, запрятываетъ луну и солнце. Но Вейнемейненъ своимъ кантелэ спасаетъ отъ всѣхъ бѣдствій. И послѣдній трижды совершаетъ поѣздку на сѣверъ, сперва одинъ, а потомъ два раза въ сопровожденіи Ильмаринена (XXXVIII—IL пѣсни).

Девять разъ повторяющаяся поѣздка на сѣверъ—вотъ та канва, по которой вышиты узоры Калевалы. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти поѣздки соединили отдѣльныхъ героевъ, заставляя ихъ добиваться сѣверной красавицы. Развитіе финскаго эпоса представляетъ изъ себя крайне любопытное явленіе. Въ то время, какъ съ одной стороны все повторяется одинъ и тотъ-же мотивъ, мы съ другой замѣчаемъ попытку итти въ глубь, разработку темъ въ смыслѣ психологическаго анализа, какъ Куллерьо, или изобрѣтеніе незначительныхъ по содержанію и вполнѣ случайныхъ эпизодовъ. Правда, эпосъ Калевала въ такомъ составѣ, какъ мы его теперь имѣемъ, скомпилированъ Ленрутомъ, но несомнѣнно, что всѣ эти пѣсни составляютъ нѣчто цѣлое, какъ выраженіе одной и той-же творческой фантазіи, какъ поэтическое достояніе одного и того-же народа. Пусть Вейнемейненъ является древнѣйшимъ героемъ эпоса, а Лемминкейненъ—позднѣйшимъ, тѣмъ лучше, если мы можемъ опредѣлить отдѣльные фазисы его возникновенія, если мы можемъ стать на твердую почву историческаго изслѣдованія и отрѣшиться отъ шаткихъ психологическихъ догадокъ.

Мы видѣли, что почти все содержаніе финскаго эпоса построено на триґеминаціи, видѣли также, что параллелизмъ стиховъ сдѣлался правиломъ. Но одно не зависитъ отъ другаго; каждая стилистическая особенность имѣетъ свои причины и свое развитіе.

III. Общія мѣста и «повторенія» въ русскихъ былинахъ.

Теперь мы приступимъ къ разбору повтореній въ русскихъ былинахъ.

Прежде всего мы выдѣлимъ такъ называемыя общія мѣста, повторяю-

щіяся на каждомъ шагу, примѣнимыя при каждомъ событіи, каждомъ богатырѣ. Былина начинается:

Выводилъ Илья Муромецъ добра коня
Изъ завозеньки изъ новыя,
Накладывалъ онъ потнички бумажные,
На потнички сѣдельшко черкасское;
Клалъ обѣтъ на палицу боевую
И на саблю острую,
На копье мурзалецкое...
И вставалъ въ стременышко гольяшное
И садился въ сѣдельшко черкасское.
Не ясенъ соколъ въ перелетѣ леталъ,
Не бѣлый кречетъ перепархивалъ,
Туто ѣхалъ удалой добрый молодецъ.

Стóитъ въ первомъ стихѣ вмѣсто Илья Муромецъ сказать Алешенька или Дюкъ Степановичъ или Добрынюшка, и получается другая былина.— Если дѣйствіе происходитъ въ княжескихъ палатахъ, то вступленіе непремѣнно будетъ такаго рода:

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ
У ласковаго князя у Владиміра
Было пированьице сопочестенъ пиръ
На всѣхъ князей на всѣхъ бояровъ
На всѣхъ могучіихъ богатырей.
И всѣ на пиру порасхвастались,
Умный то хвастаетъ добрымъ конемъ,
А разумный то хвастаетъ отцемъ-матерью,
А безумный то похваляется молодой женой да неудачливой.

Входитъ гость:

Крестъ кладетъ онъ по писаному,
Поклонъ ведетъ онъ по ученому.

Ему предлагаютъ выпить:

Подымаетъ онъ чару единой рукой,
Выпиваетъ онъ на единый здохъ.

Такихъ излюбленныхъ общихъ мѣстъ можно было-бы выписать очень много. Онѣ почему-то понравились, считались такими удачными, что иначе и нельзя было выразиться. Онѣ представляютъ большое удобство для пѣвца. Сочиняетъ-ли онъ новую былину, такіе запѣвы очень кстати, возпроизводитъ-ли онъ старую, то прибѣгаетъ къ нимъ, особенно, если память ему измѣняетъ. Притомъ они были общимъ достояніемъ; никто не могъ обвинять пѣвца въ заимствованіи. Но слушатели и не требовали самостоятельности отъ сказителя, не воздавали ему особой хвалы, если онъ импровизировалъ что-

нибудь до сихъ поръ не слыханное, не могли выразить свое недовольство, если онъ сочинитъ, да неладно и нескладно. Не было, слѣдовательно, никакого поощренія быть оригинальнымъ. Всякая народная поэзія поэтому болѣе или менѣе однообразна. Новыя черты, новыя сказанія навязываются лишь внѣшней судьбой народа. Но и тогда наблюдается стремленіе народнаго творчества подводить новыя понятія и событія подъ извѣстные ему типы. Почестенъ пиръ устраивается уже не въ Кіевѣ, а въ Москвѣ бѣлокаменной; Илья Муромецъ замѣщается Ермакомъ Тимоѳеевичемъ. Народная поэзія наростаетъ, но не выростаетъ; ея развитіе происходитъ не органически, но кристаллически.—Общеизвѣстны ἔπεα πτερόεντα Гомера:

Ἦμος δ'ἠριγένεια φάνη ῥοδοδάκτυλος Ἠώς
ὤρνυτ' ἄρ' ἐξ εὐνῆφιν и т. д.

Или: οἱ δ'ἐις ὀρχηστύν τε καὶ ἱμερόεσσαν ἀοιδήν
τρεψάμενοι τέρποντο, μένον δ'ἐπὶ ἕσπερον ἐλθεῖν.
τοῖσι δὲ τερπομένοισι μέλας ἐπὶ ἕσπερος ἦλθεν
δὴ τότε κακκείοντες ἔβαν οἰκόνδε ἕκαστος.

Наконецъ:

τέκνον ἐμὸν, ποῖόν σε ἔπος φύγεν ἕρκος ὀδόντων.

По обычному толкованію эти повторенія должны быть особымъ художественнымъ пріемомъ, представляютъ изъ себя остановочные пункты разсказа и придаютъ эпосу спокойный неторопящійся тонъ, отличающій его отъ лирики и драмы. Для современнаго читателя — пусть такъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ свидѣтельствуютъ о скудости народнаго творчества. Приведенный родъ повтореній не имѣетъ ничего общаго ни съ геминаціей, ни съ параллелизмомъ. Это общія мѣста, которыми щедро орудуетъ сказитель, — описанія снаряженія, поѣздки богатыря и боя; это—рѣчи, привѣтствія, ругательства, приказанія и порученія.

Переходъ отъ общихъ мѣстъ къ параллелизму выраженія почти-что незамѣтенъ: первыя примѣняются всегда и вездѣ, когда къ тому представляется случай, вторыя повторяются въ одной и той-же былинѣ. Въ былинѣ о Хотенѣ Блудовичѣ (Рыбн. I, стр. 44) въ 28 стихахъ описывается споръ двухъ вдовъ; Блудова жена возвращается домой и разсказываетъ сыну о случившемся, слово въ слово повторяя вышесказанныхъ 28 стиховъ. Равно въ былинѣ о князѣ Романѣ Дмитріевичѣ (Рыбн. I, № 74) сперва разсказывается о нападеніи двухъ ратниковъ на Москву; этотъ-же разсказъ передается ворономъ Роману, а имъ уже всему войску. Еще болѣе пространныя повторенія содержитъ сказочная былина о Ванькѣ Удовкинѣ сынѣ и царѣ Волшанѣ

Волшанскомъ (Рыбн. I, стр. 443).—Эти повторяющіяся описанія не суть общія мѣста, потому что онѣ свойственны только одной какой-нибудь былинѣ; но и по отношенію къ этой одной былинѣ онѣ не служатъ запѣвами. Это—параллельные разсказы одного и того-же событія, которые сказитель то передаетъ отъ себя, то влагаетъ въ уста дѣйствующаго лица былины, то употребляетъ въ видѣ вѣщаго прорицанія. Въ этомъ разнообразіи ситуацій и заключался весь смыслъ этихъ повтореній.

Повтореніе одного стиха по нѣскольку разъ можетъ быть очень кстати. Такъ у Рыбн. I, стр. 241:

Още есть у Ставра чимъ похвастати:
Мои добрые молодцы не старятся,
Мои добрые конюшки не держатся,
Моя золота казна не тощится;
Да още есть у Ставра чѣмъ похвастати:
Есть у Ставра молода жена... [1])

Какое глубокое впечатлѣніе и какая наглядность можетъ быть достигнута посредствомъ повторенія одного и того-же стиха, видно изъ слѣдующаго примѣра:

Разсердился Оника воинъ,
Задѣлъ онъ за сумоцьку ножкой лѣвою,
И не могъ онъ сумоцьки повыздынуть;
Задѣлъ Оника ноженькой правою,
И не могъ онъ сумоцьки повыздынуть.
Соскочилъ Оника со добра коня
И принимался во всю силу богатырскую,
И по колѣнъ ушелъ во матушку сыру землю,
И не могъ онъ сумоцекъ повыздынуть.
Разсердился Оника по сердиному,
И разозлился Оника по звѣриному
И принимался всею силой богатырскою:
И по поясъ ушелъ во матушку во сыру землю,
И не могъ онъ сумоцекъ повыздынуть.
И принимался Оника не на шутоцьку,
И по грудей ушелъ онъ во матушку во сыру землю,
И не могъ онъ сумоцекъ повыздынуть,
И надорвалъ онъ свое ретливое сердецюшко.

(Рыбн. II, стр. 256).

Единымъ въ своемъ родѣ является отрывокъ былины у Кирѣевскаго (II, стр. 66), гдѣ каждая половина стиха повторяется два раза·

---

[1]) Пространнѣе это мѣсто Рыбн. II, стр. 115

У попа была бесѣдушка, у дьякова другая,
У дьякова другая: хвалились два брата,
Хвалились два брата, што есть у насъ сестрица,
Што есть у насъ сестрица, изъ терема не ходитъ,
Изъ терема не ходитъ, бѣлилъ съ лица не ронитъ,
Бѣлилъ съ лица не ронитъ, бѣла лица не кажетъ.

Если эти повторенія не слѣдуетъ поставить на счетъ записателя, увлекшагося тѣмъ, что при пѣніи каждый стихъ дѣйствительно повторялся, то мы въ этомъ небольшомъ отрывкѣ должны видѣть попытку послѣдовательнаго проведенія повторенія. Если-же эти повторенія возникли только благодаря мелодіи, отнюдь не входили въ словесный составъ былины, то тутъ намъ сохранилось свидѣтельство о той причинѣ, на счетъ которой должно быть поставлено введеніе многихъ повтореній въ эпосѣ, напр., той особенности, что послѣднія слова одного стиха начинаютъ слѣдующій. Эта особенность, встрѣчающаяся правда на каждомъ шагу, но всетаки не проходящая черезъ всю былину, теперь уже принадлежитъ къ составу самаго стиха. Если мы теперь находимъ подобнаго рода повтореніе:

Гой еси ты старой казакъ,
Ты старой казакъ Илья Муромецъ!

то оно обусловливается не растягиваніемъ мотива, подобно секвенціи, но требованіемъ эпическаго пріема, возникшаго благодаря музыкальнымъ соображеніямъ. Уже въ Словѣ о полку Игоревѣ находится отраженіе этого пріема въ описаніи битвы при Немигѣ:

Кровави брезѣ
Не бологомъ бяхуть посѣяни,
Посѣяни костьми Русскихъ сыновъ.

Иногда такимъ образомъ связано нѣсколько стиховъ:

А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды сложу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужичковъ напою.

Въ разсмотрѣнныхъ только-что параллелизмахъ дословно повторяется часть стиха, или одинъ какой-нибудь стихъ или цѣлыя повѣствованія; они

не прибавляютъ ничего новаго къ уже сказанному, ни въ чемъ не дополняютъ картины новыми подробностями, развѣ, что иногда не лишены художественнаго значенія. Такъ какъ они касаются только формы, то мы условимся называть ихъ формальнымъ параллелизмомъ въ отличіе отъ внутренняго,—метафорическаго. Но между тѣмъ и другимъ существуютъ переходныя степени: здѣсь послѣдній глаголъ повторяется, но уже не въ личной формѣ, а какъ причастіе.

Разставлялъ шатеръ полы бѣлыя,
Разставя шатеръ, сталъ огонь сѣчи,
Высѣча огонь, сталъ раскладывать,
Разложа огонь, сталъ кашу варить,
Сваря кашу, расхлебывать,
Расхлебавъ кашу, сталъ починъ держать,
Богатырскій сонъ на 12 дёнъ,
На 12 дёнъ, на двое суточки.
(Кирѣевск. I, стр. 3).

Тамъ повтореніе предлагается въ видѣ вопроса:

Собирались три русскихъ
Три могучихъ богатыря
Ко кресту ко Леванидову;
Тутъ они крестами побратались.
Кто-же изъ нихъ былъ большой братъ?
Кто-же изъ нихъ былъ средній братъ?
Кто-же изъ нихъ былъ меньшій братъ?
Старой казакъ Илья Муромецъ былъ большой братъ,
Михаилъ Потыкъ сынъ Ивановичъ былъ средній братъ,
А молодой Добрыня сынъ Никитичъ былъ меньшой братъ.
(Рыбн. I, стр. 229).

Но все труднѣе становится различать формальный параллелизмъ, все неудобнѣе указывать на повтореніе одной и той-же мысли. Въ былинѣ «Сорокъ каликъ со каликою» калики «захотали» Еленинскій стихъ:

Не можетъ Владиміръ стоючи стоять,
Не можетъ Владиміръ сидючи сидѣть,
Не можетъ Владиміръ лежучи лежать;

Это однообразное выраженіе, означающее, что Владиміръ не зналъ куда дѣваться.

Добрыня бьетъ челомъ передъ матерью:

Я поѣду, Добрыня, во чисто поле,
Во чисто поле разгуляюся
Съ казаками мнѣ, Добрынѣ, поназаковать,
Съ молодцами мнѣ, Добрынѣ, повидатися,
Съ богатырями мнѣ, Добрынѣ, побоpотися,
Богатырскую силу испробовати.

Подъ казаками, молодцами и богатырями разумѣется все одна и та-же богатырская сила. Изъ четырехъ послѣднихъ стиховъ каждый въ отдѣльности de facto выражаетъ ровно то-же, что всѣ вмѣстѣ; но по отношенію къ художественности между ними разница. Съ одной стороны: казакъ, молодецъ, богатырь—понятія, идущія crescendo, составляющія κλίμαξ; съ другой казаковать, видаться, бороться все опредѣленнѣе выражаетъ цѣль поѣздки. Послѣдній стихъ подводитъ итогъ, резюмируетъ сказанное.

До сихъ поръ попадались все формальные параллелизмы, формальные правда, не въ первоначальномъ смыслѣ слова, но всетаки выросшіе на почвѣ дословныхъ повтореній, однако приближающіеся къ метафорическимъ, которые, впрочемъ, и другаго происхожденія и другаго развитія.

IV. Параллелизмъ въ былинномъ эпосѣ.

Проф. Веселовскій въ разборѣ «Матеріаловъ и изслѣдованій» Чубинскаго указываетъ на малорусскіе запѣвы, выражающіе обыкновенно параллелизмъ природы съ настроеніемъ человѣка, изъ которыхъ зародилась народная лирическая пѣсня. «Разработка шла путемъ анализа,—какъ и наше обособленное до эгоизма личное чувство ростетъ и изощряется и никнетъ анализомъ, углубленіемъ въ такія стороны чувства, которыя не даны его первымъ моментомъ, его внезапнымъ разцвѣтомъ, непосредственнымъ увлеченіемъ» [1]). Но такіе символическіе запѣвы не чужды и народному эпосу. Въ былинѣ о Вольгѣ, напр.:

Говоритъ царь со царицею:
«Ай же ты царица Панталовна!
Я знаю про то, вѣдаю:
На Руси-то трава растетъ не по старому,
Цвѣты цвѣтутъ не по прежнему,

[1]) Стр. 37.—См. также въ статьѣ: Новыя книги по народной словесности (Журн Мин. Нар. Просв., т. CCXLIV).

А видно Вольги-то живаго нѣтъ».
Говоритъ царица Панталовна:
«Ай же ты царь Турецъ Санталь!
На Руси все трава растетъ по старому,
Цвѣты то цвѣтутъ все по прежнему».
(Рыбн. I стр. 186).

Илью Муромца часто привѣтствуютъ:

Одно солнышко на семъ свѣти,
Одинъ богатырь на святой Руси!

Въ Словѣ о полку Игоревѣ говорится: Солнце свѣтится на небесѣ, Игорь князь въ Русской земли. Чудный параллелизмъ представляетъ слѣдующее мѣсто:

Отломилась вѣточка
Отъ садовой отъ яблонки,
Откатилось яблочко:
Отъѣзжаетъ сынъ отъ матери
На чужу дальну сторону,
На чужу дальну сторону
За рѣку за Смородину.
(Кирѣевск. II, стр. 61).

Собственно странное и совсѣмъ непонятное опредѣленіе времени:

Когда возсіяло солнце красное
На нашу на землю Святорусскую,
Тогда народился младый богатырь
Младый богатырь Вольга Всеславьевичъ.

По толкованію Рыбникова (I, стр. XVIII) Вольга родился «современно появленію болѣе ясныхъ, первоначальныхъ формъ новаго быта». Но очевидно, мы тутъ имѣемъ извращенный параллелизмъ. Вначалѣ было вѣроятно:

Возсіяло солнце красное...
Народился младый богатырь...

Но такое простое сопоставленіе, должно быть, оскорбляло синтаксическое чувство сказителя, и онъ некстати прибавилъ союзы.

Древнѣйшій видъ параллелизма—безыскусственное сопоставленіе:

На небѣ солнце—въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ—въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды—въ теремѣ звѣзды,
На небѣ заря—въ теремѣ заря
И вся красота поднебесная.

Иногда самый предметъ опускается, и называется только его символъ. Настасья Романовна заявляетъ Никитѣ только:

Померкло наше красно солнышко,
Потухла звѣзда подвосточная! (Рыбн. II, стр. 215).

Но въ послѣдствіи символъ «объективировался», получилъ самостоятельное значеніе для воображенія пѣвца, въ родѣ слѣд.:

Какъ бы на соловья не зима бы студеная,	Какъ бы на молодца не служба государева
Не морозы крещенскіе,	(И не наборы солдатскіе)
Не леталъ бы я соловей	Не ходилъ бы я молодецъ
По мхамъ, по болотичкамъ	По чужой дальней стороны
По частымъ наволокищамъ:	По Свирской Украины [1]).
	(Рыбн. I, стр. 452).

Но это явленіе не эпическое; оно мнѣ нужно было только для иллюстраціи. — Символъ, получивъ собственные эпитеты и собственныя функціи, отличные отъ эпитетовъ и функцій описываемаго предмета, въ лирикѣ прекрасно уживался съ нимъ. Еще-бы: символъ реаленъ и сопоставленъ съ чувствомъ нереальнымъ. Реальное никогда не можетъ быть помѣхой нереальному. Напротивъ, чѣмъ больше символъ развивался, чѣмъ картиннѣе онъ разростался, тѣмъ нагляднѣе и осязательнѣе онъ выражалъ туманное представленіе о чувствѣ. Настроеніе медленно-ли, скоро-ли расплывается, воображеніе хватается за твердую орнаментику символа. Не то было въ эпосѣ. Тутъ символъ сопоставлялся съ реальнымъ и опредѣленнымъ фактомъ, и между ними должно было произойти столкновеніе. Это столкновеніе повело къ сравненію. Возьмемъ параллелизмъ:

Знать де полетка соколиная,
Видѣть и полетка молодецкая,
Что быть Добрынѣ Никитичу (Кирѣевск. II, стр. 21).

---

[1]) Я подозрѣваю, что этотъ запѣвъ не относится къ слѣдующей былинѣ, которая начинается уже инымъ складомъ:

Проходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
Зашелъ молодецъ къ королю въ Литву.

Допустимъ, что воображеніе остановится на картинѣ летающаго сокола; но рядомъ выступаетъ и строго обрисованный, яркопластичный образъ мчащагося на конѣ Добрыни; сказатель сначала недоумѣваетъ, какъ могли два такихъ разныхъ предмета появиться рядомъ, но вскорѣ соображаетъ, что

Не ясенъ соколъ въ перелетъ леталъ,

припомнитъ еще, что

Не бѣлый кречетъ перепархивалъ,
Выѣзжалъ Добрыня Никитичъ младъ.

Но не всегда, а въ народной эпикѣ другихъ народовъ почти никогда, не требовалось подобнаго отверженія и враждебнаго отстраненія напрашивающагося символа: воображеніе заключало съ символомъ извѣстный modus vivendi. Оно понимало, что символъ не тожественъ съ изображаемымъ предметомъ, но признавая нѣкоторое сходство между ними, допускало ихъ сопоставленіе, формально однако различая ихъ союзомъ «какъ» или «что». Такъ возникло положительное сравненіе, которое одно только обычно у другихъ народовъ, но въ русскихъ былинахъ занимаетъ лишь второстепенное мѣсто. Разъ символъ формально обособился отъ предмета, то сравненіе могло принимать какіе угодно широкіе размѣры и составить особую картину, разрушающую связь разсказа. Въ гомеровскихъ сравненіяхъ мы за подробностями символа обыкновенно забываемъ сравниваемый предметъ. Или кто напр., читая о конѣ, который ἀκοστήσας ἐπὶ φάτνῃ

δεσμὸν ἀπορρήξας θείῃ πεδίοιο κροαίνων,
εἰωθὼς λούεσθαι ἐυρρεῖος ποταμοῖο
κυδιόων· ὑψοῦ δὲ κάρη ἔχει, ἀμφὶ δὲ χαιται
ὤμοις ἀΐσσονται· ὁ δ’ἀγλαΐηφι πεποιθώς
ῥίμφα ἑ γοῦνα φέρει μετά τ’ἤθεα καὶ νομὸν ἵππων
(Hom., Z 506—511).

еще удерживаетъ въ умѣ, что это Парисъ спѣшитъ на поле битвы, а не видитъ передъ глазами своей души бодраго коня, мчащагося къ табуну, съ развѣвающейся гривой.

Но порой мы замѣтимъ и болѣе тѣсное соединеніе символа съ предметомъ, доходящее даже до полнаго слiянiя. Если припомнимъ примѣръ изъ причитаній, гдѣ смерть мужа уподобляется закатившемуся солнцу, то понятны будутъ и слѣдующіе обороты:

Укатилося великое желаньицо,
Оно въ водушки, желанье, во глубокiи,

Въ диви темныя лѣса да во дремучія
За горы оно, желанье, за толкучія. (Барсовъ I, стр. 1).

Или жена тоскуетъ:

Ужъ какъ я бѣдна кручинная головушка,
Тосковать да подъ косѣвчатымъ окошечкомъ,
Коковать буду горюша подъ околенкой
Какъ несчастная кокоша на сыромъ бору.

Горемычица отожествляетъ себя съ птицей кукушкой и продолжаетъ поэтому:

На подсушней сижу на деревиночкѣ,
Я на горькой сижу да на осиночкѣ. (Барсовъ I, стр. 102) [1]).

Но и въ былинѣ я нашелъ удивительный примѣръ подобнаго слiянiя символа съ предметомъ, такъ что качества перваго переносятся на послѣднiй и наоборотъ,—въ былинѣ о царѣ Соломанѣ и Василiи Окульевичѣ (Рыбн. II, стр. 300). На вопросъ Окульевича, отчего дрожитъ мать сыра земля, Соломанъ отвѣчаетъ, что звукъ его рожка услышали лебеди на синемъ морѣ, что онѣ вылетѣли и бьютъ крыльями объ воду, что не стало у нихъ стараго царя Соломана. Во второй наконъ онъ уже выражается яснѣе, приписывая гулъ земной скоку добрыхъ коней «кормленыхъ-ученыхъ».—Когда Соломанъ заигралъ въ третiй разъ, то рать-сила наѣхала. И вотъ Соломанъ обращается къ Окульевичу со словами:

Гляди-ка ты на всѣ четыре стороны,
Почто ты посѣялъ пшеницу бѣлояровую,
Посѣялъ по чисту полю?

Налетѣли мои гуси-лебеди
Гуси-лебеди да черныя вороны,
Клюютъ твою пшеницу бѣлоярову.—

Однако такiе примѣры чуть-ли не единичны въ народномъ эпосѣ, они болѣе свойственны личному творчеству, и то только наиболѣе индивидуальнымъ поэтамъ — Шекспиру, Шелли, Гейне, Ленау [2]), и получили высшее развитiе въ образномъ языкѣ символистовъ. Недаромъ такой стиль называется индивидуализирующимъ. Но способъ характеризованiя народнаго воображенiя всегда былъ типичнымъ, и поэтому сравненiе является его отличительнымъ украшенiемъ.

---

[1]) Проф. Веселовскiй. Die russischen Todtenklagen (Russische Revue, III т.) стр. 520 и др.
[2]) Boyle. Das Typische und das Individualisierende in der Dichtkunst.

V. Геминація дѣйствія въ русскихъ былинахъ.

Укажемъ теперь на нѣкоторые любопытные примѣры геминаціи въ русскихъ былинахъ.

Всѣмъ извѣстно, что Вольга при встрѣчѣ съ Микулой сперва посылаетъ пять молодцевъ, «чтобы сошку съ земельки повыдернули», затѣмъ десять, наконецъ, всю дружину. Но вначалѣ это происходило куда проще. Сразу:

Пришла та силушка великая,
Начали сошку за обжи подергивать,
Вкругъ-то сошку повертывать,
А не могутъ сошку повыдернуть;
Тутъ то Микула Селяниновичъ [1])
Подъѣзжалъ ко сошкѣ кленовыя...
Какъ улетѣла та сошка къ подоблакамъ.
(Рыбн. I, стр. 23).

Разсказъ Дюка Степановича (Рыбн. II стр. 154) о сказочныхъ удобствахъ и чудесахъ въ своей «Индіи богатой, да въ Галичѣ проклятой», такъ какъ онъ былъ похвальбой κατ'ἐξοχήν, получилъ драматическую жизнь и разложился на цѣлый рядъ эпизодовъ о томъ, какъ Дюкъ мараетъ свои сапоги, о томъ какъ онъ выливаетъ зелено вино, какъ онъ не можетъ съѣсть калача, какъ ему жаль своей бурушки-каурушки, что нѣтъ въ Кіевѣ пшеницы бѣлояровой и пр.

Раньше чѣмъ Илья встрѣчается съ паленицей удалой, къ ней высылаютъ Алешу и затѣмъ Добрыню; но оба не смѣли «у ней силушки отвѣдати». Тогда только выѣзжаетъ Илья. Когда онъ «спустилъ ее на матушку сыру землю» и «ступилъ на бѣлы груди», то трижды обращается къ ней съ вопросомъ о происхожденіи и имени, но только на третій разъ получаетъ надлежащій отвѣтъ. Въ другой былинѣ Добрыня наѣзжаетъ на паленицу и ударяетъ ее, но видя, что она и не оглядывается, для испытанія своихъ силъ расшибаетъ «сырой дубъ по ластиньямъ». Это повторяется еще разъ, тогда только паленица пріоглянулась.

Костя Новоторжанинъ, Потанюшка Хроменькій и Хомушка Горбатенькій ничто иное какъ тригеминація, которая своимъ возникновеніемъ обязана тому

---

[1]) По ошибкѣ пѣвецъ поставилъ: Вольга Святославловичъ.

обстоятельству, что, дескать, продѣлка Василія Буслаева, этотъ новый способъ набора дружины — очень понравилась.—И Садко не однимъ разомъ закупаетъ товаръ въ Новгородѣ, а трижды. И Никита Романовичъ, несмотря на всѣ угрозы царя Ивана Васильевича трижды повторяетъ свое привѣтствіе и тогда только открываетъ ему, что сынъ его спасенъ. Въ былинѣ «Сорокъ каликъ съ каликою» сперва за каликами посылаютъ Алешу, но они поколачиваютъ его за невѣжливость, затѣмъ Добрыню, который съ ними обращается какъ слѣдуетъ. Уже въ болѣе позднемъ варіантѣ послѣ Алеши высылается напрасно еще Чурило (Кирѣевск. III, стр. 88).

Интересный примѣръ послѣдующей геминаціи представляетъ изъ себя Соловей съ его семействомъ. Къ Соловью, который вначалѣ былъ одинокъ (Гильферд., № 171) былъ присоединенъ потомокъ, сынъ или дочь, который пытается отмстить за отца. Изъ тригеминаціи потомка получались былины въ родѣ № 10 у Рыбн. I или №№ 5 и 7 у Тихонравова II и большей части былинъ о Соловьѣ у Гильфердинга. Я не нашелъ былины, гдѣ-бы выступили въ защиту Соловья три сына, повсюду дочери, но вѣроятно и такія пѣлись въ народѣ. Изъ тригеминаціи трехъ сыновей Соловья получилось ихъ девять (Кирѣевск. I, стр. 43). Въ № 1 Тихонравова II Илья ѣдетъ съ привязаннымъ къ сѣдлу Соловьемъ:

И видитъ онъ въ полѣ девять молодцевъ,
Девять молодцевъ въ кулаки бьются.

Но Илья совѣтуетъ Соловью:

Закляни ты своихъ малыхъ дѣтей,
Не закдянешь—самого смерти предамъ!

Соловей такъ и поступаетъ.

Ѣдетъ Илья Муромецъ чистымъ полемъ,
И видитъ опять девять сыновъ,
Соловья вора-разбойника.

Тутъ ужъ Соловей самъ отъ себя проситъ ихъ не трогать Илью.—Само собою разумѣется, что Илья встрѣчаетъ еще девять сыновей. Соловей говоритъ имъ:

Не троньте вы молодца прямоѣзжаго,
У меня силы не съ ваше, да старый въ горсти зажалъ.
И не много у него сыновъ—всего двадцать семь.

Кромѣ того въ этой былинѣ еще упоминается объ одной дочери Соловья. Такимъ образомъ Илья вмѣсто одного чудовища одолѣваетъ двадцать девять [1]).

Какъ собственно слѣдуютъ понимать описаніе свиста Соловья? Что Соловей издавалъ звуки, похожіе то на свистъ соловья, то на шипѣнье змѣи, то на ревъ звѣрей?—Сомнѣваюсь. Ближе всего было уподобить крикъ Соловья-разбойника соловьиному свисту, ближе всего вслѣдствіе тожества имени, но сказитель нашелъ это слишкомъ слабымъ выраженіемъ такого шума, отъ котораго

Подъ Ильею конь палъ на-корачъ,

и вотъ онъ прибавляетъ:

Зашипѣлъ Соловей по змѣиному.

Но и этотъ стихъ недостаточно силенъ; понадобился еще третій:

Заревѣлъ Соловей по звѣриному.

Мы высказались, что соловьиный свистъ былъ приписанъ вору-разбойнику по тожеству имени; прямое указаніе, что подобнымъ образомъ возникли и другія черты, находимъ у Кирѣевск. I, стр. 45:

Посвисти, Соловей, по соловьиному,
Пошипи, змѣй, по змѣиному,
Зрявкай, звѣрь, по туриному.

И Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ допускаетъ подобное толкованіе. «Соотвѣтственно названью собака Соловей еще мызгаетъ по собачьему», говоритъ онъ [2]). Уже это колебаніе между мызганьемъ собаки, свистомъ соловья, звѣринымъ ревомъ и шипѣніемъ змѣи — доказываетъ, что эти выраженія не должны быть поняты въ буквальномъ смыслѣ. Притомъ такое образное выраженіе не стоитъ особнякомъ въ русской былинѣ; оно подходитъ подъ категорію выше опредѣленнаго формальнаго параллелизма. Часто этотъ свистъ и не опредѣляется ближе:

Онъ и свищетъ своимъ громкимъ голосомъ,
Его добрый конь спотыкается.
(Кирѣевск. I, стр. 28. Гильферд., стр. 1219)

---

[1]) У Тихонравова I встрѣчаются двѣ былины гдѣ выступаетъ 12 сыновей, у Кирѣевскаго (стр. 77) – семь сыновей Соловья.

[2]) Илья Муромецъ, стр. 262.

Иногда указывается на разныя степени свиста, но не на разныя манеры получается геминація:

Ужъ какъ свиснулъ Соловей въ четверть свою голоса,
Что столѣтніе дубы зашаталися;
Какъ и свиснулъ во второй разъ онъ въ полголоса,
Что Илья съ конемъ только вздрогнулися;
Какъ хотѣлъ Соловей свиснуть во весь голосъ свой,
Натянулъ Илья Муромецъ калену стрѣлу.
(Кирѣевск. I, стр. 31; IV, стр. 3).

Въ сказкѣ говорится, что Соловей «засвисталъ своимъ свистомъ разбойничимъ крѣпко» [1]). По обычаю разбойниковъ Соловей сидитъ на дубу и караулитъ [2]). При послѣдовательной геминація выходитъ, что Соловей гнѣздится на трехъ, на девяти, на двѣнадцати, на тридевяти дубахъ.— Свистъ Соловья же сдѣлался общимъ мѣстомъ. Онъ присущъ и Скимену звѣрю (Кирѣевск. II, стр. 10); онъ-же приписывается и коню Добрыни. Встрѣча Ильи съ Соловьемъ оказала воздѣйствіе на былину о Дунаѣ тамъ, гдѣ его догоняетъ неузнанная имъ невѣста, которую онъ принимаетъ за татарина. Дѣйствіе свиста описано весьма поэтично:

Рыкнулъ Татаринъ по звѣриному,
Свиснулъ Татаринъ по змѣиному;
Въ чистомъ полѣ камешки раскатывались,
Травяшки въ чистомъ полѣ повянули,
Цвѣточки на землю повысыпали. (Рыбн. I, № 30).

Мы ограничимся этими отрывочными замѣтками. Быть можетъ, онѣ не всегда окажутся удачными. Но мы увѣрены, что руководившая насъ мысль животворна Несомнѣнно, историческое и сравнительное изученіе эпоса должно сопровождаться изслѣдованіемъ вопросовъ, касающихся его производительности: какъ возникаютъ варіанты? что сказитель вноситъ новаго въ былину, которую онъ поетъ? въ какомъ размѣрѣ усвоиваются чужіе элементы, съ которыми народъ такъ или иначе сталкивается? какое измѣненіе перетерпѣваетъ событіе въ воображеніи народа? какую роль играютъ при этомъ эпическіе пріемы?

---

[1]) Кирѣевскій I, стр. XIX.
[2]) Сл. Потебня. Этимологическія замѣтки (Живая Старина III, стр. 125).

какъ былина стирается съ памяти народа и какіе слѣды она оставляетъ, въ видѣ-ли отраженія въ другихъ произведеніяхъ или въ видѣ поговорки или мѣстнаго названія и пр.?—словомъ, изслѣдованіемъ цѣлаго ряда вопросовъ, рѣшеніе которыхъ не только пролило-бы свѣтъ на ту или другую былину, но и помогло-бы выработать особую методику, примѣнимую уже ко всякому народному эпосу.

К. Тіандеръ.

ОТДѢЛЪ II.

Свадебные причеты, дѣтскія пѣсни и пр. записанныя въ Щетинской, Хмѣлевской и Меленковской волостяхъ, Пошехонскаго уѣзда.

I.

Вы здоровоте, сударь-кормилецъ-батюшко и родимая матушка:
Услышали кукушку по кукованью, бѣлую лебедушку по кликанью,
А меня-то молодешеньку по зычну голосу.
Куковала-горевала горька-сирота отъ вечерней зорюшки до утренней—
Что жалѣла себя молодешеньку.

II.

Посудите-ко народъ-люди добрые:
Принесли мнѣ молодёхонькѣ три подарочка—
Первый мнѣ подарочёкъ—Пресвятая Богородица,
Вгорой-отъ подарочёкъ—кунью шубу подвѣнечную,
Третій подарочёкъ—златый перстень обручатися;
Посудите вы, народъ-люди добрые,
За который да подарочекъ мнѣ принятися.
Ужъ приняться мнѣ, молодёхонькѣ, что за первый за подарочекъ—кунью шубу подвѣнечную—
Кунья шуба-та износится.
Ужъ приняться мнѣ молодёхонькѣ за второй-отъ за подарочекъ, златенъ перстень обручальный—
Златый перстень распаяется.
Ужъ приняться мнѣ молодехонькѣ за третій за подарочекъ за Мать Пресвятую Богородицу:
Слыхала красна дѣвица отъ народу, отъ добрыхъ людей,
Что родительское благословленьице великое, надѣлённое
На огнѣ-то оно нѐ горитъ, на водѣ-то оно нѐ тонетъ.

III. При входѣ священника съ крестомъ въ домъ невѣсты:

Не слыхала красна дѣвица,
Свѣтла свѣтлица роскуталась,
На пяту-да становилася,
Со пяты долой спустилася—
Вошли, волетѣли дорогй гости.
Сначалу-то пришелъ кормилецъ—духовный отецъ-батюшко—
Умная головушка, разумная,

Голова-та твоя пресвященная,
А рука-та твоя благословенная,
Пришелъ по меня по молодехоньку
Съ крестомъ животворящимъ—
Приведешь да въ честь великую
При послѣдней порѣ-времячкѣ,
При останномъ житье дѣвичьѣ:
Ужъ какъ мнѣ-то молодехонькѣ подошла—да пора-времечко
Подъ вѣнецъ нести буйна голова,
Подъ посадъ нести руса коса.

IV. При обрядѣ «покупки мѣста».

Ты послушай-ко, соколъ-милый братъ,
Ты за мѣстечко проси сто рублей,
За дѣвичью красу проси тысячу,
За меня за молодёхоньку цѣны не сказывай...
Богъ тебѣ Судья, соколъ милый братъ,
Не поберегъ меня, красной дѣвицы,
Что моей да дѣвьёй красоты.
Бросился ты и кинулся
На ихъ слова научёныя,
На учёныя, на куплёныя.

V.

Ты послушай-ко, сударь-кормилецъ-батюшка и родимая матушка,
Соколы вы, братья милыё, и голубушки милы́ сестры!
Вы скажите-ко душѣ да красной дѣвицѣ:
Хоть и дали молодѣ волю великую,
Дали мнѣ платьё цвѣтное и дѣвичью-ту по́вязку—
Не въ пору-да не во́ время, къ вечеру-то мнѣ позднёхонько;
Ужъ дали молодѣ волю великую, ужъ приставили къ молодѣ-да много сторожовъ.
Ты, сударь-кормилецъ-батюшка и родимая матушка,
Развѣ что́ за мной завидѣли, что̀ завидѣли-заслышали:
У меня у молодехоньки не по старому пошло, по прежнему—
Что завѣшены очи ясныя мелкотравчатой намёточкой.

VI. При выходѣ невѣсты для «обзыванья»—приглашенія родни:

Что пошла я красна дѣвица на широкую на улочку
Не по старому пошла, не по прежнему:
Безъ желѣзъ да ноги скованы,
Безъ нарушничковъ руки связаны.

VII. При приближеніи къ дому родни (невѣста-сирота).

Ужъ какъ чье это хоромы, чье высокіе?
Во этихъ во хоромахъ во высокіихъ
Попы-те ли живутъ или дьяканы,
Съ городовъ люди чиновныё?
Не попы да и не дьяканы,
Что живетъ моя голубушка мила̀ сестра,
Мой пріятный, полюбовный зять. (Въ домѣ зятя).
Ты подумай-ко, мила̀ сестра,
Хошь и дали молодѣ волю великую—звать-то мнѣ родню родимую
На свою свадьбу сиротскую, на горькую—
Не ждитё-ко болѣ зватова,

У меня у красной дѣвицы посылать-то мнѣ нѣкого,
Поднялась я молодехонька, что безъ батюшки, безъ матушки,
Что во горюшкѣ-то во великомъ.

IX. При входѣ на кладбищё.

Походить-ко мнѣ душѣ-да красной дѣвицѣ по площади церковной,
Поискать-ко мнѣ душѣ да красной дѣвицѣ примѣтнова мѣстечка, пристойнова—
Высокія, глубокія могилушки своего кормильца батюшки, родимой матушки. (На могилѣ).
Ты здорово, сударь-кормилецъ батюшка и родимая матушка.
Узнавай, кормилецъ-батюшка и родимая матушка,
Сѣрую кокушку по кокуванью,
А меня молоду по зычну голосу.
Во останныё-те во послѣднiё я пришла, кормилецъ-батюшка и родимая матушка:
Что востаньте-ко пробудитесь отъ крѣпкова сна отъ мертвова,
Ужъ какъ жалуйтё, ходитё въ дороги гости на мою свадьбу сиротскую,
Когда посулитесь-да въ дороги гости—
Во полу-ли ночки темныё или по зорюшкѣ-то по вечернёей,
На эту-бы пору времечко стала ждать-да дожидатися.
У меня-то у души у красной дѣвицы была-бы свадебка веселая.
Ужъ я встрѣтила-бы кормильца-батюшка.
Ужъ какъ этого всего не бываетъ.
Не поднимется туманъ со синя моря,
Не всплывать-же камешку поверхъ воды,
Не вырастывать на камнѣ шелковой травѣ:
У моего кормильца-батюшка тремъ замкамъ на сердцѣ заперто.
Отъ замковъ да ключи обраты,
Въ сине-морюшко да ключи брошены;
Не всплывать-же ключикамъ поверхъ воды,
Не живать-же кормильцу-батюшку,
Не живать да на бѣломъ свѣтѣ,
Только кликать,— не докликаться
И будить—не добудитися что душѣ да красной дѣвицѣ.

X. При возвращенiи, послѣ обзыванiя родни:

Вы встрѣчайте-ко, соколы да братья милые, меня душу красну дѣвицу.
Созвала я красна дѣвица всю родню свою родимую,
Своего кормильца-батюшка и родимую свою матушку.
И придетъ кормилецъ-батюшка не вобьявь да людямъ добрымъ.

XI. Родню «спасаютъ»—благодарятъ.

Вы спасибо, соколъ милый братъ (перебирается вся родня)
На хлѣбѣ да соли, на честной добродители,
Какъ учили молоду уму-разуму потихохоньку, полегохоньку.

Вы простите-ко душу красну дѣвицу
Во тѣхъ во досадушкахъ великiихъ,
Какъ жила-тоя красна дѣвица.
Сердечушкомъ была неснослива,

На языкъ была не сдержлива.
Ужъ теперь мнѣ, молодехонькѣ,
Подъ вѣнецъ нести буйна голова,
Подъ посадъ нести руса коса:
Росплетутъ-то мою косоньку,
Росплетутъ-то да надвое.

XII.

Благослови-ко меня, да Боже-Господи,
Поскорбить-то ретиво сердце,
Посмочить да платье цвѣтное!
Ты послушай, сударь-кормилецъ-батюшка,
Куда-же я больно баско снаряжаюся,
Во свое-да платьё цвѣтное,
Безъ поры да безо времечка,
Безъ Господскаго да праздничка?
Да скажи, сударь-кормилецъ-батюшка и родимая матушка,
Какъ пойду-то я, молодёхонька, къ обѣднѣ пресвященной
Не по старому пойду, не по прежнему:
Я во горюшкѣ, во кручинушкѣ,
Во слезахъ да во горючіихъ,
Не въ своей волѣ великоей,
Такъ послушай, сударь-кормилецъ-батюшка и родимая матушка,
Подойдите ко мнѣ, молодехонькѣ,
Пока я во душахъ во красныхъ дѣвицахъ,
Во своей волѣ великоей:
Вы раскройте мелкотравчату намёточку,
Поглядите-ко моего лица бѣлаго—
Играетъ-ли румянецъ во бѣломъ лицѣ,
Сіяетъ-ли моя дѣвья красота,
Ужъ какъ эти-ли камбабурскія блёздочки? (sic)
Ужъ какъ можно мнѣ знать, можно вѣдати,
Самой да догадатися,
Не играетъ румянецъ во бѣломъ лицѣ,
Не сіяетъ моя дѣвья красота—
Не по старому пошло, не по прежнему,
Все прошло, да миновалося,
Все прошло, да порѣшилося
Мое житьё дѣвичьё безпечальное, беззаботное.

XIII.

Ты послушай, сударь-кормилецъ-батюшка и родимая матушка,
На что разсердились, распрогнѣвались на меня на молодёхоньку?
Развѣ вы, кормилецъ-батюшка и родимая матушка,
За мной да что завидѣли, что завидѣли-заслышали?
Какъ жила-то я у васъ, молодехонька,
Потише я жила ключевой воды,
Пониже шелковой травы,
Берегла, молода, свою волю великую,
Ровно душу во бѣломъ тѣлѣ;
Не давала, молода, свою волю великую
Вѣтру-вихорю обдувати,
Часту дождику—обдождивать,
Людямъ добрыимъ осмѣивать.

XIV.

Ужъ какъ какъ же, кормилецъ-батюшка и родимая матушка,
Говорили вы про меня, про молодёхоньку,
Говорили народъ-люди добрые
Славу добрую рѣчь хорошую,
Говорили вы, сударь-кормилецъ-батюшка и родимая моя матушка,
Что съ тобою, дочка милая,
Что повѣки мы съ тобой не разстанемся:
Ужъ какъ я на васъ вся надѣялась—
На стѣны бѣлокаменны.

XV. Спасаютъ (благодаритъ невѣста) на басѣ.

Ужъ какъ стать мнѣ, молодёхонькѣ,
Со этой со лавочки дубовоей
На полы да на рудовые,
На свои да рѣзвы ноженьки,
На башмачки на сафьяные,
На чулочки ярославскіе.
Подойти мнѣ, молодехонькѣ,
Ко своему кормильцу-батюшкѣ и родимой моей матушкѣ:
Такъ спасибо вамъ, сударь-кормилецъ-батюшка и родимая моя матушка,
На хлѣбѣ да на соли, на честной добродѣтели!

Ищо спасибо вамъ, сударь-кормилецъ-
батюшка и родимая моя матушка,
На цвѣтномъ платьицѣ—шелковомъ,
На шелковомъ на хорошоёмъ!
Ужъ какъ клали сударь-кормилецъ-ба-
тюшка и родимая моя матушка,
На меня да платье цвѣтное,
Не жалѣли да золотой казны—
Наклали да платьё цвѣтное
На завидость людямъ добрымъ,
На издивушку да милымъ подруженькамъ.
Какъ надѣну-то я, кормилецъ-батюшка,
Что своё да платье цвѣтное,
Пойду я, молода, во торги да во ярманки.
Во торговыя во лавочки—
Завидовали мнѣ мои подруженьки:
«Ты какая, наша голубушка,
Счастливая зародилася у своего кормиль-
ца-батюшка,
Не жалѣлъ-же онъ золотой казны».

XVI.

Ты прощай, кормилецъ-батюшка и ро-
димая матушка,
Во всѣхъ меня досадушкахъ великiихъ:
Нагрубила, досажала красна дѣвица,
Сами-то вы знаете, вѣдаете,
Молодымъ-то я была молодехонька.
Какъ теперь мнѣ, молодехонькѣ,
Всё прошло да миновалося,
Всё прошло да порѣшилося
Хорошое житье дѣвичьё, безпечальное,
беззаботное.
Ужъ какъ мнѣ-то, молодехонькѣ,
Что моё-ли житьё дѣвичьё,
Ровно во сну оно приснилося,
Во просоньицѣ привидялось.
Теперь мнѣ, молодёхонькѣ,
Не вѣки-те вѣковати,
Не годы-те годовати,
Не недѣля въ дѣвкахъ сидѣти,
Не другая красоватися.
Не много мнѣ остается поры-времечка—
Одинъ часъ да со минутою.
Жила-то я у васъ, кормилецъ-батюшка
и родимая матушка,
Не видала я, красна дѣвица,
Когда красное солнышко закатается,
Бѣлый день да зарождается.
У тебя, кормилецъ-батюшка и родимая
матушка,
Сумеречки были гульливые,
Подымочки сонливые.
Родима матушка встанешь по утру по
ранехоньку,
Погодя будишь меня молодёхоньку:
«Ты вставай-ко, дочка милая,
У меня дѣло не дѣлано,
Вся робота не роботана,
У меня печка не топлена»,
Ключева вода не ношена!
Ужъ какъ встану я, молодехонька, со
мягкiя постелюшки,
Погляжу я по своей свѣтлой свѣтлицѣ:
У моей родимой матушки всё дѣло при-
дѣлано—
Ключева вода наношена,
Свѣтла свѣтлица истоплена.
И спрошу я у своей родимой матушки,
За какое дѣло мнѣ принятися.
На отвѣтъ-то скажетъ родима матушка:
«Ты чеши-ко буйну голову,
Заплети-ко русу косоньку,
Умывай да лицо бѣлое,
Снаряжайся во свое да платье цвѣтное—
Не во самое хорошое,
Ступай-ко, мое родимо дитятко,
Ко своимъ-то милымъ подруженькамъ,
На свою смиренную бесѣдушку—
У меня всё дѣло придѣлано».
Теперь у меня, у молодехоньки,
Какъ я стану жить во чужихъ людяхъ,
У чужаго отца матери:
Станутъ будить-то поранехоньку:
«Ты вставай, сонливая, дремливая!
У меня дѣло все придѣлано,
И работа приработана:
Свѣтла свѣтлица истоплена,
Ключева вода наношена».
Какъ я встану, молодехонька,
Что встану—умоюсь горючимъ слезамъ,
Утруся правымъ рукавомъ,
Погляжу по темной темницѣ,
По заключенной ключемницѣ:
У лихiё-то свекровушки
Всё дѣло не дѣлано,
И работа не работана—
Тёмна темница не топлена,

Ключевà вода не ношена.
У лихiё-то у свекровушки не знаю, молода,
За какое мнѣ дѣло принятися.—
Одолитъ меня горе-кручинушка,
Пристанетъ печаль къ ретиву сердцу:
На чужой-ту, дальной стòронѣ
Не знаю, кому повѣдать горе-кручинушку;
Сойти мнѣ во тёмную во горенку,
Припасть, молодѣ, на придàную коробушку,
Повѣдать-то мнѣ горѣ-кручинушку.

XVII. При приближенiи дружекъ:

Не боитесь, не страшитесь, люди добрые!
Не надъ вами туча грянула,
Туча грянула, стрѣла ударила—
Надо мной одной туча грянула,
Стрѣла ударила.
Погляди-ко, кормилецъ-батюшка, кругъ нашего дому благодатнаго,
Подымается туча грозная,
Туча грозная, громовитая—
Подъѣзжаютъ-то чужи люди
Съ чужiё дальны стороны
Къ нашему дому благодатному.
Послушай-ко, сударь-кормилецъ-батюшка,
Пошли-ко сокола брата милаго,
Что-бы купилъ замки да полужёные,
Ключики да мѣдные,
И заперли-бы воротечка тесовыя,
Не пустили-бы въ благодатный домъ.
Ты поставь, кормилецъ-батюшка,
Ко дверямъ—придверничка,
Ко широкимъ воротамъ—ты сторожа,
Воротятся чужѝ люди,
Оставятъ меня молодёшеньку,
У кормильца-то у батюшка, у родимой-то у матушки.
Ужъ какъ можно знать, догадатися,
Не воротится пора времячко,
Ужъ какъ приводитъ Боже-Господи
Ко судьбѣ-то ко Божьей—
Идти во чужѝ люди.

XVIII.

Ужъ какъ стать-то мнѣ молодёхонькѣ,
Проти этого чуднаго образа,
Помолиться Боже-Господу;
Ужъ мнѣ складывать крестъ по писанному,
Молитву творить Iисосову.
Ужъ какъ первый поклонъ поклонюсь за царя благовѣрнаго,
Какъ второй поклонюсь за царицу благовѣрную,
Ужъ какъ еще поклонъ поклонюсь за свою волю великую,
Какъ теперь мнѣ, молодёхонькѣ, по лѣвую по рученьку
Стоятъ бѣлыя берёзоньки,
Какъ по правую по рученьку
Стоятъ сады-то всё зелёные,
Съ виноградомъ со увѣшаньемъ;
На зади у молодёхоньки
Стоятъ лѣса-да тёмные,
Лѣса тёмные, дремучiе,
Попередъ молоды краситъ красно солнышко,
Свѣтитъ да свѣтёлъ мѣсяцъ:
Ужъ какъ можно мнѣ знать, можно вѣдати,
Самой да догадатися—
Не сады стоятъ зелёные съ виноградомъ со увѣшаньемъ—
Сидятъ мои всѣ сродники,
Всѣ дядюшки, всѣ тётушки и голубушки милы́ сестры;
Не берёзоньки стоятъ бѣлыя
Сидятъ-то мои милыя подруженьки,
Всѣ весёлыя и радошныя, баскiя и нарядныя;
На зади у молодёхоньки
Не стоятъ лѣса темные, лѣса тёмные, дремучiе—
Стоятъ народъ-люди добрые,
Всѣ сосѣди, и сосѣдушки, и сосѣдски малы дѣтушки,
Поперёдъ-то молодѣ не краситъ-то красно солнышко,
Не свѣтитъ-то свѣтёлъ мѣсяцъ—
Стоитъ кормилецъ-батюшка и родимая моя матушка
Съ великимъ благословеньицемъ,
Съ сердечнымъ надиленьицемъ.

XIX.

Благослови, кормилецъ батюшко,
Во послѣднёе, во останное,
Пока во душахъ да красныхъ дѣвицахъ,
Во своей волѣ великоей:
Надѣлите-ко, сударь-кормилецъ-батюшка
и родимая моя матушка,
Надѣлите счастьицемъ, талантецомъ—
Благословите меня молодёхоньку.
Я слыхала, молодёхонька, родительское
благословеньице великое, надѣлённое
На водѣ-то оно нѐ тонетъ,
На огнѣ-то оно нѐ горитъ,
Въ чужихъ людяхъ не загончиво.

XX.

Ужъ у насъ во свѣтлой свѣтлицѣ,
Во столовой новой горницѣ
Какъ сидитъ моя милая подруженька.
Ты послушай, моя милая, задушная подруженька,
Я объ чёмъ да буду гѐворить,
Понизкỳ да буду кланяться,
Не оставь-ко моіё просьбы великія:
Сѣдь-ко на моё мѣсто почётное,
Почётное, княжицкое—
Замѣни меня молодёхоньку,
Отъ этой поры-времечка;
Не пожалѣла-бы я, молодёхонька, своего платья цвѣтнаго,
Хошь-бы я, молодёхонька,
Осталась у кормильца у батюшка, у
кормилицы у матушки
По старому, по прежнему,
Да всё-бы по дотольному:
Я пошла-бы молода съ задушныим подруженькамъ
Во весельѣ, во радости на смиренную
бесѣдушку.
Можно мнѣ знать, можно вѣдати,
Самой да догадатися—
Не замѣнитъ задушная подруженька
Что меня да молодехоньку:
Ужъ какъ дѣвка-то я стала на возрастѣ
И невѣста-то стала на выдачѣ—
Ужъ такъ можно мнѣ знать, можно вѣдати,
Никто не замѣнитъ меня молодёхоньку.
Видно приводитъ мнѣ Боже-Господи
Самой садиться молодёхонькѣ
Во мѣсто во княжицкое.

XXI. Невѣста садится съ братомъ, который будетъ «продавать»

Ты послушай, соколъ милый братъ,
О чёмъ я буду гѐворить, понизкỳ да
буду кланяться,
Не оставь моёй просьбы великіё:
Какъ пріѣдутъ-то чужи люди,
На сдавайся ты на ласковы словечушка—
Какъ у этихъ у чужихъ людей
Золотà казна заёмная,
Ласковы слова научёныя.
Ты за мѣстечко-то проси 100 рублей,
За выкупъ проси тысячу,
За меня молоду цѣны не сказывай—
Ужъ какъ я, молода, зародилася у своего кормильца батюшка,
Зародилась я безцѣнная.

XXII. Послѣ продажи мѣста невѣста обращается къ брату:

Богъ тебѣ судья, соколъ милый братъ,
Промѣнялъ ты меня молодёхоньку,
На стаканъ зеленà вина.
Какъ теперь я, молода,
Рѐвнушко на льду подломилася,
Во проломъ да опустилася,
Чужимъ людямъ покорилася.
Не сама я покорилася чужимъ людямъ,
Впередъ-то покорился сударь-кормилецъ-
батюшка и родимая матушка.

XXIII. Когда подносятъ дружкѣ вина, не называя его, и тотъ принимаетъ противъ обычая:

Ужъ какъ Богъ тебѣ судья, кормилецъ-батюшко:
Нахвалили вы чужихъ людей,
Что и умны и разумные,
И школьные, проворные,
Знаютъ, какъ съ людямъ обойтитися,
Понизку да поклонитися—
Какъ эти-то чужи люди
Видно въ лѣсѣ они родилися,
Пенью богу они молилися:
Не знаютъ, какъ назвать ихъ по имени,
Извеличать поизвотчеству.

XXIV. Когда невѣста (сирота) обдаритъ всю родню:

Какъ послушай-ко, родимая-матушка, соколы да братья милые.
Я спрошу васъ, молодехонька,
Всю-ли родню я обдарила:
Всѣхъ-ли дядюшекъ и тётушекъ, братовей да своихъ милыихъ,
И голубушекъ родныхъ сестеръ?
Я сама да знаю вѣдаю,
Я во горюшкѣ, во кручинушкѣ,
Во печали во великоёй
Позабыла я, не сдумала своего кормильца-батюшка.
Не слыхали красны дѣвицы,
Свѣтла свѣтлица раскуталась,
На пяту да становилася,
Со пяты долой спустилася
Потихохоньку, полегохоньку.
Не въобьявь да людямъ добрыимъ
Какъ во нашей свѣтлой свѣтлицѣ
Вдругъ раскрасило красно солнышко,
Разсвѣтилъ-то свѣтёлъ мѣсяцъ.
Остронитесь-ко, народъ-люди добрые, на всѣ четыре стороны!
Не конёмъ минѣ проѣхати,
Не корабль-да животовъ вести—
Одному пройти-проѣхати
Моему кормильцу батюшкѣ
Со великимъ надѣленьицемъ,
Съ сердечнымъ благословеньицемъ.
Можно знать, можно вѣдати самой молодехонькѣ,
Съ того свѣту, втораго Суда
Нѣтъ не выходу не выѣзду,
Не коннаго, не пѣшаго,
Не письма нѣтъ, не грамотки,
Некакого проповедчика.

XXV. При прощаньи:

Ты прощай, кормилецъ-батюшка и родимая моя матушка,
Прощайте меня молодёхоньку!
Живите безъ меня—разживайтеся,
Наживайте кошельки да золотой казны.

XXVI. Утромъ, въ день свадьбы:

Ты послушай-ко, сударь-кормилецъ-батюшка и родимая моя матушка,
Спалась-ли вамъ ночка тёмная,
Спалась-ли вамъ, лежалась-ли?
Ужъ какъ мнѣ, молодёхонькѣ,
Не спалась да ночка тёмная,
Не спалась да не лежалася.
На малёхонько призабылася—
Какъ приснился мнѣ некорыстный сонъ,
Некорыстный сонъ, не радостный.
Ужъ какъ, ровнушко, кормилецъ-батюшко, у васъ на широкоемъ дворѣ
Выростала бѣлая берёзонька,
Бѣлая берёзонька, кужлявая,
Со кореньицемъ со рудовыимъ,
Со отростелькамъ со вѣтляныимъ,
Со листичкамъ со шелковыимъ.
Какъ еще, кормилецъ-батюшка, на вашемъ широкомъ дворѣ
Столбы-ти пошатилися,
Верей да подломилися.
Какъ еще, кормилецъ-батюшка, у вашего дому благодатнаго
Часта ли(ѣ)синка разсыпалась

По одной да половничинкѣ.
Ты послушай, кормилецъ-батюшка,
Наряди-тко своего сына милаго,
Кой на ноженьку скорёхонёкъ,
На посылочку легохонёкъ,
Ты пошли-ко къ попамъ его, къ дьяканамъ, ко всѣмъ причетникамъ—
Не разсудятъ-ли не корыстный сонъ.
Ужъ можно мнѣ знать, можно вѣдати:
Выростала-то не бѣлая берёзонька—
Выростала красна дѣвица со своимъ бѣлымъ ноженькамъ,
Со своимъ бѣлымъ ученькамъ, со своей да буйной головой.
Не столбы-ти пошатилися,
Не вереи подломилися—
Ужъ какъ я, молода, ровно на льду проломилася,
Во проломъ да опустилася.
Не часта лисенка розсыпалась—
Розсыпалась руса коса по одной да волосиночкѣ.

XXVII. При собираньи невѣсты къ вѣнцу:

Ты послушай, моя милая подруженька,
Заплети-ко русу косоньку во послѣдніё, во останныё,
Еще заплети-да русу косу
Со всякимъ хитростямъ-мудростямъ:
Заплети-ко въ русу косоньку три ножичка,
Три ножичка, три булатные,
Три булатные, укладные:
Какъ сведутъ-то меня, молодёхоньку,
Въ Божью церковь во соборную,
Поставятъ-то въ вѣнцу золочёному,
Станутъ-то надѣвать вѣнцы золочёные
На мою да буйну голову,
Станутъ расплетать русу косоньку чужи люди—
Обрѣжутъ они руки бѣлыя,
Отступятся отъ меня, отъ молодёхоньки,
Уйдутъ-то изъ Божьей церкви соборныя,
Оставятъ меня, молодёхоньку,
Стану жить-то я по старому,
По старому—по прежнему.

XXVIII. «Воля», такъ называется этотъ причетъ.

Какъ теперь отошла воля великая,
Отшумѣли вѣтры-вихори.
Отговорили теперь люди добрые,
Отговорили славу добрую,
Славу добрую, рѣчь хорошую про меня молодёхоньку.
Ужъ какъ систи (сѣсти) молодѣ подъ переднее окошечко,
Откутáть-то мнѣ окошечко—
Поглядѣть молодѣ, куда пошла воля великая,
Во которую путь-дороженьку.
Ужъ какъ пошла моя воля великая,
Пошла вонъ изъ свѣтлой свѣтлицы
И пошла на калиновъ мостъ;
Съ калиноваго моста—на красноё крыльцо,
Съ краснаго крыльца—на свѣтлу лисенку.
Пошла-то воля великая,
Пошла она, заохала,
Зарыдала и заплакала,
На меня да разсердилася,
Пóвѣки она не сулилася.
Вошла моя воля великая во лѣса во темные,
Въ лѣса темные, дремучіе;
Какъ нашла да три дороженьки.
По первой пошла по дороженькѣ—
Медвѣдь-то лежитъ со медвѣдицей,
Ужъ тутъ моя воля испугалася,
Со дороженьки ворочалася.
Какъ еще-то нашла дороженьку,
На этой-то путѣ-дороженькѣ
Лежитъ змѣй со змѣятами;
Ужъ какъ тутъ-то моя воля испугалася,
Со дороженьки ворочалася.
По третьей-то пошла по дороженькѣ—
Зелёной-отъ лугъ лежитъ разрывчатый,
Ужъ какъ тутъ моя воля испугалася,
Со дороженьки ворочалася.
Ужъ какъ можно знать, можно вѣдати,
Самой да догадатися:
По первой по дороженькѣ

Не медвѣдь лежитъ съ медвѣдицей—
Свёкоръ со свекровушкой,
На второй-то на дороженькѣ не змѣй со змѣятами—
Девѣрья со золовушкамъ;
Какъ на третьёй на дороженькѣ
Не зелёный лугъ лежитъ разрывчатой—
Лежитъ чужъ чуженинъ (женихъ)
Съ чужіё сторонушки.

XXIX.

Какъ пошла я, молода, по пути да по дороженькѣ,
На встрѣчу-ту идетъ старость бабьяя,
На горбу-то да кошель виситъ,
Костылемъ да подпирается,
Сама собой да похваляется:
«Какъ тебя я, красна дѣвица,
Взавтра малёхонько, поране этого,
Обесчещу, красна дѣвица—
Сыму съ головушки дѣвью красоту,
Росплету я русу косоньку при народѣ, при добрыхъ людяхъ,
При попахъ и при дьяконахъ,
При всѣхъ причетникахъ,
При милыхъ задуш(ев)ныихъ подруженькахъ».

XXX.

Подойди-ко, родима тётушка ко мнѣ молодёхонькѣ
Во послиднiё, во останныё,
Научи-ко, какъ жить во чужихъ людяхъ,
Привыкать-то мнѣ во чужимъ отцу-матери,
Какъ тошнѣе того привыкать къ чужому-чужѣнину—
Ужъ какъ ровно къ крапивушкѣ ко жгучей,
Ко морозу ко трескучему.

XXXI. Невѣста пѣняетъ отцу, что далёко просватали:

Поверсталъ (просваталъ)-бы ты меня, кормилецъ-батюшка,
Поблизёхоньку—на одворинку.
Вы верстаете меня, кормилецъ-батюшко.
Далёкимъ-то далёкохонько—
На чужую дальну сторону:
На эту-то дальну сторону
Не ходятъ, не ѣздятъ добры-люди,
Только летаютъ однѣ вольны пташечки
По жеребью да по порядочку.

XXXII. При рукобитьѣ, невѣста проситъ свою замужнюю сестру:

Подойди-ко ты ко мнѣ, голубушка мила сестра,
Пока я во своей волѣ великой,
Во душахъ во красныхъ дѣвицахъ,
Подсоби-ко ты мнѣ горюшка погоревать,
Великихъ слёзъ поубавити;
Поучи-ко, моя голубушка, уму-разуму,
Какъ жить во чужихъ людяхъ;
Нашьто (вѣроятно) много надо ума-разума
И обычая-то лёгкаго;
Не дадутъ далёко мнѣ разгуливать,
Широко они расхаживать?

XXXIII. Сестра, въ отвѣтъ на просьбу невѣсты:

Ты послушай-ко, голубушка мила сестра,
Не знаю, молода, испугать-ли тебя, обрадовать,
Какъ жить во чужихъ людяхъ.
Ты живи-ко, моя голубушка,
Держи голову споклонную,
Ретиво сердце спокорливо;
Называй-ко ты ихъ по имени,
Величай по изотчеству;
До чужого-то чужѣнина
Будь ты ласкова, привѣтлива,
Еще, моя голубушка,
Ты живи-ко во чужихъ людяхъ,
Не держи-ко задушныихъ подруженекъ;

Когда стоскуется, сгру́стнется,
Ужъ какъ выйди ты во чисто́ полѐ,
Припади-ко на горючей на камешокъ
своимъ ретивымъ сердечушкомъ.
Повѣдай свое горюшко великоё:
Горючъ камешекъ не выскажетъ,
Мать-сыра земля не вынесетъ.

XXXIV. Невѣста благодаритъ за совѣтъ:

Спасибо тебѣ, голубушка мила̀ сестра,
Поучила меня уму-разуму,
Ровно легче-то стало ретиву́ сердцу.

Слѣдующіе (дѣтскіе) стихи обращаютъ вниманіе своей формой—размѣромъ, совершенно похожимъ на тоническое стихосложеніе. Такое стихосложеніе, по господствующему мнѣнію, было чуждо народной поэзіи, а въ искусственной впервые введено Тредьяковскимъ и Ломоносовымъ. Дѣтскіе стихи, колыбельныя пѣсни представляютъ всѣ виды тоническаго стихосложенія, хотя среди нихъ мало стиховъ строго выдержанныхъ по формѣ, т. е. напр., одинъ хорей; чаще всего въ смѣси:

Хорей.

I.

—«За́яцъ бѣ́лой
Ку́да бѣ́галъ»?
—«Въ лѣ́съ ду-бовый»
—«Что́ тамъ дѣ́лалъ»?
—«Лы́ко дралъ».
—«Ку́да клалъ»?
Па́дъ ко-ло́ду».
—«Кто́ у-кралъ?
Ши́шелъ вы́шелъ,
Во́нъ по-шелъ.

II.

До́ждикъ, до́ждикъ,
Пѐре-станъ!
Я по-ѣ́ду въ Го́рно-стай
Дактилъ: Бо́гу мо-ли́ться, Хри-
сту̀ поклони́ться.
У Хри-ста́ сиро-та́ отво-ря̀ла во-
рота.

III.

Ра́дуга, дуга, (смѣшанный).
Не давай дождя,
Да́вай солнышка—колоколнышка.

IV.

За́горѣлся ко́шинъ домъ,
Ко́шка вы́бѣжала,
Гла́за выпучила,
По́бѣ-жа́ла къ ка́ба-ку.

V.

Гуля-Гуля голубокъ,
Кто тебя зарѣзалъ?
Батюшка зарѣзалъ,
Матушка велѣла.
Сестрица не ѣла,
Падъ столомъ сидѣла,
Косточки глодала,
На небо кидала.
На небѣ-то люди;
Люди пропали
Вора оклепали.
Воръ-то божится:
«Право-нера́во, не я».

VI (колыбельная).

Гули, гули-гуленьки,
Прилетали голубки.
Стали òни ворко-вать,
Стали Митеньку качать.

VII (когда ходятъ въ лѣсъ за грибами, просятъ):

Никóла Микóла, (Амфибрахій)
Напóлни лукóшко
Стóгомъ верхóмъ
Перевыртышкомъ!

VIII.

Чикúлики, микúлики,
По кýсту, по нáсту,
По лёбедю горáзду.
Шишелъ вышелъ,
Вонъ пошелъ!

Этимъ стихомъ находятъ, кому въ извѣстной игрѣ «водить», т. е. напр., если играютъ, «въ убирки», то всѣ прячутся—убираются, а одинъ ищетъ—«водить». Вожатаго выбираютъ такъ: участники игры становятся въ кружокъ, и одинъ говоритъ стишокъ, ударяя на каждой стопѣ по порядку одного изъ мальчиковъ; кому ударъ придётся на послѣдней стопѣ, тотъ и водитъ.

Коляда на Рождество, записана въ Хмѣлевской волости, Пошехонскаго уѣзда.

Благослови-ко ты, хозяинъ,
Подъ окошкомъ стать,
Коляду разсказать.
Ужъ какъ наша коляда
Не велика, не мала—
Она въ двери не лизетъ,
Въ окошко шьетъ,
Черезъ улицу метететъ,
Черезъ тынъ подаетъ.
За заслонкой-то жолудокъ—
Подавай его сюда;
На полицѣ-то пирогъ—
Ломай поперегъ.
Кто дастъ пирога—
Цѣльный дворъ живота;
Кто не дастъ пирога
Ни кола, ни двора,
Ни милаго живота.

«Азбульба»—современная дѣтская игра указываетъ на древнее происхожденіе дѣтскихъ игръ и безпеременную ихъ передачу, можетъ быть впродолженіи столѣтій до настоящаго времени. Такъ, въ этой игрѣ сохранилось древне-славянское слово «азъ»—я, потерявшее въ наше время для народа свое значеніе: игра называется «азбульбой»—именемъ, въ которомъ соединены два слова—«азъ» и «бульба». Въ примѣненіи къ дѣтскимъ игровымъ стихамъ это свойство имѣетъ особое значеніе, доказывая, что тоническое стихосложеніе дѣтскихъ стиховъ имѣетъ очень древнее происхожденіе.

Игра эта такова. Изъ участниковъ игры одинъ становится къ стѣнѣ, другіе въ недалекомъ разстояніи отъ него.

Стоящій у стѣны говоритъ:

—«Азъ Бульба»?

—«Ты Бульба»—отвѣчаютъ другіе.

—«Нажимай кулаки»! командуетъ Бульбá.

—«На чье боки»? спрашиваютъ другіе, приготовляясь напасть на того, кого назоветъ Бульба.

Бульба называетъ одного изъ участниковъ, на котораго тотчасъ-же всѣ нападаютъ, стараясь дольше не допустить до стѣны, гдѣ его не трогаютъ, и онъ самъ

становится Бульбой. Если его сшибутъ съ ногъ, когда онъ не успѣетъ добѣжать до мѣста, его не трогаютъ, предупреждая другъ друга: «лежачаго не бьютъ». Добѣжавъ до мѣста, онъ кричитъ: «Чуръ (славянскій богъ) на мѣстѣ»!—которое останавливаетъ тотъчасъ его рьяныхъ преслѣдователей.

Пѣсни и причёты—въ дополненіе собранныхъ отъ 1892—96 гг. по Меленковской волости, Ярославской губ.

I. Старинная народная пѣсня.

Какъ во городѣ во славномъ Кіевѣ
У богатаго купца были три сына.
Отецъ съ матерью ночку не спали,
Ночку не спали, думу думали:
«Намъ котораго сына въ содатушки отдать—
Ужъ какъ перваго отдать—дѣти малыя;
Намъ второго отдать—жена умная;
Намъ отдать не отдать сына младшаго».
Ужъ какъ младшій сынъ распкакался,
На отца, на матерь пораспрогнѣвался:
«Уже что я вамъ, или не сынъ былъ»?
«Или ты мнѣ—не родная мать,
«Не родная мать, злая мачиха»?

II. Свадебный причётъ (импровизація одной невѣсты-сироты; переданъ ея тёткою).

Ты поди, кормильца тётушка,
Что ко мнѣ да молодёхонькѣ,
Къ сиротѣ да горе-бѣдноей;
Не прогнѣвайся, моя кормилица,
Что не вышла, да не встрѣтила,
Не брала я за бѣлы руки,
Не садила на честно мѣсто,
На честно мѣсто, на лавочку.
Я спрошу да, молодёхонька,
Ужъ ты ѣхала путемъ-дорогою,
Ты глядѣла на всѣ четыре стороны—
Не летятъ-ли гуси сѣрые,
Не летитъ-ли младъ ясенъ соколъ;
Не идетъ-ли кормилецъ-батюшка
Не несетъ-ли кормилецъ-батюшка
Во рукахъ-то Богородицу,
Во устахъ благословеньице?
Вѣрно мнѣ да, молодёхонькѣ,
Видно ждать да не дождатися,
И глядѣть не доглядѣтися не съ которую сторонушку.

III.

Вы послушайте, братья-батюшки,
Я о чёмъ да буду говорить,
Понизку̀ да буду кланяться—
Отъ бѣла лица—до пояса,
Я отъ пояса—до сырой земли:
Я пойду да, молодёхонька,
Во поля-то я во чистые,
Во луга да во зелёныё,
Во траву да во шелковую;
Положу я дивью кра̀соту
Во траву да во шелковую;
Что придётъ да лѣто теплоё
И пойдёте, братья-батюшки,
Со косами да со вострыми,
Вы подрѣжите дѣвью красоту во лугахъ да во зелёныхъ,
Принесите во свой благодатный домъ,
Положите, братья милые, подъ середнеё окошечко.

Нѣкоторыя измѣненія въ ранѣе сообщенныхъ и отрывки.

I.

Не бѣла̀ лебедь вскричала—
Мать по дочери всплака̀ла:
«Дорогая дочка милая,
Чадо милое—дочь любимая,
Позабыла ты трой ключи:
Первый ключь отъ свѣтлой гореньки,
Второй—отъ комода красна деревца,
Ужъ какъ третій ключь отъ своей велюшки».

II.

Облеталъ соколъ всю Святую Русь,
Не нашёлъ соколъ житья, лучше дѣвичья:
Житьё дѣвичьё—воля вольная,
Воля вольная, безуёмная.

На челобитьѣ (одинъ изъ древнихъ свадебныхъ обычаевъ, до сихъ поръ сохранился въ Химелевской волости, Ярославской губерніи).

Нѣкоторыя загадки при продажѣ мѣста.

Двери комнаты, гдѣ сидитъ невѣста, держатъ подруги,—не пускаютъ дружку, пока онъ не прочитаетъ Іисусовой молитвы. Дружка подходя къ столу, гдѣ сидитъ невѣста, опять читаетъ ту-же молитву. Кто продаетъ мѣсто (часто сторонній ловкій человѣкъ) начинаетъ загадывать загадки дружкѣ. За неотгадку дружка платитъ золотой казной. Для этого, чтобы произошла «замятка»—дружка не отгадалъ бы, дѣвицы подымаютъ столы на одни ножки и зажимаютъ въ столѣ сучки. Предъ загадываніемъ входятъ поѣзжане.

—«Чѣмъ ты напередъ шёлъ»!—спрашиваетъ продавецъ мѣста дружку; если послѣдній не опытенъ, то можетъ отвѣтить не впопадъ—«Ногами»,—напр., (отгадка—Іисусовой молитвой).

—«Подай мнѣ море на четырёхъ столбахъ»? (Яндову съ пивомъ).

—«Самъ нагъ, рубашка подъ пазухой»? (Свѣчка восковая).

—«Поставь домъ—углы вызолоти, середку высеребри». (Накласть денегъ на столъ—на углы золото, чаще, конечно, серебро; на срединѣ серебро или мѣдь).

—«Подай сиваго коня, чтобы могъ вывесть меня»? (женпха).

Во время столованья до вѣнца, женихъ садясь за столъ, наступаетъ правую ногу невѣсты и беретъ правую руку «отъ порчи».—Обычай, с. въ Хмѣлевской волости, Пошехонскаго уѣзда.—Здѣсь-же сохранились старинныя названія и существуютъ роли при свадебной церемоніи, не говоря уже о дружкѣ, полудружьѣ, сватахъ, свахахъ, посаженомъ отцѣ матери, тысяцкаго, который не отлучается отъ жениха и во время обрядовъ водитъ его подъ руку; названія «большого или меньшаго барина»—большого и меньшаго боярина.

О сохранившемся до сихъ поръ обрядѣ «челобитья» упоминается въ описаніяхъ свадебъ второй царя Михаила Θеодоровича и первой Алексія Михайловича: «Государь.. послалъ царицыныхъ дружекъ къ царевнѣ сказать, что-бъ она шла въ грановитую палату на мѣсто. Они-же, пришедъ, ударили челомъ, и старшій изъ нихъ сказалъ» и т. д.

Изъ народныхъ суевѣрій по Ярославской губерніи:

I. Прощаніе съ землей. Обычай этотъ соблюдается «въ притке», т. е. такой загадочной болѣзни, для которой онъ не находитъ причинъ. Такъ, совершенно до этого времени здоровый человѣкъ, находясь на волѣ — въ ѣздѣ, на работѣ, въ ходьбѣ, вдругъ почувствуетъ боль въ какой-нибудь части тѣла; если, спустя нѣкоторое время, болѣзнь не только не прекратится, но будетъ усиливаться — для крестьянина несомнѣнный признакъ, что онъ наказанъ отъ матери-сырой земли за свою провинность. Чтобы выздоровѣть, нужно проститься съ мѣстомъ, гдѣ почувствовалъ боль. Прощаются на девяти вечернихъ и девяти утреннихъ зоряхъ. Приходя на мѣсто, становятся лицомъ къ востоку и трижды говорятъ: «прости, мать-сыра земля, въ чемъ тебѣ я досадилъ». Послѣ каждаго заговора дуютъ и плюютъ черезъ правое плечо и кланяются въ землю. Если «попритчится» скотинѣ, хозяева, за неизвѣстностью мѣста, прощаются за скотину на повѣти.

II. Заговоръ отъ грыжи. Когда гдѣ нибудь у крестьянина появится грыжа, подъ которой часто разумѣютъ всякую опухоль на тѣлѣ—то самымъ вѣрнымъ средствомъ считается самому грызть зубами грыжу по зорямъ, приговаривая при этомъ: «грыжа, грыжа, не ты меня грызешь, а я тебя грызу».

III. Озёпъ. Такъ называется въ народѣ болѣзнь, которая приключается отъ дурного глазу. Болѣзнь эта можетъ выражаться, по повѣрью, въ разныхъ формахъ и иногда настолько сильныхъ, что можетъ кончиться смертью. Отъ озёпа лѣчатъ особые, «знающіе» люди. Лѣченіе состоитъ въ отчерпываньи воды. Въ чёмъ состоитъ отчерпыванье—составляетъ секретъ «знающихъ» людей.

IV. Урош(ч)ные камни. Такъ называются находимые по большей части въ рѣкахъ желтые, фигурчатые съ дырочками камни, которые привѣшиваютъ къ нашести куричьей, чтобы водились куры. Урочные камни особенно необходимы, когда курицъ обижаетъ кикимора, выдергиваетъ имъ перья и всячески томитъ ихъ.

V. Оськи соты считаются самымъ вѣрнымъ средствомъ, чтобы водился скотъ.

VI. Чтобы предотвратить неурожай, который всегда бываетъ, когда поворуютъ въ полѣ или огородѣ, окуриваетъ это мѣсто гнилой соломой.

Сказеньки.

I. Объ женскомъ ехидствѣ. Билъ мужъ жену, хотѣлъ добиться, чтобъ она не ругалась. Побьётъ, побьётъ да отстанетъ; а жена всё: «скребокъ да скребокъ»—такъ ругали мужа.—Билъ онъ её, билъ, а баба всё ругалась, пока языкъ ворочался. Наконецъ, добился до того, что отшибъ ей языкъ и запряталъ подъ лавку. Но и тутъ не унялась ехидная баба,—не языкомъ, такъ другимъ досадила мужу: забитая подъ лавку, безъязыкая, она ногтями скребла полъ, напоминая о его ругательномъ прозвищѣ.

II. Лѣнь и отетень (понятіе подобнаго рода лѣни). Лежали лѣнь да отетень подъ яблонью. И говоритъ лѣнь отетеню: «отетень, отетень, раскрой ротъ—яблоко-то съ яблони и попадетъ въ него». А отетень лѣни и отвѣчаетъ: «лѣнь, лѣнь, какъ тебѣ не лѣнь ротъ-отъ роскрывать»!

Приводимыя пѣсни представляютъ образцы примѣненія старинныхъ причётовъ, представляющихъ прежнія идеальныя семейныя отношенія къ настоящимъ, современнымъ, часто далеко не добрымъ.

Причитаетъ мать надъ сыномъ, который женится «по своей волѣ»—не спросивъ согласія родителей.

I.

Сядись-ко ты, родимое дитятко,
Въ дорогоё-то мѣсто княженецкоё,
Скажи-ко мнѣ, дородный добрый молодецъ,
Попрошáлъ-ли ты благословеньица великаго,
Надѣленьица сердешнаго?
Такъ скажи-ко, мое болѣзное дитятко,
Благословилъ-ли тебя родимой-отъ батюшко
Верстаться (жениться) безъ поры—безо времечка.

Я сама да знаю-вѣдаю,
Не благословилъ-бы тебя родимый батюшко;
Только я да бѣдна горькая
Дала тебѣ благословиньице великое
И не отъ радинья-то родимаго сердечушка—
По неволюшкѣ по великоей.
Что ты ростъ-то у меня не по сиротскіе,
Гулялъ-то ты не по молодецкіе;
Безпокоилъ меня горе-бѣдную—
Прогуливалъ да ночки тёмные,

Просыпалъ да деньки бѣлые.
И скорбилъ ты меня горе-бѣдную,
Что досаждалъ ты людямъ добрыимъ,
Всѣмъ сосѣдямъ и сосѣдушкамъ
И верстаю тебя, болѣзное дитятко,
Не на славу добрымъ людямъ—
На большое осужденьице.

II.

Я одна да горе-бѣдная,
Что живу да на бѣломъ свѣтѣ;
Некому мнѣ повѣдать своего горя-кручинушки,
Что неволюшки великоей.
Какъ стоскнется мнѣ и взгрустнется,
Выйду я во чистб-поле,
Сяду я на горючь камень,
Скукую я по кукушечью,
Сгорюю я по горюхину
И подамъ да свой сдышёнъ голосъ
Высоко да по поднебесью,
Далёко да по Святой Руси—
Въ города-ти понизовскіѐ,
Ко своей да ладѣ милоей.

Одинъ изъ «спасательныхъ»—которыми невѣста благодаритъ родню—причетовъ.

Спасиботе вамъ, братья-батюшки,
Что украсили красну дѣвицу,
Съ головы-то да дѣвью красоту,
Русу косоньку—алымъ ленточкамъ,
Со стану-то меня платьемъ цвѣтнымъ.
Какъ я стану жить во чужихъ людяхъ,
Не покиньте ко меня, братья милые,
Приголубьте вы меня,
Хоть не хлѣбомъ-солью — Божьей милостью,
Ласковымъ словомъ привѣтливымъ.

Изъ причёта къ свату.

Въ лапти-ти злодѣй (сватъ) обувается,
Къ нему кйла надвигается,
Онъ отъ кйлы отпирается:
«Не моя,—де, кила—дружкина,
Кила дружкина съ полудружьемъ».

Старинная пѣсня (стихъ съ риѳмами).

Тòмилъ свбй очи—
Нѐ спалъ до полночи.
Весь я истомился,
На бокъ спать ложился.
Сталъ я засыпáти—
Горе забывàти.
Прйшла кò мнѣ радость, радость дорогая,
Радость дорогая—дѣвица любáя.
Брякнула въ колечко,
Вышелъ на крылечко.
Сталъ я отпирати,
За ручѐньки брáти.
За рученьки брати—повелъ во свѣтлицу,
Пòвелъ во свѣтлицу красную дѣвицу.
Пòсадилъ за столикъ,
Налилъ вина чару,
Налилъ вина чару, самъ я выпилъ пару.

Сообщилъ Яковъ Ильинскій.

Рекрутскія причитанія.

(Въ Тульской губ.).

Къ солдату народъ относится сочувственно и любовно: въ немъ видитъ защитника царя и отечества, его признаетъ человѣкомъ бывалымъ, много видавшимъ и умудреннымъ долгимъ пребываніемъ на чужой сторонѣ «въ военной наукѣ», и ему посвящаетъ массу сказокъ, въ которыхъ выводитъ его всегда торжествующимъ героемъ.

Но не смотря на это свое уваженіе и на эту любовь къ солдату, народъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ отбыванію воинской повинности,—и уходъ изъ семьи члена въ солдаты для крестьянскаго семейства является великимъ горемъ и представляется большимъ несчастіемъ.

Хотя крестьяне говорятъ, что «въ нонѣшнее время отслужишь—собака съ кошкой не забудутъ, а прежде со службы придешь—ни роду, ни племени», но собственно чувства, которыя приходится испытывать имъ при проводахъ рекрутовъ, почти также тяжелы и ужасны, какъ и въ прежнее время—въ періодъ стараго порядка отбыванія рекрутчины, когда солдатская служба называлась «злодійной», «грозной», «убойной»,— начальники — «супостатами», «злодіями», «свирѣпыми», «скрозекозными»,— солдатское житье—«великимъ безталаньицемъ и горе-горькіимъ живленьицемъ»,—когда жена и мать совѣтывали рекруту — «безчастноей головушкѣ» «на убѣгъ бѣжать», «укатиться отъ родинки на чужую сторонушку на эти уречныя недѣлюшки», чтобы «не знали судьи не правосудные», «не догадались-бы власти страховитые [1])...

На сколько въ общемъ страшна еще для крестьянина военная служба, объ этомъ свидѣтельствуютъ случающіеся въ деревнѣ факты, когда парни, призывающіеся на службу, въ видахъ освобожденія отъ нея, увѣчатъ себя на всю жизнь, выворачивая или обрубляя у себя на рукахъ пальцы, употребляя знахарскіе настои, прививающіе къ нимъ часто неизлѣчимую чахотку, и т. п. А народная пѣсня даже не признаетъ никакой другой нужды, никакого другого горя, кромѣ солдатскаго:

Деревенски мужики
Съ псконъ вѣка дураки:
Во солдатахъ не бывали,
Нужды-горя не видали!..

Родные рекрута начинаютъ его оплакивать за нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ до разлуки съ нимъ, и причитанія въ домѣ его семейныхъ становятся обычнымъ явленіемъ: къ нимъ прибѣгаетъ въ минуту грусти и мать рекрута, и жена его, и сестры.

Самъ рекрутъ послѣдніе дни на родинѣ проводитъ обыкновенно въ пьянствѣ и разгулѣ съ своими сверстниками,—ему какъ-бы не по силамъ трезвому видѣть печальныя осунувшіяся лица своихъ близкихъ, слышать ихъ плачъ, выносить ихъ лихорадочные взоры, въ которыхъ видно столько душевной муки, и сознавать, что скоро наступитъ конецъ его «волюшкѣ»...

Яркую картину тѣхъ чувствъ, которыя приходится переживать близкимъ род-

---

[1]) См. Причитанія Сѣвернаго края, собр. Е. В. Барсовымъ. Ч. II, 1892 г. Москва.

ственникамъ при проводахъ кого-нибудь изъ родни въ солдатскую службу, представляютъ собою рекрутскія причитанія, записанныя мною въ Тульской губерніи.

Эти плачи не дышатъ эпическимъ складомъ и не содержатъ въ себѣ остатковъ древняго міровоззрѣнія народа, какъ «причеты» прежняго времени, записанныя напримѣръ, Барсовымъ;—они также уступаютъ послѣднимъ и въ широтѣ художественнаго замысла: въ новѣйшихъ плачахъ нѣтъ уже роскошнаго художественнаго описанія ужасныхъ картинъ солдатской жизни, нѣтъ похвалъ удали солдатъ и ихъ молодечества, нѣтъ изображенія побѣдъ или пораженій, заставляющихъ восторгаться или страдать національное чувство, и т. п., что мы встрѣчаемъ въ «причетяхъ» профессіональныхъ вопленицъ, — плачущая по рекрутѣ женщина въ настоящее время ограничивается изображеніемъ лишь своего личнаго горя, своихъ личныхъ чувствъ. И все-таки рекрутскія причитанія,—эти полу-пѣсни лирическія, полу-разсказы скорбныя,—не смотря на означенныя свои особенности, богаты такими оборотами, сравненіями и образами, и столько выражаютъ въ себѣ чувства, что невольно удивляешься создавшей ихъ духовной мощи.

Вотъ плачетъ жена рекрута. Сама она, очевидно, давно уже продумала и прочувствовала постигшеее ее горе, поражена имъ, но ей не вѣрится, чтобы другіе понимали весь ужасъ ея положенія. Поэтому прежде всего въ своемъ причитаніи она обращается къ самому близкому для себя человѣку—покидающему ее мужу, и, какъ-бы предлагая ему поразмыслить надъ постигшемъ ихъ несчастьемъ, говоритъ ему:

Куда жъ ты, мой другъ, собираешься?
Въ какую путь-дорожку широкую отправляешься?
Какъ намъ съ тобою разстаться,
Какъ намъ распрощаться будетъ?

За этими вступительными словами слѣдуетъ самое изображеніе горя оставляемой безпомощной женщины: вспоминается прошлое, рисуются картины будущаго.

Съ тобою мы жили—
Другъ дружку не обижали;
Мы съ тобою жили—
Людей не смѣшили:
Бывало ты меня уваживалъ...
Бывало ты меня приголубливалъ,—
Къ своему сердечушку прижималъ!
А теперь — на какой-же дороженькѣ поджидать тебя?
Изъ котораго хоровода выбирать тебя будетъ,
Откуда бѣленькимъ голубочкомъ прилетишь,
Меня обласкаешь?
Когда я опять услышу твое словечушко?
Когда дождусь отъ тебя поцѣлуя?
Скажи-же ты, дружечка моя милая,
Дружечка моя совѣтная!
Съ кѣмъ мнѣ поговорить будетъ?
Съ кѣмъ думку подумать?
При тебѣ-то, милая моя дружечка,
Я и умна и хороша была;
Безъ тебя, моя дружечка,
И осудятъ меня,—
Безъ тебя, моя милая,
И осмѣютъ меня!..
Безъ тебя всѣмъ буду смѣшна, постыла!..
Напримаюсь я горя безъ своего дружечки!
Пойду я съ трудной работушки домой,—
Думаю: встрѣтитъ меня мой другъ!
Думаю: привѣтитъ меня мой голубокъ!
Нѣтъ, не видать его ясныхъ очей,—
Нѣтъ, не слыхать его звонкаго голоса!
Приду я домой, думаю отдохнуть,—
А тутъ—одинъ туда посылаетъ,
Другой—сюда!
Всѣмъ угоди,
Вездѣ угоди!
Пойду-же я, горькая,
Пойду-жъ я, несчастная—
По чужимъ уголочкамъ шататься,
Буду я, разнесчастная, кукушечкой куковать!

Смотрите, мои глазушки,
Смотрите, мои слезовые!
На дружка моего милаго,
Какъ я его провожаю!

Провожу я своего друга,
Провожу я своего милаго,—
Возвращусь я въ свой домокъ,
На пустую кроватушку посмотрю...
Въ какой я уголокъ не гляну,
Въ какой я уголокъ ни кинусь,—
Вездѣ мнѣ холодомъ несетъ!..
Свалилась моя бѣдная головушка
По самыя плечики!
Огорвалось мое сердечко!
Родимая моя матушка!
На что-жъ ты меня породила такую горькую,
И въ чужіе люди опредѣлила—такую несчастную?
Лучше-бы мнѣ не родиться на такое горе,
На такое лютое!

Горе солдатки усложняется, когда она остается съ малолѣтними дѣтьми на рукахъ, такъ какъ ей приходится переживать результаты своего одиночества и безпомощности, переносить оскорбленія и обиды, уже не одной, а еще съ другимъ существомъ, близкимъ ей, но болѣе слабымъ, чѣмъ она сама.

Милый мой дѣтёнокъ!
Остался ты безъ своего батюшки!
Никто тебя, дитятко, не приласкаетъ,
Никто тебя милаго
Къ своему сердечку не прижметъ!
Сдѣлаешься ты, дитятко, въ семьѣ
Всѣмъ какъ будто не родной,—
Сдѣлаешься ты въ ней
Какъ будто чужой!
Будешь ты холодный и голодный,
Всѣ будутъ надъ тобой надругаться,
Всѣ будутъ говорить на тебя: обжорный!

Въ причитаньи солдатки встаютъ собственно тѣ-же картины горя, слышится та-же скорбь по утратѣ любимаго человѣка и вмѣстѣ—кормильца и заступника, что и въ похоронныхъ причитаніяхъ [1]). Да это впрочемъ и естественно, при долговременности предстоящей разлуки и постоянной для солдата возможности, въ случаѣ войны, положить свою душу «за царя и отечество». Но «пока живъ человѣкъ, живое и гадаетъ», говоритъ народная пословица. Такъ и въ данномъ случаѣ: женщинѣ не хочется думать, что проводы рекрута—для нея «послѣднее съ нимъ свиданьице»,.. и она боится, чтобы другъ ея милый не измѣнился въ отношеніяхъ къ ней, не увлекся другими «незаконными», и въ свою очередь старается успокоить своего мужа на счетъ себя, причитывая:

Голубчикъ мой милый!
Дорогая моя дружечка!
Дай Богъ, чтобы у тебя не нашлось лучше меня,
А я-то и не подумаю...
Другъ мой милый!
Напиши ты съ дальней сторонушки
Хоть словечушко,—
И это мнѣ будетъ радостно,
И это мнѣ будетъ весело,
Что ты меня не забылъ!

Женщина, ясно представивъ себѣ непригладное будущее, какое ожидаетъ ее по уходѣ мужа,—проникается лишь однимъ желаніемъ, чтобы это безотрадное скорѣе миновало, скорѣе-бы возвратился ея «дружечка», и жизнь ихъ потекла-бы по прежнему... Она голоситъ:

Милое мое дитятко!
Родимое мое дитятко!
Помолись ты Господу Богу милостивому
Возвратиться твоему батюшкѣ..
А то возростешь ты въ неродной семьѣ
Всѣмъ чужой!..
Будемъ мы своего батюшку поджидать,—
Придетъ онъ, мой дружечка,
Придетъ онъ нашъ милый!
Всѣ тои денечки,
Всѣ тыи часочки—
Всѣ я сосчитаю:
Авось мой дружечка воротится назадъ!

---

[1]) Ср. мою статью: „Похоронныя причитанія“, т. XIII—XIV Этнографическаго обозрѣнія.

Особенно тяжело это ожиданіе, когда находящійся въ солдатахъ не шлетъ домой никакого извѣстія:

Глянь,—о моей дружечкѣ слуху нѣтъ!
Выйду я на улицу;
Гляну на всѣ четыре сторонушки:
Нейдетъ-ли кто,
Не ѣдетъ-ли,—
Не несетъ-ли слушочку о дружечкѣ моей?
Никакого слуху нѣтъ
И никакой вѣсточки!

Плачъ матери, по своему содержанію, въ общемъ одинаковъ съ приведеннымъ плачемъ: и въ томъ и другомъ мы видимъ, прежде всего, воспоминаніе о прежнемъ житьѣ бытьѣ,—затѣмъ представленіе о будущемъ одинокомъ положеніи безъ сына или мужа, и наконецъ—томительное ожиданіе его возвращенія.

Прожитое прошлое, до разлуки съ рекрутомъ, рисуется остающимся женщинамъ въ привлекательныхъ краскахъ.—Женѣ рекрута жаль той жизни, когда она имѣла у себя надежнаго защитника и кормильца, который ее любилъ и «привѣчалъ» своими ласками, и съ которымъ ей приходилось жить, «не смѣша» людей,—не подавая повода другимъ къ пересудамъ и насмѣшкамъ. Мать-же вспоминаетъ о сынѣ, какъ ее уважавшемъ и обѣщавшемъ было ее покоить до конца ея жизни,—какъ о счастливомъ мужѣ, служившемъ ей на старости лѣтъ лишь однимъ утѣшеніемъ.

Наоборотъ, незавидно и печально положеніе покинутыхъ женщинъ,—матери сыномъ, а жены мужемъ.—Молодой женѣ, обыкновенно не успѣвшей съ мужемъ устроиться самостоятельнымъ хозяйствомъ, приходится «таскаться по чужимъ уголочкамъ» и претерпѣвать отъ другихъ, не исключая и родственниковъ,—обиды, оскорбленія и всякія огорченія: «безъ своего дружечки никому не угодишь». Мать безъ помощника сына принуждена сама править хозяйствомъ: «теперь я сама буду вездѣ ходить», говоритъ она. Горькая участь становится особенно тяжелой для матери, кода ей приходится быть свидѣтельницей непутнаго поведенія своей невѣстки, забывшей мужа и малаго ребенка.

Сравнительно хорошее прошлое и неприглядное настоящее заставляетъ томиться и мучиться женщинъ желаніемъ скорѣйшаго прибытія ихъ дорогого желаннаго кормильца домой. Въ нетерпѣливомъ ожиданіи женщины пересчитываютъ «всѣ денечки, всѣ часочки», когда долженъ вернуться ихъ «надежа»; онѣ высматриваютъ прохожихъ, проѣзжихъ—въ надеждѣ хоть что-нибудь услышать о своемъ миломъ. Наконецъ, вдохновляясь своимъ горемъ, женщина доходитъ до такого поэтическаго паѳоса, который заставляетъ ихъ обращаться къ любимому существу, прося его «встрепыхнуться бѣлымъ голубочкомъ, прилетѣть на родную сторону яснымъ соколочкомъ, сѣсть на широкое подворьице, во зеленый садъ, и сказать пѣсенку веселую о самомъ себѣ».

Но при общемъ сходномъ содержаніи разбираемыхъ причитаній,—въ нихъ замѣчается и нѣкоторая разница. Именно — плачъ жены по мужу значительно уступаетъ плачу матери по сыну въ выражающейся въ нихъ силѣ любви къ отправляющемуся въ военную службу и въ вытекающихъ отсюда – картинности изложенія, а также въ разнообразіи обращеній и эпитетовъ, прилагаемыхъ къ рекруту. Эти особенности являются естественнымъ слѣдствіемъ тѣхъ условій, при которыхъ у крестьянъ устраивается бракъ, когда обращаютъ вниманіе не на сердечную привязанность жениха и невѣсты, а лишь на ихъ физическія силы и матеріальный достатокъ, необходимые для крестьянина, какъ работника и хозяина. Собственно мнѣ лично не приходилось слыхать болѣе художественнаго, болѣе красиваго плача, какъ плачъ матери по рекрутѣ.—Вотъ этотъ плачъ:

Милое мое дитятко,
Разжалкій мой сыночекъ,
Разумный мой голубочекъ!
Куда-же я тебя собираю,
Куда я тебя отправляю?
Въ какую путь-дорожку,

Въ какую работу?
Ты у меня росъ—нужды не видалъ,
А теперь ты тамъ примешь холоду-голоду,
Приходятся твои ноженьки
По дальней сторонушкѣ,
Примахаются твои рученьки
За тяжелое ружье браючи!
Ягодка моя хорошая,
Ягодка моя созрѣлая!
Ты меня уважалъ,
Ты меня уговаривалъ:
«Я тебя, мамычка, не брошу,
Я тебя, мамычка, не кину».
Теперь ты меня обманулъ:
Ты меня вспокинулъ
Горькую-несчастную!
Ты, бывало, въ избѣ ходилъ,
Все равно какъ соколъ леталъ,
Какъ хорошій соловей распѣвалъ!
Теперь-же запустѣлый нашъ уголочекъ,
Запустѣлая наша горенка!
Кто-же насъ теперь разбудитъ,
Кто насъ теперь покличетъ?
Ты, бывало, мнѣ скажешь:
«Вставай, моя милая мамычка!
Топи-жъ ты избу,
Навари-же ты намъ картошекъ..
Ты меня накормишь,
На работушку проводишь».
Теперь мнѣ накормить некого!
Теперь я буду сама вездѣ ходить!
Сама всѣ я твои стежечки,
Всѣ твои дороженьки—
Всѣ я прихожу,
Всѣ слезьми оболью!
Я тебя женила,—
Думала, что себѣ радость получила.
И вправду—я утѣшалась вами:
Куда вы, мои дѣтки, не пойдете,
Что ни станете дѣлать,—
Я на васъ, какъ на голубковъ,
Не насмотрюсь, не налюбуюсь..
Точно голубь съ голубкой гуркуетъ,
Такъ вы, мои дѣточки,
Не наглядитесь, не наговоритесь
Другъ съ другомъ!
Отглядѣлись мои глазушки,
Отглядѣлись мои старые.—
Не встрѣчу я голубковъ такихъ!..
Дорогой мой сыночекъ!
Оставляешь ты горькую,
Оставляеь ты несчастную—
Свою дружечку милую
И дѣточку недавно рожденную.
Будетъ она несчастная
Кукушечкой куковать
Съ своей дѣточкой малой,
Какъ будто въ чужомъ уголочкѣ!
Не порадуется мое сердечко,
Глядя на такихъ несчастныхъ-горькихъ!
Жалко мнѣ моего дитятку,
Жалко мнѣ моего хорошаго,
Что затрепится, затаскается
Его дружечка
По чужимъ людямъ...
Молодой человѣкъ нетерпѣливый,—
Онъ всѣму вѣритъ,
Онъ все слушаетъ;
Хоть и дурно ему говорятъ,—
Все за добро принимаетъ!..
А стану ей я говорить,
Что это худо,
Что это дурно,—
Она только меня возненавидитъ:
—«Старая вѣдьма гудитъ да ругается»...
Дитя кричитъ одна въ уголочкѣ...
Пойду я, поклочу мать ея нежеланную,
—Ея нѣту!
Забыла она своего друга,
Забыла своего милаго!
Дитё брошено—не накормлено,
Не напоено...
Только я подойду—покормлю,
Тебя вспомню...
Ну-ка ты, мое дитятко, былъ-бы,
Ну-ка ты, мое милое, былъ-бы,—
Не было-бы этого ничего-бы!.
Этого горя,
Этого несчастья
Никакъ я не могу забыть!
При престарѣлыхъ моихъ лѣтахъ
Не на кого сердцу моему повеселиться.
Въ этомъ я горѣ трехъ вижу несчастныхъ:
Несчастная твоя дѣточка кричитъ заброшена,
И ты ничего не знаешь о своей женѣ любимой...
А она закружилась, запуталась!
Отъ такого горя, если-бъ гробъ стоялъ,
Я въ него-бъ легла..
Откройся, гробъ дубовъ!
Раскройся, могила!

Лучше мнѣ умереть,
Чѣмъ видѣть такое горе!
Милая моя невѣстушка!
Будь ты со мною такая-же,
Какъ при своемъ другѣ миломъ,
А при моемъ сынѣ ненаглядномъ!
Будь ты такая-же ласковая, милая!
Будемъ мы однѣ съ тобой
Ростить и нѣжить твоего милаго дѣтеночка;
Будемъ глядѣть на него,
Вспоминать объ его батюшкѣ,
Вспоминать объ его родимомъ!
Дитятко мой милый!
Дитятко мой хорошій!
Не забудь ты горемычную свою жену
И меня несчастную—мать свою старуху..
Разжалкій мой сыночекъ!
Залетная моя пташечка!
Горемычная кукушечка!
Залетѣла ты далеко—
На чужую сторонушку,
За темны лѣса,
За широкія поля раздольныя,
За луга привольные!
На далекой чужой сторонѣ плохо жить:
Тамъ нѣтъ ни роду-племени,
Тамъ нѣтъ ни отца, ни матери,
Ни братьевъ, ни сестеръ,
Ни дядюшки, ни тетушки!
Милый мой дитеночекъ!
Ясный мой соколочекъ!
Встрепыхнись, полети бѣлымъ голубочкомъ,
Яснымъ соколочкомъ лети-жъ ты ко мнѣ!
Сядь ты на широкое подворьице,
Сядь-же ты на зеленый садокъ,
И скажи-жъ ты пѣсеньку,
И скажи-жъ ты веселую
О самомъ себѣ!
И люди-то выйдутъ,
И люди-то услышать:
Что-жъ это за пташечка
Въ саду распѣваетъ,
Какъ хорошій соловей пѣсеньки играетъ?
Пойду жъ я выйду, я погляжу:
Не мой-ли это сынокъ,
Не мой ли изъ чужой стороны?

Самъ народъ къ причитаніямъ матери и жены относится также неодинаково: въ первомъ онъ видитъ болѣе искренности, чѣмъ въ послѣднемъ.—Крестьянскія женщины говорятъ, что «матери всегда голосятъ изъ правды», т. е. что скорбныя чувства, которыя выражаются въ материнскихъ плачахъ, всегда соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ, такъ какъ «свое дитё,—плохо-ли, хорошо-ли оно,—всегда матери дорого». Поэтому-же говорятъ: «когда мать плачетъ по сыну-рекруту, наплачешься, слушая ея причеты». Но жены «выливаютъ» въ причетахъ свои дѣйствительныя чувства лишь по тѣмъ мужьямъ, съ какими онѣ жили «во любви и согласіи»; по пьяницамъ-же, «ругателямъ» и «бутарагамъ», т е. по людямъ не покойнымъ, любящимъ драться, плачать, «дабы людей не стыдно было» и потому, что «надо законъ свой почесть»... А если и всплакнутъ, поголосятъ «взаправду», то «не по мужѣ своемъ, а по горю своемъ»,—особенно если имъ приходится оставаться непристроенными къ своему собственному углу, беззащитными да еще съ дѣтьми малыми гориться. Такая женщина, «которая для виду только плачетъ, для отвода глазъ», говоритъ народъ, «иной разъ загородится платкомъ да оглядывается: не пообѣдали-бы дома безъ ней... а на прощанье не задумается своему мужу сказать горькую истину: «жила, молъ, я за тобой, какъ за худой бородой,—не видала ничего хорошаго,—много людей перестрамили»...—«День былъ тёменъ, ночь, Богъ дастъ, будетъ свѣтла», утѣшаетъ она себя, надѣясь «свободно вздохнуть» послѣ мужа...

Не пугаютъ ея и грозныя рѣчи мужа, безплодно негодующаго противъ наступающей для его жены свободы: «смотри—если, Боже, сохрани и избави,—что безъ меня случится... тогда исповѣдуйся и причастись,—на свѣтѣ тебѣ больше не жить»!..

Разницу своихъ взглядовъ на приведенные плачи народъ ясно выражаетъ и въ своихъ пѣсняхъ. Такъ въ одной изъ нихъ, изображая чувства матери и жены по погибшемъ молодцѣ, онъ говорить:

Гдѣ мать плачетъ,
Тамъ рѣка шумитъ,—
А гдѣ жена плачетъ
Тамъ роса пала:

Взойдетъ солнце—
Росу высушитъ,
Молода жена
Гулять пойдетъ!..

Кромѣ жены и матери по рекрутѣ плачутъ его сестры, тетки и другія родныя или знакомыя женщины, которыя въ день проводовъ собираются въ домъ его семьи; но плачи такихъ женщинъ обыкновенно содержатъ въ себѣ описаніе горя лицъ, наиболѣе близкихъ рекруту, а именно — его родителей и жены, и въ сущности представляютъ собой лишь перифразъ разбираемыхъ выше плачей. Интересною особенностью этихъ причитаній является обращеніе плачущихъ женщинъ къ отцу, матери и женѣ рекрута съ приглашеніемъ послѣднихъ поплакать надъ своимъ великимъ горемъ,—женщины, иногда хоромъ, причитаютъ:

Собрали мы бесѣдушку невеселую,—
Собрали мы бесѣдушку скучную, горькую:
Провожаемъ мы добра молодца—
Ясна сокола,
На чужую сторонушку,
Во трудную работушку,
Отъ родимаго его батюшки,
Отъ желанной его матушки,
Отъ молодой его дружечки!
Остаетесь вы, несчастные родители, одинокими:
Уходитъ ваша перемѣна,
Уходитъ вашъ кормилецъ!
Остаешься ты, молодая жена,
Непристроенной, беззащитной:
Уходитъ твой защитникъ,
Уходитъ твоя надежа!
Не-то вы дождетесь своего сынка милаго,
Своего дружка сердечнаго,—
Не то нѣтъ!
Плачьте вы надъ своимъ великимъ горемъ,
Надъ своимъ великимъ несчастьицемъ,—
Плачьте, не разгадывайте!..

Бросая послѣдній взглядъ на рекрутскія причитанія, нельзя не замѣтить, какое большое значеніе они имѣютъ въ отношеніи характеристики быта народа: передъ нами въ яркихъ краскахъ рисуются картины крестьянской нужды и тяжелаго положенія солдатки въ домѣ своего мужа.

Почему уходъ рекрута въ военную службу является для его семейнымъ горемъ? — Правда, здѣсь имѣютъ значеніе родственные привязанности: предстоящая, относительно—продолжительная разлука, отправка въ дальній путь на неизвѣстную сторонушку,—служба, сопряженная съ массой лишеній и трудовъ и связанная съ опасностями для жизни и съ соблазнами для нравственности,—все это заставляетъ скорбѣть его семейныхъ. Но не меньшую, если только не бо́льшую роль играютъ въ данномъ случаѣ экономическія соображенія: лишеніе одного, понятно—здороваго, работника—тяжелая утрата для крестьянскаго хозяйства. О рекрутѣ жалѣютъ, какъ объ исчезающей для отца и матери «перемѣнѣ»,—какъ о кормильцѣ своей жены и сына, который безъ отца ходитъ разутымъ, раздѣтымъ, голоднымъ..

При такомъ значеніи рекрута, какъ рабочей силы, и при малоцѣнности въ крестьянскомъ быту женскаго труда—естественно и незавидно положеніе солдатки въ семьѣ свекора и свекрови. Лишившись въ лицѣ мужа своего кормильца и заступника, она является въ семьѣ лишнимъ ртомъ и ненужнымъ человѣкомъ. Чтобы не выслушивать отъ другихъ постоянныхъ попрековъ, ей приходится «всѣмъ угождать, вездѣ угождать»... И все-таки ребенокъ ея бываетъ «какъ-бы всѣмъ не родной»,—всѣ говорятъ ему, считая съѣденные имъ куски: «обжорный»!..—Какая-то отчужденность, холодность ложится во взаимныхъ чувствахъ жены рекрута и его матери. Послѣдняя, не стѣсняяся, рисуетъ передъ рекрутомъ ужасную картину семейнаго несчастія, какое можетъ случиться въ отсутствіе его на родинѣ, благодаря его жены... А эта, въ свою очередь, также откровенно признается, что по уходѣ мужа она остается въ «чужихъ» для нея людяхъ...

Д. Успенскій.

ОТДѢЛЪ II.

Критика и библіографія.

Литовско-латышско-польско-русскій словарь, составленный кс. Мих. Межинисомъ. Тильзитъ, 1894 г. стр. 292.

Литовско-нѣмецкій лексиконъ Фридр. Куршата (Littauisch-deutsches Worterbuch von Friedrich Kurschat. Halle, 1883), считающійся въ настоящее время лучшимъ словаремъ литовскаго языка, отличается, какъ извѣстно, крайней неполнотою. Въ него вошли главнымъ образомъ лишь тѣ слова, которыя составитель его, Фр. Куршатъ, слышалъ у себя на родинѣ, въ прусской Литвѣ. Лучшимъ этотъ словарь считается собственно потому, что Фр. Куршатъ отдѣляетъ въ немъ слова, слышанныя имъ самимъ, отъ словъ, которыя онъ находилъ лишь въ другихъ литовско-нѣмецкихъ словаряхъ или въ произведеніяхъ литовской печати; кромѣ того, звуки литовскаго языка онъ передаетъ вполнѣ точно, вездѣ обозначая количество (долготу и краткость) гласныхъ и отмѣчая всѣ три вида литовскаго ударенія. Эти качества словаря настолько важны, что ими вполнѣ искупаются и нѣкоторые, впрочемъ незначительные, недостатки, въ родѣ изрѣдка встрѣчающагося смѣшенія звуковъ *ė* и *iė*, *o* и *uo*. (Смѣшеніе этихъ звуковъ усмотрѣно въ такихъ, напр., словахъ, какъ: miėsa, biėda, luokys, lobas вмѣсто единственно правильныхъ въ нарѣчіи Куршата: mėsa, bėda, lokys, luobas).

Въ виду указанныхъ достоинствъ словаря Куршата, приходится только пожалѣть, что составитель его былъ мало знакомъ съ тѣмъ лексическимъ матеріаломъ, который могутъ дать говоры русской Литвы. Объ этомъ можно пожалѣть тѣмъ болѣе, что съ одной стороны Куршатъ имѣлъ, повидимому, хорошо организованное ухо, необходимое для того, чтобы улавливать особенности звуковъ живого языка, а съ другой—и самый языкъ русской Литвы, столь богатый въ лексическомъ отношеніи, до сихъ поръ изслѣдованъ сравнительно мало, во всякомъ случаѣ гораздо менѣе, нежели прусское его нарѣчіе.

Такимъ образомъ, въ настоящее время, съ точки зрѣнія изучающаго литовскій языкъ, слѣдовало-бы признать вполнѣ своевременнымъ появленіе всякаго серьезнаго труда, представляющаго сборникъ словъ русской Литвы. Только такой трудъ, конечно, дѣло не легкое и едва-ли можетъ быть выполненъ съ полнымъ успѣхомъ однимъ, хотя-бы даже компетентнымъ, лицомъ. Въ данномъ случаѣ отдѣльныя лица, берущіяся за исполненіе такого труда, могутъ доставить, при всемъ своемъ усиліи, только болѣе или менѣе значительный матеріалъ для будущихъ составителей «полнаго словаря литовскаго языка». Вотъ почему, на появляющіеся теперь и могущіе появиться въ ближайшемъ будущемъ литовскіе словари надо смотрѣть главнымъ образомъ, какъ на матеріалъ для будущаго «полнаго» словаря. Какого-бы мнѣнія ни былъ самъ авторъ о своемъ трудѣ, мы a priori можемъ признать, что словарь его не будетъ отличаться полнотою, и потому поступимъ пока совершенно справедливо, не требуя отъ

его словаря недостижимой въ данное время полноты. Достаточно съ автора, если собранный имъ матеріалъ записанъ умѣло и переведенъ съ достаточною точностью, а полноты будемъ требовать лишь настолько, насколько она возможна въ настоящее время.

Посмотримъ теперь, насколько удовлетворяетъ этимъ скромнымъ требованіямъ словарь Мих. Межиниса, краткій разборъ котораго и представляетъ настоящая замѣтка.

Авторъ разбираемаго словаря—покойный католическій священникъ, проживавшій въ разныхъ приходахъ Ковенской губерніи, преимущественно въ такихъ селахъ, которыя расположены на границѣ Курляндіи, мѣстности, населенной латышами. При составленіи своего словаря, Межинисъ не включилъ въ него всѣхъ словъ, встрѣчающихся въ трудахъ прежнихъ составителей литовскихъ словарей; онъ вносилъ въ словарь, повидимому, только то, что самъ слышалъ въ Ковенской губерніи или находилъ въ случайно попадавшихся ему книгахъ. Изъ того, что въ разбираемомъ словарѣ нѣтъ многихъ словъ, находимыхъ у Куршата или у Нессельмана и въ то же время часто встрѣчающихся въ Ковенской губерніи, можно заключить, что Межинисъ былъ совсѣмъ незнакомъ съ трудами своихъ предшественниковъ; иначе, словари Куршата и Нессельмана по крайней мѣрѣ напомнили-бы ему о существованіи въ Ковенской губерніи тѣхъ словъ, которыя онъ, Межинисъ, почему-то упустилъ изъ виду. Кромѣ того, составитель разбираемаго словаря не включилъ въ свой трудъ и всего того матеріала, который могутъ дать собирателю словъ произведенія Н. Даукши, М. Волончевскаго, С. Довконта, а также собранныя въ Ковенской губерніи и уже изданныя литовскія пѣсни, сказки, пословицы, загадки; по крайней мѣрѣ очень много довольно обыкновенныхъ и болѣе или менѣе рѣдкихъ словъ, встрѣчающихся въ этихъ памятникахъ народнаго творчества литовцевъ и въ произведеніяхъ этихъ литовскихъ авторовъ, не получило никакого объясненія въ словарѣ Межиниса. Въ разбираемый нами словарь не вошли и такіе общедоступные матеріалы по литовскому словарю, какъ слова, записанныя въ Ковенской губерніи и помѣщенныя въ «Mitteilungen der litauischen litterarischen Gesellschaft» и въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ, какъ напр. въ изданномъ Э. А. Вольтеромъ «Литовскомъ катихизисѣ Н. Даукши». Что въ словарѣ Межиниса все это упущено изъ виду, въ этомъ легко можетъ убѣдиться каждый, кто попробуетъ, съ этимъ словаремъ въ рукахъ, прочесть хотя-бы, напримѣръ, народныя пѣсни, собранныя Станевичемъ или Довконтомъ; легко будетъ усмотрѣть, что словарь этотъ для указанной цѣли можетъ сослужить не особенно большую службу.

О знакомствѣ автора разсматриваемаго словаря съ данными филологической дисциплины, изслѣдующей литовскій языкъ, не можетъ быть и рѣчи; Межинисъ этой науки, повидимому, совершенно не признаетъ. Мало того; съ латышскимъ, польскимъ и русскимъ языками, на которые переведены въ словарѣ литовскія слова, составитель разбираемаго труда былъ знакомъ крайне поверхностно. Латышскій языкъ онъ зналъ, повидимому, не лучше литовскаго простолюдина, проживающаго въ мѣстности пограничной съ Курляндіею и имѣющаго частыя сношенія съ латышами, а польскій и русскій языки усвоилъ лишь настолько, насколько знаютъ ихъ тѣ литовцы, которые слышатъ эти языки отъ ополячившейся своей братьи и русскихъ урядниковъ.

Всѣ указанныя обстоятельства, конечно, должны были отразиться самымъ роковымъ образомъ на всемъ трудѣ Межиниса. Чтобы, однако, наше сужденіе объ этомъ трудѣ не показалось читателю голословнымъ, ничѣмъ не мотивированнымъ, перехожу къ самымъ фактамъ, которые въ обиліи находимъ въ разбираемомъ словарѣ.

Доказывать, что въ словарѣ Межиниса пропущена масса самыхъ обыкновенныхъ словъ, считаю излишнимъ. Оно будетъ понятно и само по себѣ, если имѣть въ виду, что въ словарь попало всего около 15,000 литовскихъ словъ. Это число вошедшихъ въ словарь Межиниса словъ, собственно говоря, даже слишкомъ велико; оно гораздо больше того, что даетъ словарь въ дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что въ этомъ словарѣ значатся нерѣдко, какъ особыя слова, и такія формы, которыя вызываются въ языкѣ прямо существованіемъ въ немъ извѣстныхъ словъ и легко отъ нихъ обра-

зуются; въ данномъ случаѣ я имѣю въ виду такія «формы словъ», которыя въ другихъ словаряхъ, напр. въ русскомъ академическомъ, не принято считать за отдѣльныя слова. Такимъ образомъ, изъ словаря Межиниса слѣдовало-бы исключить принимаемыя имъ за «отдѣльныя слова»: 1) всѣ причастія (сравн. gimęs при gimti, apvitęs—apvytęs при apvysti, įpintas при įpinti, keptas при kepti и пр.); 2) формы множеств. числа при существованіи отмѣченнаго въ словарѣ единств. числа (ср. darbai при darbas, vaikai при vaikas и др.); 3) полныя формы именъ прилагательныхъ, отмѣченныя особо отъ краткихъ (ср. gerasis и geras, mažasis и mažas, šventasis и šventas и др.); 4) формы средняго рода и нарѣчія, образованныя отъ качественныхъ именъ прилагательныхъ (сравн. gergera и gerai при geras, maž—maža и mažai при mažas, šalta и šaltai при šaltas и пр.); 5) формы сравнительной и превосходной степени именъ прилагательныхъ и нарѣчій (сравн. mažesnis, mažiausis, mažiau при mažas; geresnis, geriausis, geriau и geriaus при geras, и т. д.). Кромѣ того, въ разбираемомъ словарѣ есть много словъ, составленныхъ самимъ Межинисомъ и не употребляющихся въ живомъ литовскомъ языкѣ; слова эти, какъ дѣланныя и неупотребительныя, тоже должны быть исключены изъ словаря. Къ такого рода словамъ слѣдуетъ отнести, напр., слѣдующія: ašaruvė, beržyninis, beržotinis, brolieninis, didumeninis, eglyninis, gyvskrosena, granžalas, patvaldingas, pirmpradinis, parsekioingas, формы именит. падежа pusketvirtas, pusšeštas etc., rašytuva, samdinįkinis и многое множество другихъ имъ подобныхъ. Въ такой краткій словарь, какимъ является разбираемый трудъ Межиниса, совершенно напрасно попали и слова чисто латышскія, употребляемыя исключительно на границѣ Курляндіи; къ такимъ словамъ мы относимъ, напр., слѣдующія: abejodas (лит. abejopas), ada (лит. oda), jemeslis (лит. priežastis), skabas (лит. skobus, rugštns), apgerbs (лит. drabužis, drapana), pręt (лит. prieš, priešais), liecība (лит. liudinimas), и т. д. Такимъ образомъ, если изъ словаря Межиниса исключить всѣ эти слова, то оставшіяся засимъ литовскія слова, вмѣстѣ съ переводомъ ихъ на три языка, можно будетъ умѣстить на какихъ-нибудь 200 страницахъ небольшаго формата. Представьте себѣ, какая небольшая часть литовскихъ словъ могла попасть въ такой крошечный словарикъ! Надо замѣтить, что и самъ Межинисъ зналъ гораздо больше словъ. Онъ не помѣстилъ ихъ въ свой трудъ только потому, что упустилъ ихъ изъ виду, или они, при составленіи словаря, не пришли ему въ голову. Такъ, по крайней мѣрѣ, позволительно думать, когда не встрѣчаешь въ словарѣ такихъ словъ, какъ darbštus работящій, трудолюбивый, grožis красота, kelmuotas холмистый, kvailas глупый, lokys медвѣдь, purus рыхлый, pustyti (dalgį) точить, бить (косу), или когда находишь въ словарѣ причастныя формы, въ родѣ apkrikštytas окрещенный, pasigėręs напившійся, и нѣтъ на ряду съ ними формъ apkrikštyti окрестить, pasigerti напиться. Ясно, что тутъ очень важную роль сыграла просто небрежность автора, взявшагося не за свое дѣло.

Посмотримъ теперь, какъ переводилъ Межинисъ попавшія въ его словарь литовскія слова. Говорить о томъ, какъ переведены слова на латышскій и польскій языки, не нахожу возможнымъ просто потому, что это заняло-бы слишкомъ много мѣста. Впрочемъ, и указаніе на особенности, которыми характеризуется передача литовскихъ словъ на русскій языкъ, дастъ возможность читателю уяснить себѣ, какъ могъ отнестись составитель словаря къ другимъ языкамъ, въ данномъ случаѣ къ польскому и латышскому. Здѣсь насъ прежде всего поражаетъ полнѣйшее незнакомство автора съ русскимъ языкомъ. Вотъ нѣсколько образчиковъ русскаго языка, на который переведены литовскія слова: arkliaganis «лошадиный пастухъ» (=конскій пастухъ, конопасъ), apžlibti, «класть въ спатью» (=ослѣпнуть и др.), arklininks «лошадиный барышникъ» (=торговецъ лошадьми), atsakytojis «отка-

затель» (=кто отказываетъ, отказывающій). atskaitymas «отсчитаніе» (=отсчитываніе, отчисленіе), apvitęs (=apvytęs) «овядшій» (=нѣсколько завядшій, нѣск. завянувшій), branda «обиліе въ зерно» (=урожай, умолотъ), dirsė «задница» (=костерь, bromus secalinus), glumdyti (?) «пріютивать» (=давать пріютъ), atgodoties (?), «припомнетить» (?=припомнить), intė «мужинаго брата жена» (=жена мужнина брата), įavimas «вложеніе въ обувь, вобутіе» (=надѣваніе обуви, и др.), seseraitis,—tė «племянные дѣти» (=сынъ или дочь сестры, племянникъ,—ница) и пр. При такомъ слабомъ знаніи русскаго языка, конечно, весьма трудно переводить на него литовскія слова. Но Межиниса незнаніе это, повидимому, нисколько не смущаетъ: онъ переводитъ лит. слова весьма смѣло, нерѣдко пользуясь для этого первымъ попавшимся, часто совершенно неподходящимъ русскимъ словомъ. При этомъ выходитъ иногда крайне курьезно: русскій переводъ не согласуется съ польскимъ, а польскій противорѣчитъ латышскому. Привожу нѣсколько характерныхъ примѣровъ: atližti (=atlyžti) «облегчить, убавить» (=смягчиться, перестать сердиться), baimingas «благочестивый» (=боязливый), ėdrus «прожорливый, хищный» (=прожорливый), eikvojinas «расточаніе, распоряженіе» (=расточеніе), grieželė «хохлатый жаворонокъ» (=дергачъ, crex pratensis), kamšlis (собств. kamšlys), «хищникъ» (=собств. набойщикъ; обжора), tečiaus (или tačiaus) «лучше» (=однако), rašytinis «перо, карандашъ» (слово это—неудачный неологизмъ), reilus «головокруженіе» (? = производящій головокруженіе), važiuotas «пріѣхать» (=прич. отъ vožiuoju ѣду), omena «память, празднованіе» (=память), и т. д. Нѣсколько удачнѣе переведены эти слова на латышскій и польскій языки, зато тамъ они получили значеніе несогласное съ русскимъ; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ atlažti, eikvojimas, grieželė, tečiaus, omena и на эти языки переведены невѣрно.

Какъ понимаетъ Межинисъ точность перевода литовскихъ словъ, показываетъ слѣдующій характерный примѣръ. Прилагательное geras (съ краткимъ окончаніемъ) или gerasis (съ полнымъ окончаніемъ), которое значитъ «хорошій, добрый», сравнительная и превосходная степени этого прилагательнаго—geresnis, geriausis, а также образованное отъ него существительное gerumas, «доброта, хорошое качество» переведены въ разбираемомъ словарѣ такъ: geras «добрый, хорошій, милый, добродѣтельный»; gerasis «самый хорошій, наилучшій»; geresnis, «болѣе соотвѣтственный»; geriausis «наилучшій, самый наиболѣе подходящій»; gerumas «доброта, добродушіе, благополучность, беззлобіе». Какъ видитъ читатель, составитель словаря за словомъ въ карманъ не лѣзетъ; жаль только, что точность перевода отъ этого не только не выигрываетъ, но даже страдаетъ.

При такомъ слабомъ знаніи русскаго языка и такомъ полномъ непониманіи важности точной передачи значенія словъ, Межинисъ былъ совершенно неспособенъ переводить литовскія синонимическія слова, по крайней мѣрѣ словарь его даетъ слишкомъ мало данныхъ для уразумѣнія значенія такихъ словъ. Чтобы видѣть, какъ переводитъ онъ эти слова, возьмемъ два примѣра. Слова: lupsnis, kiavalas, mauknа переведены такъ, что можно было-бы подумать, что lupsnis (картофельная шелуха) значитъ то-же, что kiavalas (скорлупа, особ. орѣховая) или mauknа (=древесная кора, лыко). Изъ русскаго перевода словъ: listens (собств. listinas, listvinas), kupinas, lygmalys (=lygmalis), pilnas, sklidinas совершенно невозможно понять, что эти слова дѣйствительно обозначаютъ. При словѣ listinas (оно, кажется, тожественно со sklidinas) нѣтъ русскаго перевода, и читатель отсылается прямо въ kypinas и sklidinas; между тѣмъ, kypinas переведено «переполненный, полный» (въ дѣйствительности же наполненный «вéрхомъ», лит. «su kaupu»), а sklidinas—«полный» (собств. «полнехонькій», «совершенно полный», большею частью говоря о сосудахъ, неполненныхъ жидкостью); lygmalis переведено русскими «равносторонній, соразмѣрно берегамъ», хотя, собственно говоря, слово это значитъ «наполненный до краевъ, вро-

вень съ краями» (ср. lygus ровный и mala край); вполнѣ вѣрно переведено только pilnas, которое, какъ это отмѣчено и у Межиниса, значитъ «полный».

Часто извѣстное литовское слово переводится на русскій языкъ какимъ-нибудь подходящимъ или еще чаще неподходящимъ словомъ, а единственный примѣръ, приводимый на употребленіе этого слова, какъ разъ показываетъ, что оно употребляется въ иномъ значеніи. Вотъ два примѣра. Gauras переведено «мохнатый человѣкъ, мохнатое растеніе», между тѣмъ какъ изъ примѣра vilkas pavasaryje parmaino gaurus, o ne prigimimą видно, что gaurai (plur.)—значитъ «(мохнатая) шерсть»; слово lipnus (или lipšnus) переведено русскимъ «липкій», но изъ примѣровъ lipni kalba, lipniai kalbėti получается для этого слова и другое значеніе, именно «пріятный, милый (въ обращеніи)». И такихъ случаевъ, гдѣ переводъ слова не соотвѣтствуетъ его значенію, вытекающему изъ примѣровъ, въ словарѣ Межиниса очень много.

Если обратить вниманіе на самое начертаніе словъ литовскаго языка, попавшихъ такъ или иначе въ словарь, то окажется, что Межинисъ и тутъ не вполнѣ удовлетворяетъ своего читателя. Такъ, съ одной стороны онъ пишетъ: asa, vašas, а съ другой—granžinti, ranstas, tansrus или grįžti; съ одной стороны встрѣчаемъ формы въ родѣ grondįti, kondimas, konsnis, konklė, monta, gerinti, а съ другой находимъ ranka, vanta, langas, и пр. Такая непослѣдовательность въ начертаніи общелитовскихъ ą, į и an, in (въ сочетаніи съ слѣдующимъ согласнымъ) объясняется просто отсутствіемъ вдумчивости со стороны автора и смѣшеніемъ разныхъ нарѣчій литовскаго языка; еслибы Межинисъ, при начертаніи литовскихъ словъ, положилъ въ основу языка своего словаря какое-нибудь одно, напр. теперешнее литературное нарѣчіе, то приведенныя слова онъ долженъ былъ бы представить въ слѣдующемъ видѣ: ąsa, vąšas или ąšas, grąžinti, rąstas, tąsrus, grįžti, grantinti или gramdinti (или собств. grándyti, grámdyti), kandimas, kąsnis, kanklės, manta, gerinti, ranka, vanta, langas. Затѣмъ нужно замѣтить, что долгота гласныхъ *i* и *u* рѣдко обозначается; часто *i*, принимаемый въ словарѣ за долгій звукъ, т. е. за *y*, на самомъ дѣлѣ кратокъ, во всякомъ случаѣ не долгъ: сравн. skrilis (вм. skrylis), yrklas (вм. irklas), piplys (вм. pyplys), puras (вм. pūras, мѣра), suris (вм. sūris), dumai (вм. dūmai), gyrdytas (вм. dirdytas), и т. д. Кромѣ того, литовское удареніе, — оно бываетъ трехъ видовъ, — нигдѣ не обозначено. Это отсутствіе удареній, въ связи съ неуказаніемъ долготы и краткости гласныхъ и смѣшеніемъ разныхъ нарѣчій, дѣлаютъ, конечно, еще болѣе затруднительнымъ пользованіе, словаремъ Межиниса.

Намъ остается отмѣтить еще двѣ стороны разбираемаго труда, на сей разъ уже положительнаго характера. Тутъ, прежде всего, мы должны признать, что въ разбираемомъ нами словарѣ есть и такія чисто литовскія слова, которыхъ не встрѣчаемъ въ другихъ словаряхъ этого языка: сравн. gilna желна, intė [1]) (сравн. лат. ectala) жена мужнина брата (у Куршата des Bruders Frau), rasmė умолотъ, tvermė прочность, žioklė рыло, челюсть, и т. д.; жаль только, что на этихъ словахъ нигдѣ не проставлено удареніе. Во-вторыхъ, въ словарѣ Межиниса есть много загадокъ, поговорокъ и всякихъ чисто народныхъ выраженій. Эти загадки, поговорки и пр. могутъ дать много матеріала для изучающаго произведенія народнаго творчества литовцевъ и синтаксисъ литовскаго языка.

Наконецъ, подводя итоги всѣмъ отмѣченнымъ нами качествамъ литовскаго словаря Межиниса, мы должны признать, что словарь этотъ не удовлетворяетъ са-

---

[1]) Сродн. древн. слав. ѩтры, р. ятровь жена брата; срв. sesû, gen. sesers— сестра. *Ред.*

мымъ скромнымъ требованіямъ, даже тѣмъ, которыя мы нашли возможнымъ предъявить къ теперешнимъ словарямъ литовскаго языка: какого-либо вклада въ филологическую науку этотъ словарь, конечно, составить не можетъ, а того, кто захотѣлъ бы пользоваться имъ для цѣлей практическихъ, напр. для того, чтобы съ помощью его разбирать литовскіе тексты, онъ, какъ мы видѣли, опять-таки не удовлетворитъ; для самихъ литовцевъ, которые пожелали-бы съ помощью его учиться другому языку, онъ совершенно не годится, скорѣе можетъ даже сбить ихъ съ толку. По нашему мнѣнію, словарь этотъ явился на свѣтъ просто вслѣдствіе самомнѣнія неумѣло собиравшаго слова автора или вслѣдствіе какого-либо иного недоразумѣнія. Не иначе смотритъ на этотъ словарь и молодая литовская печать (см. Varpas, 1894, № 7).

Ив. Яблонскій.

Монголія и Монголы.—Результаты поѣздки въ Монголію, исполненной въ 1892—1893 гг. А. Позднѣевымъ. Томъ I. Дневникъ и маршрутъ. Изданіе И. Р. Г. Общ. СПБ. Типогр. И. Ак. Н. 1886. XXX+696 стр. въ больш. 8-ку.

Этотъ прекрасно изданный томъ съ рисунками снабженъ двумя предисловіями. Одно написано вице-предсѣдателемъ Г. Общ. П. П. Семеновымъ, гдѣ мастерски очерчено значеніе географическихъ экспедицій, за полувѣковое существованіе Г. Общ., для изслѣдованія Внутренней Азіи или застѣнной части Китайской имперіи и вѣрно указана важность трудовъ проф. Позднѣева по изученію Монголіи, граничащей съ Россіею на пространствѣ слишкомъ 3-хъ тысячъ верстъ. Второе предисловіе принадлежитъ перу Позднѣева, гдѣ авторъ говоритъ о послѣдней своей поѣздкѣ въ Монголію въ 1892—1893 г., куда онъ былъ отправленъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, и о матеріалахъ и свѣдѣніяхъ, имъ собранныхъ. Первую свою поѣздку въ Монголію А. М. Позднѣевъ совершилъ еще около 20 лѣтъ назадъ, тотчасъ по окончаніи курса на Восточномъ факультетѣ Петербургскаго Университета. Поѣздка эта продолжалась три года (съ весны 1876 г.), г. Позднѣевъ вошелъ въ составъ экспедиціи Геогр. Общ. Университетъ нашъ пріобрѣлъ вывезенную Позднѣевымъ большую коллекцію Монгольскихъ рукописей и книгъ, всего 972 тома подъ 157 заглавіями, а въ лицѣ молодого путешественника—отличнаго преподавателя, доцента въ 1881 г., и въ 1884 г. экстраординарнаго, а съ 1886 г. ординарнаго профессора по каѳедрѣ Монгольскаго языка и Словесности. Послѣдняя поѣздка А. М. Позднѣева доставила нашему Университету новую большую коллекцію рукописныхъ и печатныхъ сочиненій китайскихъ, монгольскихъ и маньчжурскихъ сочиненій, всего 727 томовъ подъ 138 заглавіями. Сверхъ того А. М. для практическихъ занятій со студентами вывезъ рѣдкую коллекцію ламайскихъ и другихъ принадлежностей ламайскаго культа.

Изъ приложеннаго къ предисловію П. П. Семенова списка видно, какъ обогатилъ Позднѣевъ русскую литературу своими трудами, посвященными монгольскому языку, монгольской этнографіи (маг. диссерт. Образцы народной поэзіи монгольскихъ племенъ 1880. 346 стр. 8° «Калмыцкія народныя сказки, собранныя въ калмыцкихъ степяхъ Астраханской губ. и изданныя въ подлинномъ калмыцкомъ текстѣ. СПБ 1892. 150 стр. 8°), монгольской словесности, исторіи, монгольскому буддизму (докт. диссерт. Монгольская лѣтопись «Эрденійнъ Эрихэ» съ поясненіями, заключающими въ себѣ матеріалы для исторіи Халхи съ 1636 по 1736 г. СПБ. 1883. XXXVIII+421 стр. 8°—Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи. 1887 г. XVI+492 стр. 8). по географіи Монголіи («Города сѣв. Монголіи.

СПБ. 1880. II+114 стр. 8°). «Замѣчанія къ дорожнымъ замѣткамъ Арх. Палладія 1892. 114 стр. въ Зап. по Общ. Геогр. Т. XXII вып. I. 1892. 114 стр.).

Результаты послѣдней своей поѣздки и всѣхъ прежнихъ своихъ работъ и изслѣдованій проф. Позднѣевъ рѣшился обработать и изложить въ обширномъ трудѣ, начало котораго нынѣ издано Г. Общ. Этотъ первый томъ содержитъ въ себѣ дневникъ путешествія по Монголіи въ 1892 г. и касается главнѣйше сѣверной Монголіи. II т. будетъ содержать въ себѣ дневникъ путешествія 1893 г., т. е. путевыя наблюденія по южной и юговосточной Монголіи. Т. III имѣетъ представить очерки административнаго устройства Монголіи и порядковъ управленія въ этой странѣ, съ выясненіемъ военнаго и политико-экономическаго состоянія Монголовъ въ настоящее время; Т. IV будетъ посвященъ ламаизму въ Монголіи, съ изложеніемъ его догматическаго и нравственнаго вѣроученія, быта и обрядовъ. «Оба эти тома, по словамъ автора, составляютъ собою по преимуществу результаты моихъ занятій въ архивахъ, различныхъ монгольскихъ управленіяхъ, а равно въ монастырскихъ библіотекахъ и школахъ, подъ руководствомъ мѣстныхъ спеціалистовъ каждаго изъ этихъ отдѣловъ знанія».

Т. V будетъ содержать свѣдѣнія этнографическія, пріобрѣтенныя частью путемъ личныхъ наблюденій, а частью распросами и изученіемъ народной литературы: пѣсенъ, пословицъ, поговорокъ, загадокъ и пр.

Т. VI—«замѣтки о китайской и русской торговлѣ въ Монголіи, съ приложеніемъ свѣдѣній по исторіи развитія торговли собственно русской.

Наконецъ VII томъ посвященъ историческому изслѣдованію обо всѣхъ владѣтельныхъ княжескихъ домахъ Монголіи, возвысившихся собственно въ періодъ подданства Монголовъ Маньчжурамъ и играющимъ роль именно въ настоящую пору въ Монголіи. Матеріаломъ къ составленію этого изслѣдованія послужили періодически составляемые китайскимъ правительствомъ послужные списки каждаго изъ этихъ княжескихъ домовъ. Изданіе этого труда (т. е. VII т.) приняла на себя И. Академія Наукъ. Изданіе же первыхъ шести томовъ взяло на себя И. Р. Географическое Общество.

Конечно, всѣ эти труды являются не результатомъ лишь послѣдней поѣздки проф. Позднѣева въ Монголію (1892—93 г.), а всѣхъ его двадцатилѣтнихъ слишкомъ разносторонних занятій Монголіею и Монголами. Само собой на разработку и изданіе всѣхъ этихъ разнообразныхъ трудовъ уйдетъ не мало времени, почему авторъ и прибавляетъ: «если только хватитъ моей жизни на то, чтобъ издать ихъ».

Почтенный нашъ ученый еще молодъ, въ цвѣтѣ силъ; остается только пожелать ему бодрости духа и здоровья для успѣшнаго окончанія задуманнаго и такъ прекрасно начатаго имъ ученаго его предпріятія, которое должно доставить ему славу, а наукѣ и Россіи принести великую пользу. Такъ много испытавшая отъ Монголовъ, отъ основанной ими монархіи и отъ ея послѣдовъ безъ чужой помощи освободившаяся отъ нихъ—разныхъ татарскихъ ордъ, на Волгѣ и въ Крыму, и съ тѣхъ поръ занявшая и колонизовавшая громадныя пространства бывшей Монгольской державы, Россія получила наконецъ возможность непосредственнаго и основательнѣйшаго изученія сосѣдней намъ теперь страны Монголовъ пріобрѣла право на самое многостороннее и глубокое въ ней вліяніе, на распространеніе въ ней своей образованности и своего языка: Монголія не принадлежитъ къ густо заселеннымъ краямъ сосѣдней намъ многолюдной Имперіи и можетъ въ послѣдствіи принять много русскихъ поселенцевъ.

Якуты. Опытъ этнографическаго изслѣдованія В. Л. Сѣрошевскаго. И. Р. Г. Общества на средства, пожертвованныя А. И. Громовой. Подъ редакціей проф. Н. И. Веселовскаго. Т. I. Съ 168 рисунками, портретомъ и картою. СПБ. Типографія Главн. Управленія Удѣловъ, Моховая, 40, 1896. XII+719 стр. въ больш. 8-ку.

Этотъ изящно изданный трудъ посвященъ авторомъ «Памяти А. Ѳ. Миддендорфа» и украшенъ портретомъ этого даровитаго, ученаго знатока В. Сибири.

В. Л. Сѣрошевскій прожилъ въ Якутской области съ марта 1880 по іюль 1892 г. При этомъ онъ прожилъ въ г. Верхоянскѣ съ мая 1880 по мартъ 1883 г. За это время сверхъ небольшихъ экскурсій въ окрестности, онъ проѣхалъ на лодкѣ по р. Янѣ до Ледовитаго Океана и возвратился обратно изъ с. Казачьяго (900 в.) сухимъ путемъ лѣтомъ вдоль лѣваго берега Яны по мѣстностямъ мало извѣстнымъ и слабо населеннымъ. Въ мартѣ 1883 г. онъ выѣхалъ изъ Верхоянска въ г. Средне-Колымскъ, а оттуда на западъ, въ почтовую станцію Андылахъ (300 вер. отъ гор.), гдѣ провелъ 8 мѣсяцевъ; затѣмъ опять возвратился въ г. Колымскъ и вторично отправился на урочище Енгжа, которое лежитъ также въ 300 вер. отъ города, но не по тракту, а въ сторонѣ отъ него, въ 100 вер. къ сѣв. Въ 1885 г. онъ выѣхалъ обратно въ г. Якутскъ и оттуда на р. Алданъ въ III Баягантайскій наслегъ улуса того же имени. Въ 1887 г. я переѣхалъ въ Намскій улусъ того же округа, гдѣ занялся земледѣліемъ и прожилъ до выѣзда въ Иркутскъ въ іюнѣ 1892 г. За это время онъ посѣтилъ: селеніе Амгинское, улусы: Баранскій, Батурусскій, Меченскій, Восточно-Каталаскій; въ западномъ Кангаласкомъ провелъ нѣсколько недѣль, и сверхъ того совершилъ еще на лодкѣ путешествіе по Ленѣ къ устью Алдана. «Эти многократныя перемѣщенія и разъѣзды дали мнѣ возможность составить себѣ нѣкоторое представленіе о странѣ, записать и провѣрить много варіантовъ преданій и обычаевъ. Для этого я въ началѣ пользовался переводчиками, сопутствовавшими мнѣ казаками и знавшими по русски якутами, а затѣмъ самъ настолько узналъ якутскій языкъ, что могъ записывать самостоятельно. Обыкновенно записывалъ я текстъ по-руски, а по-якутски вставлялъ только болѣе характерные обороты или рѣдкія сомнительныя и трудныя для перевода слова. Это значительно сокращало время записи и не такъ утомляло разсказчика. Таково происхожденіе матеріаловъ, составившихъ эту книгу. (Предисл. стр. IX—X). Затѣмъ авторъ занимался полтора года въ Иркутскѣ, въ музеѣ и библіотекѣ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Геогр. Общ. «Литература объ Якутской области, говоритъ авторъ, разрослась въ настоящее время до размѣровъ цѣлой библіотеки; можно насчитать болѣе полуторы тысячи номеровъ книгъ, брошюръ, статей, вышедшихъ отдѣльными выпусками или разбросанныхъ въ періодическихъ научныхъ и популярныхъ изданіяхъ. Къ сожалѣнію, добрая треть, если не больше, представляетъ компиляціи или повторенія однихъ и тѣхъ же первоисточниковъ. Размѣры и назначенія этой книги не позволяли въ ней удѣлять много мѣста ссылкамъ и критикѣ печатныхъ источниковъ; цитатъ оказалось и безъ того много, между тѣмъ я ограничился только признанными авторитетами и выписками изъ рѣдкихъ и трудно доступныхъ сочиненій». Всего болѣе воспользовался онъ трудами знаменитаго путешественника Миддендорфа и также вывезенными имъ матеріалами, обработанными въ извѣстномъ трудѣ ак. Бетлинга, затѣмъ трудами другихъ старыхъ и новыхъ путешественниковъ и знатоковъ В. Сибири Спаѳарія (1675 г.), Гмелина, Словцова, Щукина, Кострова, Кривошапкина, Потанина, Худякова и др.

Введеніе (Геогр. очеркъ, климатъ, растительность, фауна, домашнія животныя), занимающее 141 стр., было дополнено и исправлено авторомъ, по предварительномъ его просмотрѣ въ рукописи, особыми спеціалистами: Э. Е. Толемъ — (географія и фауна), Э. В. Штеллингомъ (климатъ), С. И. Коржинскимъ и Я. П. Прейномъ (ботаника).

Слишкомъ двѣнадцатилѣтнее пребываніе г. Сѣрошевскаго въ Якутской области, его разъѣзды по ней, основательная разработка собраннаго матеріала, энергія и даровитость автора, какъ наблюдателя и писателя, его гуманное, любовное отношеніе къ Якутамъ придаютъ этому труду истинно-высокое значеніе въ наукѣ этнографической.

Сверхъ введенія, I т. этого капитальнаго труда состоитъ изъ слѣд. XV главъ: I. Объ южномъ происхожденіи Якутовъ. — II. Разселеніе — III. Физическія особенности племени. IV. Экономическія основы быта. V. Пища. VI. Платье. VII. Постройки. VIII. Ремесла и искусства. IX. О распредѣленіи богатства, условіяхъ труда и найма. X. Родовой строй. XI. Семья. XII. Дѣти. XIII. Бракъ и любовь. XIV. Народное словесное

творчество. XV. Вѣрованія. (стр. 183—675).—Въ приложеніи напечатана «Вѣдомость домовъ, юртъ и народонаселеніе инородцевъ Олёкминскаго округа и улусовъ, съ подраздѣленіемъ на наслеги и роды за 1891 г.» Къ тому приложены еще два Указателя: одинъ—собственныхъ именъ, другой—предметовъ.

Живость и нерѣдко истинно-художественное изложеніе автора дополняется еще многочисленными, большею часть весьма удачными рисунками Якутовъ, Якутокъ различныхъ классовъ, состояній и возрастовъ, ихъ жилищъ, работъ, предметовъ домашняго обихода и пр. Рисунки по наброскамъ и фотографіямъ автора исполнены художниками С. М. Дудинымъ, А. В. Евреиновымъ и Д. М. Головачевымъ. Наука и русская литература обязаны прекраснымъ изданіемъ этого замѣчательнаго труда Аннѣ Ивановнѣ Громовой, главѣ Торговаго дома, давно уже ведущаго дѣла въ Якутской области; А. И. Громова дала средства автору, дабы облегчить ему «возможность обработать сырой матеріалъ и затѣмъ издать сочиненіе».

Нельзя не отмѣтить съ особенною признательностью того обстоятельства, что, давши средства на это изданіе, А. И. Громова пожелала, чтобы оно считалось изданіемъ И. Р. Г. Общества. Въ нашемъ отечествѣ, гдѣ не немного милліонеровъ и нѣтъ обладателей милліардовъ, нельзя расчитывать на меценатовъ, которые бы рѣшились тратить на этнографическія и другія изданія по географіи Россіи, такія суммы, которыя израсходывало и расходуетъ наше Географическое Общество въ теченіи полувѣка. Ни одинъ меценатъ не превзойдетъ въ этомъ отношеніи Общества, справедливо снискавшаго себѣ уваженіе въ цѣломъ образованномъ мірѣ. Да и честь мецената отъ этого не умалится, напротивъ увеличится, ибо такого рода прямыя и вмѣстѣ косвенныя пожертвованія ученымъ и ихъ трудамъ, черезъ ученыя общества, только облагораживаютъ меценатскія отношенія, привнося въ нихъ ту гуманную деликатность, которой часто прежде въ нихъ не доставало. По изяществу и роскоши изданія, Якуты Сѣрошевскаго, изданіе И. Р. Географическаго Общества на средства, пожертвованныя А. И. Громовой, и вышеупомянутый томъ обширнаго труда Позднѣева, изданный на средства Геогр. Общ., превосходятъ всѣ новѣйшія русскія этнографическія изданія.

Обычное право выпускъ второй. Матеріалы для библіографіи обычнаго права Ярославль. 1896. XXXVII+544 стр. въ 8-ку.

Выпускъ первый вышелъ въ Ярославлѣ въ 1875 г. (подъ тѣмъ же заглавіемъ, но въ меньшемъ форматѣ и объемѣ—XXXVI+249).

Этотъ превосходный образецъ толковой библіографіи, одно изъ важнѣйшихъ пособій по русской этнографіи, принадлежитъ, какъ извѣстно, перу образованнаго юриста, просвѣщеннаго любителя и отличнаго знатока обычнаго права Е. И. Якушкина. На оберткѣ 2-го вып. мы прочли пріятное извѣстіе о приготовленіи къ печати втораго изданія 1-го вып. Въ этомъ дѣйствительно была крайняя нужда, такъ какъ первый выпускъ давно уже сталъ рѣдкостью. Если припомнимъ, что нашъ маститый этнографъ-юристъ постоянно живетъ и работаетъ (съ 1859 г.) въ Ярославлѣ, что собирать библіографическія свѣдѣнія въ губернскомъ городѣ гораздо труднѣе, чѣмъ въ столицахъ, то тѣмъ болѣе заслуживаютъ удивленія и благодарности тщательность и богатство собранныхъ авторомъ библіографическихъ данныхъ. Во второмъ выпускѣ «указаны сочиненія, касающіяся народнаго юридическаго быта съ 1876 г. по 1889 г. включительно, а также хотя появившіяся и ранѣе, но пропущенныя въ первомъ выпускѣ.

По примѣру перваго выпуска, многія книги и статьи не только указаны, но и снабжены мастерски составленнымъ изложеніемъ ихъ содержанія. И при второмъ выпускѣ имѣются указатели: I. систематическій (I. Русское обычное право. II. Управленіе-самоуправленіе. III. Судъ. IV. Гражданское Право. А. семейное право. а брачный союзъ. б. союзъ

родителей и дѣтей. в. союзъ членовъ семьи. Б. Опека и попечительство. В. Право наслѣдственное. Г. Права вещныя. Д. Сдѣлки и обязательства. Y. Торговое право. VI. Уголовное право.—Затѣмъ Обычное право инородцевъ)—стр. 457—507. 2. этнографическій стр. 508—511; 3. географическій стр. 512—532; 4. именной указатель (фамиліи авторовъ просмотрѣнныхъ сочиненій) стр. 533—544.

Почтенный трудъ Е. И. Якушкина навсегда сохранитъ значеніе необходимаго пособія при изученіи русской этнографіи и нашего обычнаго права въ особенности.

Бартеневъ Викторъ. На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. Очерки Обдорскаго края. С.-Петербургъ. 1896. II+154 стр.

Авторъ пробылъ четыре года въ Обдорскѣ и успѣлъ близко ознакомиться съ частью этого дальняго и неприглядного края. Многія изъ его интересныхъ замѣтокъ о Самоѣдахъ, Остякахъ, Зырянахъ и Русскихъ были бы еще цѣннѣе, если бы не было неряшливости и какой-то растрепанности въ изложеніи. Портитъ книжку и множество опечатокъ.

Харузинъ, Н. Исторія развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ Тюркскихъ и Монгольскихъ народностей Россіи. Москва. 1896. IV+124 стр. въ 8-ку.

Авторъ представляетъ рядъ любопытныхъ соображеній о типахъ жилищъ кочевыхъ народностей тюркскихъ и монгольскихъ переходящихъ постепенно, и сколько извѣстно изъ исторіи, подъ вліяніемъ по большей части чужого земледѣльческаго населенія, къ жизни осѣдлой, и какъ по мѣрѣ такихъ переходовъ измѣняются ихъ жилища изъ первоначальныхъ коническихъ шалашей въ рѣшетчатыя юрты, а тѣ въ свою очередь въ балаганы и плетневыя жилища, землянки, наконецъ срубы и пр. Почтенный авторъ обращается преимущественно къ новымъ свидѣтельствамъ, но иногда обращается и къ старымъ и къ средневѣковымъ путешественникамъ. Жаль, что авторъ не обратилъ вниманія на любопытнѣйшія въ этомъ отношеніи показанія Приска о Гуннахъ Аттилы (Готск. имя, по слав. Отило: От,—отьнь, отьць, срвн. Братило. Ласкательное и у Славянъ, какъ въ Словѣ о П. Иг. «О вѣтре вѣтрило».

Пантюховъ И. И. О пещерахъ и позднѣйшихъ жилищахъ на Кавказѣ. Тифлисъ. 1896. 142 стр. и XVI табл. рисунковъ, въ 8-ку.

Много любопытныхъ указаній на литературу предмета, на средневѣковыя и новыя и новѣйшія описанія быта и жилищъ Кавказскаго населенія (стр. 10—12), на пещеры естественныя и искуственныя въ разныхъ мѣстахъ края, осмотрѣнныя и описанныя посторонними учеными и мѣстными наблюдателями (стр. 12—22), наконецъ осмотрѣнныя и болѣе или менѣе изслѣдованныя самимъ авторомъ (стр. 22—38). Любопытна глава VIII: Древнѣйшія зданія крѣпости, башни, храмы, города.—Интересныя данныя и соображенія сообщены авторомъ о современныхъ полунадземныхъ и подземныхъ жилищахъ (стр. 82 и сл.), т. е. о полуподземныхъ сакляхъ преимущественно у картвельскаго племени по среднему бассейну Куры и ея верхнимъ притокамъ. Оказывается, что грузинскія напр. сакли въ Мукетѣ лучше и чище армянскихъ въ Глданахъ; но лучше, просторнѣе и удобнѣе—грузинскія сакли подъ Тифлисомъ въ с. Дигомахъ Сакли татарскія хуже также грузинскихъ. Отъ этихъ саклей отличаются сакли подземныя; онѣ сидятъ больше въ землѣ, преимущественно въ холодныхъ плоскостяхъ

Малаго Кавказа и въ сосѣднихъ мѣстностяхъ. «Къ подземнымъ жилищамъ должно отнести и пещеры въ Запщурскомъ и другихъ уѣздахъ. По словамъ д-ра Гедевалова, селенія армянъ и татаръ того уѣзда часто расположены въ мѣстахъ богатыхъ пещерами, служащихъ для многихъ единственнымъ жилищемъ. Помѣщеніе для скота устраивается рядомъ въ такихъ же пещерахъ. Подземныя жилища можно раздѣлить на два типа—первый по склонамъ плоскогорья, походитъ на грузинскій, причемъ скотъ обыкновенно помѣщается отдѣльно отъ хозяевъ, и второй на самомъ плоскогорьѣ, гдѣ помѣщеніе скота не отдѣляется отъ помѣщенія хозяевъ».—Въ гл. XI идетъ рѣчь о деревянныхъ, каменныхъ и друг. жилищахъ.

«Въ послѣднія 30—40 лѣтъ, особенно послѣ освобожденія крестьянъ, устройство жилищь начало улучшаться. Въ Кахетіи (Телавскій уѣздъ), кромѣ плетневыхъ и деревянныхъ появились каменные дома, мало отличимы отъ княжескихъ. Въ Кутаисской губ. не только у дворянъ, но и у зажиточныхъ крестьянъ домики высматриваютъ весьма привѣтливо. Съ двухъ сторонъ ихъ красивая, иногда съ рѣзными рѣшетками галлерея, въ домахъ нѣсколько комнатъ, большія окна, деревянные полы и потолки, камины; въ гостиной, кромѣ шахты, и другая мебель. Кухня находится въ отдѣльномъ зданіи... Характеръ построекъ остается однако и въ новыхъ зданіяхъ прежнiй—стѣны только, непрочны, нерѣдко со щелями, печей нѣтъ, а только камины». (с. 98—99).

Относительно деревянныхъ жилищъ русскаго крестьянскаго населенія авторъ замѣчаетъ, что «какъ на холодныхъ плоскогорьяхъ Ахалкалакскаго уѣзда и Карской области, такъ и на предгоріяхъ Тифлисскаго и низменностяхъ Ленкоранскаго уѣздовъ, русское населеніе не подчинилось туземнымъ образцамъ, а при устройствѣ какъ жилыхъ зданій, такъ и хозяйственныхъ построекъ, сообразуясь съ мѣстными условіями, почти совершенно сохранило такой же типъ жилищъ, какой онъ и на равнинахъ сѣверной и южной Россіи. Жилища русскихъ большею частью деревянныя, рѣдко глиняныя или каменныя. Пользуясь достаточнымъ благосостояніемъ, кавказскіе Русскіе живутъ лучше, чѣмъ крестьяне собственной Россіи, въ домахъ ихъ часто нѣсколько комнатъ, стулья, комоды, зеркала, цвѣты, а иногда и газеты». (с. 101).

Пожелаемъ почтенному автору продолжать свои наблюденія и изысканія и приготовить этотъ трудъ вторымъ изданіемъ, гдѣ бы этотъ весьма важный предметъ былъ разработанъ систематически, съ большими деталями и съ приложеніемъ наибольшаго количества чертежей, рисунковъ и фотографическихъ снимковъ. И. Р. Г. Общество, а также и здѣшнее Арх. Общество, можно надѣяться, не преминули бы оказать автору свое содѣйствіе.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

О Пасхѣ.

Народная легенда, записанная въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губ.

Въ NN одномъ изъ большихъ, но глухихъ селъ Пошехонскаго уѣзда жила молодая вдовая солдатка Ѳекла; жила она одиноко въ своей кельѣ [1]) на самомъ краю села. Это было въ сороковыхъ или пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія.

Хотя издревле про солдатокъ сложилось присловье, что «солдатка мірской человѣкъ», что солдаткѣ все позволяется,—а ужь «чего ей хочется, то николи (никогда) не грѣхъ», однако про молодую Ѳеклу нельзя было сказать ничего худого. Честно и не зазорно вдовѣла она третій годъ, нанимаясь въ поденныя работы къ своимъ односельчанамъ и добывая себѣ этимъ насущный кусокъ хлѣба.

Ничего худого не могли сказать сосѣди про молодую Ѳеклу, но врагъ силенъ: попуталъ онъ и бѣдную бабу. Слюбилась Ѳекла съ сосѣднимъ парнемъ, а тамъ пришло время и забеременѣла отъ него. Беременность свою она такъ искусно скрывала ото всѣхъ, что никто не могъ даже и подумать, что Ѳекла беременна, тѣмъ болѣе, что никто и не подозрѣвалъ, что Ѳекла начала «баловать»...

Была ночь на Свѣтлое Христово Воскресенье. Во всѣхъ домахъ NN свѣтились огоньки—вездѣ готовились къ встрѣчѣ великаго праздника. Въ церкви давно уже началось чтеніе «Дѣяній», народъ изъ отдаленныхъ деревень понемногу собирался къ свѣтлой заутрени... Свѣтился огонекъ и сквозь занавѣшенное оконце Ѳеклиной келейки. Но не встрѣчей Свѣтлаго Праздника была занята въ это время молодая вдова: нѣтъ, заперевъ наглухо двери, она мучилась родами, одна одинешенька. По счастью схватки были не сильны и не продолжительны и Ѳекла скоро стала матерью.

Стыдъ и боязнь за будущее охватили душу молодой бабы.

— «Что сосѣди теперь скажутъ? думала баба. «Срамъ одинъ только будетъ: проходу не дадутъ мнѣ – засмѣютъ. . а какъ кормиться будетъ? съ этимъ на работу не пойдешь наймоваться: придется по міру сбирать идти, такъ думала Ѳекла и сердце ея защемило отъ ужаса за свою неприглядную будущность, а руки ея все крѣпче и крѣпче сжимали шейку малютки.

Еще одно крѣпкое судорожное движеніе пальцами рукъ, раздался слабый не то хрипъ, не то стонъ, и малютки не стало въ живыхъ..,

---

[1]) Изба въ которой живутъ бобыли.

Закопать малютку въ подъизбицѣ было для Ѳеклы дѣломъ получаса...

Между тѣмъ раздался громкій торжественный благовѣстъ къ Свѣтлой заутренѣ...

Ѳекла поспѣшно прибралась въ кельѣ, одѣлась въ лучшую одежу и отправилась въ церковь...

— «Теперь никто ничего не подумаетъ — никому и въ голову ничего не придетъ», думала Ѳекла, идя къ церкви и отъ слабости еле передвигая ногами.

— «Чтой то это, матка, на тебѣ лица нѣтъ», замѣтила въ церкви Ѳеклѣ одна изъ ея сосѣдокъ.

— «Не можется что то.. головушку всю разломило... простудилась должно быть», равнодушно отвѣчала Ѳекла.

Сосѣдка вполнѣ удовлетворилась такимъ отвѣтомъ...

Прошло съ тѣхъ поръ нѣсколько дней. Ѳекла окончательно оправилась отъ родовъ. Все дѣло, какъ говорится, было и «шито и крыто».

Но Богъ судилъ иначе...

По селу понесли иконы. По старинному обычаю причтъ съ св. иконами ходилъ о Пасхѣ изъ дома въ домъ и служилъ молебны. За иконами ходили почти всѣ сельчане.

Принесли, наконецъ, иконы и въ Ѳеклину келью.

Священникъ сдѣлалъ возгласъ и началъ молебенъ. Старикъ дьячекъ дребезжащимъ голосомъ запѣлъ пасхальныя стихиры...

Какъ вдругъ въ это время послышался необычайный шорохъ. Изъ за печки и изо всѣхъ щелей Ѳеклиной кельи показались миріады черныхъ крупныхъ таракановъ. Богомольцы съ ужасомъ попятились къ дверямъ. Между тѣмъ легіоны таракановъ двигались по стѣнамъ и по потолку въ стройномъ порядкѣ и все по одному направленію: быстро сползли они на полъ и собрались огромной кучей надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ въ подъизбицѣ былъ похороненъ у Ѳеклы ребенокъ.

На Ѳеклѣ, какъ говорится, лица не было...

Между тѣмъ тараканы совершенно неподвижно сидѣли до тѣхъ поръ, пока не окончился молебенъ. Тогда снова полчища ихъ двинулись въ стройномъ порядкѣ на стѣны и въ какія нибудь 5—6 минутъ скрылись по щелямъ и за печью, такъ что не видно стало болѣе ни одного таракана...

Священникъ вопросительно глядѣлъ на Ѳеклу...

Скрываться долѣе было не возможно...

Съ плачемъ упала молодая баба на колѣна передъ священникомъ и въ присутствіи всѣхъ разсказала свой грѣхъ...

А. Баловъ.

Крапивное заговѣнье.

Подъ названіемъ крапивнаго заговѣнья извѣстно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пошехонскаго уѣзда Воскресеніе «Всѣхъ святыхъ» или заговѣнье на Петровъ постъ. Въ это воскресеніе парни и дѣвушки, сбирающіеся на обычныя деревенскія гулянья, жгутъ другъ друга крапивою, откуда и самый день этотъ получилъ названіе «крапивнаго» заговѣнья.

Данный обычай представляетъ изъ себя остатокъ древнихъ «русальныхъ проводовъ», пріуроченныхъ первоначально къ купальскимъ игрищамъ, а затѣмъ перенесенныхъ съ купальскаго праздника на всѣхсвятское воскресенье. Русалки (южнослав. «мавки»), по древнему вѣрованію славянъ, суть души умершихъ (Соловьевъ). Весною, когда вся природа оживаетъ, по мнѣнію нашихъ предковъ язычниковъ, оживали и души умершихъ и бродили по землѣ. Такъ какъ путь водный считался у всѣхъ на-

родовъ проводникомъ въ подземное царство и изъ него назадъ, то неудивительно, что по тому же народному повѣрью русалки живутъ съ наступленіемъ весны въ водахъ: рѣкахъ, озерахъ, колодцахъ. Какъ представительницамъ царства смерти, тьмы и холода, русалкамъ всего естественнѣе обитатать въ темныхъ нѣдрахъ земныхъ водъ, еще холодныхъ весною.

Но вотъ наступаетъ время купальскихъ праздниковъ. Солнце, купаясь въ водахъ, освящаетъ ихъ и оживотворяетъ ихъ [1]). Въ этихъ водахъ уже нѣтъ болѣе мѣста для русалокъ — представительницъ мрака и смерти. Отсюда, по народному повѣрью, русалки лѣзутъ на земныя деревья—первоначальное обиталище мертвецовъ (см. житіе Константина Муромскаго). Но и эта попытка является для нихъ неудачной: деревья послѣ купальскихъ праздниковъ точно также освящены солнцемъ, и русалкамъ, представительницамъ холода, мрака и смерти, съ наступленіемъ лѣта—царства тьмы и свѣта, нѣтъ болѣе мѣста на землѣ. Для нихъ остается только одно—уйти въ темныя нѣдра земли и заснуть тамъ крѣпкимъ сномъ до новой весны. Въ одной изъ купальскихъ пѣсенъ по этому поводу говорится:

Русалочки-земляночки
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Свалилися, забилися.

Эти то проводы русалокъ въ нѣдра земли и совершались въ старину послѣ купальскихъ игрищъ. Съ принятіемъ христіанства они пріурочены были затѣмъ къ началу Петрова поста. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Рязанской губерніи и до сихъ поръ наканунѣ заговѣнья на Петровъ постъ нѣсколько дѣвушекъ изображаютъ изъ себя русалокъ, ходя ночью по улицамъ въ однихъ рубашкахъ съ распущенными волосами. Часовъ въ 12 ночи молодежь вооружается палками, косами, кнутами и бросается на дѣвушекъ, изображающихъ русалокъ, съ крикомъ: «гони русалокъ». Когда «русалкамъ» удастся убѣжать на землю сосѣдней деревни, преслѣдованія прекращаются, и всѣ возвращаются домой говоря: «Ну, теперь прогнали русалокъ». (Жив. Стар. В. IV. 1891 г. 202 стр.).

Между тѣмъ, по старинному народному вѣрованію, русалки, какъ и вѣдьмы, всего болѣе боятся крапивы и осины, растеній, посвященныхъ богу громовнику. Эти растенія очень часто употребляются народомъ для защиты отъ русалокъ и вѣдьмъ: ихъ кладутъ, напр., въ хлѣвахъ, чтобы вѣдьмы не выдаивали коровъ и т. д. Эти растенія играли видную роль и въ старинныхъ купальскихъ русальныхъ проводахъ, т. е. ими старались прогнать русалокъ въ нѣдра земли

Очевидно, что обычай жечь другъ друга въ «крапивное воскресенье» есть ничто иное, какъ остатокъ древнихъ «русальныхъ проводовъ».

А. Баловъ.

Свѣчи и ладонъ въ народныхъ повѣрьяхъ.

Изъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи.

Слѣды язычества, выразившіеся въ массѣ различныхъ народныхъ суевѣрій и предразсудковъ, настолько укоренилось и распространилось въ жизни нашего народа, что очень часто мы встрѣчаемъ эти слѣды тамъ, гдѣ ихъ, повидимому, вовсѣ не должно бы и быть. Въ статьѣ нашей «Слѣды язычества въ народномъ иконопочитаніи» (Жи-

[1]) О характерѣ и значеніи купальскихъ игрищъ нами будетъ представлена въ скоромъ времени особая отдѣльная статья.

вая Старина 1891 г. № 3) мы подробно указывали на тѣ суевѣрія и предразсудки, которыя замѣчаются въ народномъ иконопочитаніи и которыя представляютъ изъ себя ничто иное, какъ остатки сѣдой языческой старины.

Въ настоящемъ очеркѣ мы постараемся указать на подобныя же суевѣрія и предразсудки, но пріуроченныя только къ другимъ священнымъ предметамъ—именно къ «церковнымъ свѣчамъ и ладону».

Особенное значеніе придаетъ народъ свѣчамъ «вѣнчальнымъ». Свѣчи эти тщательно сохраняются народомъ вмѣстѣ съ иконами въ кіотахъ или просто на полкахъ. Уже во время самаго бракосочетанія народъ замѣчаетъ по вѣнчальнымъ свѣчамъ, кто изъ брачущихся скорѣе умретъ. Тотъ у кого вѣнчальная свѣча сгоритъ болѣе во время бракосочетанія, тотъ скорѣе и умретъ. Означенное повѣрье, очевидно, есть ничто иное, какъ видоизмѣненное гаданье съ огнемъ, пріурочиваемое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ Катеринину дню (24 ноября), а въ другихъ—къ Святкамъ. Гаданье это состоитъ въ томъ, что огарки восковыхъ свѣчъ прикрѣпляютъ къ орѣховымъ скорлупамъ и, зажегши эти огарки, пускаютъ на воду: чей огарокъ погаснетъ скорѣе—тотъ раньше и умретъ.

Варіацій подобнаго гаданья существуетъ очень много, и перечислять ихъ мы не будемъ, такъ какъ это не относится къ интересующему насъ вопросу.

Во время трудныхъ родовъ вмѣстѣ съ прочими народными средствами употребляется между прочимъ и зажиганіе «вѣнчальныхъ» свѣчъ.

Вѣнчальныя свѣчи зажигаются точно также во время грозы и пожара, чтобы отвратить отъ дома громовые удары или прекратить начавшійся пожаръ. Такую же силу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ приписываетъ свѣчамъ «богоявленскимъ» и «пасхальнымъ» т. е. свѣчамъ, съ которыми стояли въ эти праздники въ церкви. «Богоявленскія» или же «вѣнчальныя» свѣчи зажигаютъ наконецъ и въ изголовьѣ умирающаго, когда послѣдній долго мучится въ предсмертной агоніи.

Зажигать «богоявленскія» свѣчи во время грозы и пожара, а также въ изголовьи умирающаго есть обычай, перешедшій къ намъ съ юго-запада, изъ католической церкви. Здѣсь долго существовалъ обычай въ день Срѣтенія Пресв. Богородицы освящать свѣчи и раздавать ихъ народу. Въ католическихъ требникахъ есть и особыя назначенныя для этого молитвы. (Объ уніат. богосл. кн. Хойницкій Хр. Чтен. стр. 596—597). Свѣчи эти зажигались во время пожара и грозы и давались въ руки умирающему. Если припомнимъ, что на Пресв. Богородицу съ принятіемъ христіанства было перенесено почитаніе одной изъ «роженицъ», имѣвшихъ въ своей власти бракосочетаніе, рожденіе и смерть человѣка, то разрѣшительная сила «срѣтенскихъ» свѣчъ при родахъ и при смерти будетъ намъ вполнѣ понятна. Съ теченіемъ времени сила эта стала приписываться не только «срѣтенскимъ», но «богоявленскимъ», «пасхальнымъ» и другимъ церковнымъ свѣчамъ, какъ напр. «четверговымъ».

Что касается до силы «богоявленскихъ», «пасхальныхъ» и «вѣнчальныхъ» свѣчъ охранять отъ молніи и прекращать пожары, то сила эта, по всей вѣроятности, приписывалась вначалѣ только «срѣтенскимъ» свѣчамъ. Вѣрованіе въ такую силу этихъ свѣчъ могло зародиться на христіанскомъ представленіи Пресв. Богородицы «неопалимою купиною». Со «срѣтенскихъ» свѣчъ это вѣрованіе было перенесено затѣмъ на свѣчи «богоявленскія», «вѣнчальныя», «пасхальныя» и т. д.

«Четверговая» свѣча, т. е. свѣча, принесенная изъ церкви въ великій четвертокъ, по народному повѣрью, обладаетъ силою уничтожать чары колдуновъ и прогонять вѣдьмъ. Основа такого повѣрья чисто уже языческая. Вѣрованіе въ колдуновъ и вѣдьмъ есть «пережитокъ» языческаго вѣрованія въ облачныхъ нимфъ, представительницъ царства ночи и зимы, тѣхъ самыхъ нимфъ, которыхъ Перунъ разгоняетъ своими молніями.

Между тѣмъ четвергъ и посвящался нашими предками Перуну—богу громовнику, разгоняющему облачныхъ нимфъ своими молніями. Четверговая свѣча и служитъ въ данномъ случаѣ эмблемою молній бога громовника.

Что касается до ладона, то по народному вѣрованію онъ обладаетъ свойствомъ прогонять отъ человѣка нечистыхъ духовъ. Поэтому то до сихъ поръ въ народѣ довольно распространенъ обычай носить на шеѣ «ладонки», т. е. мѣшечки съ зашитымъ въ нихъ ладономъ. Обычай этотъ восходитъ къ глубокой древности. Всѣ языческіе народы съ незапамятныхъ поръ носили на шеяхъ особые мѣшечки, называемые амулетами. Въ мѣшечкахъ хранились камешки съ таинственными словами и надписями, лекарственныя травы и волшебныя вещи, которымъ приписывалась таинственная чудесная сила. Все это въ древности строго запрещалось не только христіанскою церковію, но даже и языческими царями.

Ношеніе ладонокъ есть ничто иное, какъ видоизмѣненный обычай ношенія амулетовъ, такъ какъ ладонка есть тотъ же амулетъ, въ которомъ чудесная сила приписывается ладону.

А. Баловъ.

Живая старина.

Жители различныхъ мѣстностей Россіи нерѣдко извѣстны бываютъ среди остального населенія подъ различными шутливыми прозвищами, соединенными съ такими же шутливыми легендами объ этихъ жителяхъ. Такъ напр. про «ярославцевъ» жители остальныхъ уѣздовъ Ярославской губерніи говорятъ, что «ярославцы бѣлотѣлы: семь лѣтъ въ банѣ не были, разъ побывали—семь пудовъ грязи съ одного пятнышка на тѣлѣ наскребли», про «даниловцевъ» говорятъ, что «они теленка въ люлькѣ закачали», про любимцевъ, что они «козу пряниками кормили», про пошехонцевъ, что «они въ трехъ соснахъ заблудились». Анекдоты о пошехонцахъ еще съ 1798 г. были изложены нѣкіимъ Березайскимъ въ отдѣльной книгѣ подъ заглавіемъ: «анекдоты о древнихъ пошехонцахъ» Спб. 1798.

Шутливое отношеніе жителей однихъ мѣстностей къ своимъ сосѣдямъ, выражающееся въ различныхъ шуточныхъ прозвищахъ, даваемыхъ этимъ сосѣдямъ, довольно рельефно выказалось въ слѣдующей народной пѣсенкѣ, записанной нами въ Пошехонскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи.

....Даниловски дѣвки—путаницы,
Романовски—луковницы,
Костромскія—пароходницы,
Онѣ дуры не работницы,
Ярославски дѣвки модницы и т. д.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что многія изъ такихъ шуточныхъ прозвищъ, усвоенныхъ жителямъ извѣстной мѣстности, берутъ свое начало въ глубокой древности. Прослѣдить происхожденіе такихъ прозвищъ, указать на причины ихъ появленія—было бы весьма интересно. Къ несчастію, дѣло это далеко нелегкое.

Въ нашемъ настоящемъ очеркѣ мы остановимся на прозвищѣ Угожанъ, т. е. жителей села Угодичъ Ростовскаго уѣзда. Угожанъ обыкновенно называютъ «ершёвниками», утверждая, что они «ерша со звономъ встрѣчали». (Село Угодичи, Ростовскаго уѣзда. Изъ восп. Артынова Яр. Губ. Вѣд.).

Какой смыслъ этого прозвища и гдѣ его начало?

Извѣстный эллинистъ, ученый изслѣдователь Порфирій, епископъ чигиринскій, говоритъ: «я въ юности своей слышалъ отъ отца своего, что въ Ростовскомъ озерѣ во время оно, являлся большой ракъ и обѣими клещами благословлялъ, какъ архіерей». (Исторія Аѳона. ч. II. Аѳонъ христіанскій. Тр. Кіев. Духовн. Акад. 1871 г., т. 3, стр. 365).

По мнѣнію ученаго изслѣдователя, «насмѣшки язычниковъ надъ христіанами въ первыя времена христіанства и христіанъ надъ язычниками надолго сохранились въ народныхъ повѣрьяхъ». Такъ напр. между жителями Аѳонскаго городка Ериссо до сихъ поръ сохранилось шуточное повѣрье, что потомки притѣснителей св. Апостола Павла не ѣдятъ воловьяго мяса изъ боязни, чтобы изъ нихъ не потекла кровь. Здѣсь видна явная насмѣшка христіанъ надъ язычниками—почитателями Аполлона, какъ извѣстно, не употреблявшими въ пищу воловьяго мяса.

По мнѣнію ученаго изслѣдователя и въ сказаніи о ракѣ, благословлявшемъ по архіерейски, видна явная насмѣшка ростовскихъ язычниковъ надъ первыми тамъ христіанами и надъ епископомъ ихъ.

Вполнѣ соглашаясь въ данномъ случаѣ съ мнѣніемъ почтеннаго изслѣдователя, мы осмѣлимся провести параллель съ сказаніемъ, приведеннымъ имъ о ракѣ ростовскаго озера, благословляющимъ какъ архіерей, и съ выраженіемъ что «Угожане ерша со звономъ встрѣчали».

И послѣднее выраженіе не представляеть ли изъ себя явную насмѣшку древнихъ ростовскихъ язычниковъ надъ первыми ростовскими христіанами и надъ ихъ епископомъ? Пожалуй, что да.

Во всякомъ случаѣ, если мы примемъ высказанное нами предположеніе, то темное и неясное выраженіе, что «угожане ерша со звономъ встрѣчали» будетъ для насъ вполнѣ ясно и вразумительно.

Желательно бы было, чтобы мѣстные изслѣдователи обратили свое вниманіе на шуточныя прозвища, даваемыя жителями однихъ мѣстностей жителямъ другихъ. Многія изъ такихъ прозвищъ, безъ всякаго сомнѣнія, получили свое начало въ глубокой древности и представляютъ изъ себя ту «живую старину, о которой говорили мы и въ предъидущихъ нашихъ очеркахъ.

Для образца укажемъ, напримѣръ, на шуточное прозвище «оковниковъ», дававшееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще не особенно давно жителямъ Ростовскаго уѣзда. Прозвище это получило свое начало отъ слова «оковь»—деревянная кадка, окованная желѣзными обручами, которая употреблялась ростовцами встарину въ мѣсто хлѣбной мѣры.

Уяснить всѣ такія прозвища было бы крайне интересно.

А. Баловъ.

Digitized by Google